

Ф. II 23 421

И. И. Крафтъ.

ИЗЪ КИРГИЗСКОЙ СТАРИНЫ.

1939 № 17479

ср.

ОРЕНБУРГЪ.

Типо-литографія Ф. В. Сачкова.

1900 г.

Отдельный оттиск изъ „Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостей“ за 1891 и
1899 годы и „Тургайской Газеты“ за 1896, 1897 и 1898 годы.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляет сборникъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ авторомъ въ «Тургайской Газетѣ» и въ «Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ». Въ первую часть вошли статьи и документы историческаго содержания, въ число которыхъ имѣется нѣсколько неизданныхъ указовъ Императрицы Екатерины II, воспроизведенныхъ съ подлинниковъ, хранящихся въ архивѣ Тургайскаго Областнаго Правленія. Нѣкоторые изъ указовъ не имѣютъ прямого отношенія къ киргизской степи, немногіе же имѣютъ общее значеніе, но тѣ и другіе, отчасти извѣстные въ исторической литературѣ, помѣщены въ настоящей книгѣ какъ входящіе въ составъ статьи, посвященной воспоминаніямъ о дѣятельности Императрицы Екатерины II въ день столетія ея смерти. Во второй части книги помѣщены нѣкоторыя сказки, легенды и басни изъ числа многихъ образцовъ киргизскаго народнаго творчества, собранныхъ авторомъ во время частыхъ разъѣздовъ по киргизской степи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Матеріалы къ исторіи возникновенія городовъ въ Тургайской области. ¹⁾

Города Тургай и Иргизъ.

Въ Тургайской области имѣется два города Иргизъ и Тургай, два поселенія Актюбе и Кустанай и бывшій фортъ Карабутахъ. Кромѣ того, есть 13 селеній, образованныхъ преимущественно въ послѣдніе годы русскими переселенцами на землѣ, арендованной у киргизовъ. Значеніе послѣднихъ селеній въ жизни области еще не выяснено, ибо еще нѣтъ положительныхъ данныхъ, чтобы опредѣлить судьбу ихъ.

Поэтому въ настоящемъ очеркѣ будутъ приведены матеріалы, касающіеся лишь исторіи возникновенія городовъ.

Инициатива учрежденія въ Тургайской области городовъ и поселеній принадлежитъ всецѣло правительству, которое въ этомъ случаѣ руководилось исключительно соображеніями стратегическими, политическими и административными, мало, или совсѣмъ не отвѣчавшими условіямъ водворенія въ степи прочной осѣлости. Правительство заботилось объ устройствѣ въ степи такихъ пунктовъ, которые давали бы возможность слѣдить за всѣмъ происходившимъ между кочевниками, утверждать

¹⁾ „Тургайскія Областныя Вѣдомости“ 1891 года, №№ 4, 5, и 9.

Между ними вліяніе русской власти и водворятъ порядокъ и спокойствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда шайки мятежниковъ нападали на мирныхъ жителей—киргизовъ. Поэтому начало поселенія русскихъ внутри киргизской степи положено устройствомъ *укрплений*, которыя съ теченіемъ времени обращены въ административные центры уѣздовъ и переименованы въ города. Позднѣе, по прекращеніи волненій въ степи, стали возводиться *поселенія* для перенесенія въ нихъ уѣздныхъ учреждений, долгое время находившихся въ городахъ Оренбургской губерніи. При этомъ не упускалась уже изъ вида необходимость избранія такихъ пунктовъ, которые соединяли бы въ себѣ всѣ условія для прочнаго устройства быта поселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. При наличности такихъ условій устроены и существуютъ лишь два поселенія—Актюбе и Кустанай, обладающіе прочными задатками для экономическаго развитія. Обо всемъ этомъ скажемъ когда-нибудь въ другой разъ, а въ настоящемъ очеркѣ постараемся привести, по возможности, полныя свѣдѣнія о томъ, какъ возникли и устроились два города—Тургай и Иргизъ. Такъ какъ устройство ихъ послѣдовало одновременно и для достиженія однихъ и тѣхъ же цѣлей, то, во избѣжаніе повтореній, матеріалы будутъ приведены по отношенію къ обоимъ городамъ нераздѣльно.

Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда мятежный султанъ Кенисара Касимовъ съ безпорядочными толпами своихъ приверженцевъ производилъ нападенія на русскихъ и мирныхъ, несочувствовавшихъ ему киргизовъ, сопровождавшіеся насилиями, грабежами и убійствами, правительство, принимая мѣры къ охраненію мирныхъ жителей, содержало военные отряды въ прилинейныхъ пунктахъ и при ставкахъ султановъ-правителей. Отряды эти отражали нападенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это было возможно, разби-

вали и наказывали хищниковъ, но преслѣдовать ихъ и уничтожить хищничество внутри степи, тогда мало извѣстной и къ тому же граничившей съ беспокойными ханствами Средней Азіи, гдѣ хищники находили безопасное убѣжище, не могли. Поэтому для восстановленія должнаго порядка и прекращенія хищничества, рядомъ съ военными мѣрами, дѣлались попытки обращенія мятежника-султана къ повиновенію законной власти нравственными убѣжденіями и ласковымъ и благоразумнымъ обхожденіемъ, т. е. вообще мирнымъ путемъ, наиболѣе соотвѣтствовавшимъ милосерднымъ чувствамъ Государя Императора ¹⁾).

Но всѣ эти мѣры оказывались мало дѣйствительными по отношенію къ мятежнику. Честолюбивый султанъ, упоенный успѣхами въ борьбѣ съ мирными жителями, не желалъ такъ скоро и легко промѣнять привольную и властную, хотя и полную опасностей, роль атamana тысячныхъ шаекъ вольницы, на спокойную жизнь вліятельнаго гражданина своего общества. Отвѣчая обѣщаніями покориться законнымъ властямъ, Кенисара Касимовъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, оказывался вѣроломнымъ, производя время отъ времени новыя нападенія съ грабежами и убійствами. Находясь гдѣ-либо въ безопасномъ отъ преслѣдованія мѣстѣ, вчерашній покорный слуга Касимовъ проявлялъ дерзкую высокоумность по отношенію къ правительственнымъ предложеніямъ. Такъ, на требованіе дать клятвенное обѣщаніе въ покорности, Касимовъ отвѣчалъ отказомъ, по той причинѣ, что клятвы, будто бы, запрещены кораномъ. На предложеніе командированнаго мѣстнымъ начальствомъ уполномоченнаго вести дальнѣйшіе переговоры по этому во-

¹⁾ Секретное предлож. оренб. воен. губ., отъ 27 мая 1845 г. за № 457, (л. 7—16, дѣло погр. ком. № 22, ч. 1).

просу, мятежники отвѣчали отказомъ вести какіе-либо переговоры съ уполномоченнымъ и даже не пожелали принять послѣдняго ¹⁾).

Въ виду всего этого, правительство вынуждено было принять наконецъ болѣе рѣшительныя мѣры къ обузданію мятежника и для достиженія этого остановилось на мысли о болѣе прочномъ утвержденіи вліянія русской власти въ киргизской степи. Для осуществленія этой мысли, независимо производства особыми партіями съемки и изслѣдованія степи, Государю Императору благоугодно было повелѣть: ²⁾

1) Въ киргизской степи оренбургскаго вѣдомства *постоянно* занять два передовыхъ пункта: одинъ на рѣкѣ Иргизѣ, между урочищами Аиръ-Кизилъ и Кара-Куга, а другой на рѣкѣ Тургаѣ, между песками Тусумъ и верхнимъ бродомъ Тайнакомъ, такъ какъ со стороны Сибирской линіи заняты горы Улутаусскія.

2) Въ сихъ пунктахъ возвести укрѣпленія и водворить собственно подвижные резервы.

и 3) Предпріятіе это совершить въ текущемъ (т. е. 1845) году.

Поручивъ исполненіе этого повелѣнія оренбургскому военному губернатору, Его Величество изволилъ дать, между прочимъ, слѣдующія разрѣшенія:

Приступить нынѣ же ко всѣмъ приготовленіямъ по снаряженію и сбору дѣйствующаго отряда изъ войскъ оренбургскаго корпуса, при чемъ потребную на это и вообще на расходы по возведенію укрѣпленій сумму отнестъ на подлежащіе источники министерства иностранныхъ дѣлъ.

¹⁾ Случай съ чиновникомъ Долговымъ (л. 45, дѣло погр. ком. № 23, 1845 года).

²⁾ Предписаніе оренб. воен. губ. генерала-отъ-инфантерій Обручева, отъ 31 мая 1845 г. за № 462.

При назначеніи войскъ въ составъ отрядовъ, которые водворены будутъ въ возводимыхъ укрѣпленіяхъ, имѣть въ виду потребность двойкаго рода: собственно гарнизонъ, для мѣстной обороны, и подвижной резервъ, при одномъ или двухъ орудіяхъ, для надзора за киргизами и, въ случаѣ надобности, преслѣдованія хищниковъ или мятежниковъ. Каждая изъ сихъ частей должна быть самостоятельна, соответственно ея назначенію.

Предположеніе о привлеченіи покорныхъ киргизовъ и преимущественно *минини* или хлѣбопашцевъ на прикомандованіе къ возводимымъ укрѣпленіямъ Его Величество признавалъ весьма полезнымъ, въ видахъ сближенія съ ордынцами посредствомъ ласковаго и справедливаго обращенія.

Исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія было произведено генераль-отъ-инфантеріи Обручевымъ и мѣстными властями съ замѣчательною по тогдашнему времени быстротою.

31 мая 1845 г., за № 462, было предписано предсѣдателю оренбургской пограничной комиссіи, генераль-маіору М. В. Ладыжинскому, о принятіи мѣръ къ исполненію повелѣнія объ устройствѣ укрѣпленій и сдѣланы распоряженія о снаряженіи двухъ отрядовъ для занятія назначенныхъ подъ укрѣпленія пунктовъ.

14 іюня того же года была утверждена оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ подробная инструкція отряднымъ начальникамъ о порядкѣ избранія мѣстъ для укрѣпленій, объ устройствѣ ихъ, веденіи хозяйственной части и о защитѣ отъ нападеній мятежниковъ.

Инструкціей этой, между прочимъ, поручалось отрядамъ отправиться на мѣста, указанные по р. Тургаю, съ поручикомъ генеральнаго штаба *Герномъ* и, по р. Иргизу, съ полковникомъ генеральнаго штаба *Бларамбергомъ*. Пункты для укрѣпленія приказано избрать такіе, чтобы они ко-

мандовали мѣстностью, по крайней мѣрѣ, на дальній пушечный выстрѣлъ, не были на песчаномъ грунтѣ и не подвергались бы весеннему разливу. Сверхъ того, избранныя мѣста имѣли бы чистый воздухъ и здоровую воду, также чтобы вблизи ихъ находились изобильныя пастбища и сѣнокосы, а для топлива кустарники или камыши.

Сверхъ другихъ запасовъ въ распоряженіе командировъ отрядовъ были отпущены разныя сѣмена полевыхъ и огородныхъ растений, а для воздѣлыванія земли—плуги, сохи и бороны и предоставлено дозволять нижнимъ чинамъ заниматься посѣвомъ хлѣба и заведеніемъ огородовъ, а равно охотою и рыбною ловлею, для чего отправлено по два невода при каждомъ отрядѣ.—При этомъ вмѣнено въ обязанность страдныхъ начальниковъ, по прибытіи на опредѣленные мѣста, не упустить случая нынѣшнюю же (т. е. 1845 года) осенью засѣять озимый хлѣбъ, а въ будущую весну непременно посѣять прочія сѣмена и завести бакчи и огороды.—«Пашни и огороды... говорится въ инструкціи—могутъ доставить свѣжіе припасы, къ которымъ воинскіе чины привыкли въ домахъ своихъ; рыбная же ловля и охота, равно какъ и занятіе земледѣліемъ и наблюденіе за чистотою въ укрѣпленіи, будутъ доставлять гарнизону развитіе къ трудолюбивой дѣятельности, которая также необходима и для предупрежденія болѣзней». Далѣе инструкціею поручается «всѣми способами стараться привлечь и пріохотить мирныхъ киргизовъ, преимущественно *игини* (хлѣбопашцевъ) на прикочеваніе сколь можно на близкое разстояніе къ укрѣпленіямъ, дозволяя имъ располагаться около оныхъ зимовками, что необходимо для видовъ сближенія съ ордынцами».

Для производства построекъ изъ землебитнаго кирпича, подобно укрѣпленіямъ Сибирской степи, были на-

значены: на р. *Тургай*—инженеръ-прапорщикъ *Рыбаковъ* и рядовой военно-рабочей роты, знающій дѣланіе кирпича и кладку, и на р. *Иргизъ*—инженеръ-прапорщикъ *Михайловъ*.

Для занятія мѣстности по р. Тургаю и устройства тамъ укрѣпленія былъ командированъ оренбургскій отрядъ подъ начальствомъ майора *Томина* и для той же цѣли на р. Иргизъ назначенъ уральскій отрядъ подъ командою войскового старшины *Назарова*.

Въ каждомъ изъ отрядовъ находилось: для постоянного гарнизона 164 военныхъ чина, въ видѣ подвижного резерва 226 чел. и команда для транспортировки кладей.

Сверхъ того, для подкрѣпленія оренбургскому отряду, въ виду получавшихся свѣдѣній о враждебныхъ дѣйствіяхъ мятежнаго султана Кенисары Касимова, былъ посланъ отрядъ, состоявшій при султанѣ-правителѣ восточной части орды Ахмедѣ Джантюринѣ и подъ личнымъ начальствомъ сего послѣдняго.

19 іюня 1845 года оренбургскій и уральскій отряды выступили изъ Орской крѣпости ¹⁾ для слѣдованія по назначенію.

Ровно чрезъ мѣсяцъ, именно 19 іюля 1845 г., уральскій отрядъ, пройдя отъ Орска 425 верстъ на юго-востокъ по направленію къ Аральскому морю, занялъ избранный для укрѣпленія пунктъ на правомъ берегу р. Иргиза на урочищѣ Жаръ-Мола, находящійся подъ 48° с. ш. и в. д. и тѣмъ самымъ положилъ начало основанія на томъ мѣстѣ укрѣпленія названнаго *Уральскимъ* ²⁾ и переименованнаго впоследствии въ *г. Иргизъ*.

Восточнѣе отъ этого пункта на 200 верстъ занято оренбургскимъ отрядомъ, 22 іюля 1845 года, избранное

¹⁾ Нынѣ г. Орскъ, Оренбургской губерніи.

²⁾ Предп. оренб. воен. губ., отъ 2 августа 1845 г. за № 716.

для укрѣпленія мѣсто на правомъ берегу рѣки Тургая, противъ брода Джарыкь-Уткуль, близъ урочища Бишъ-Копа ¹⁾, находящемся подъ 45° с. ш. и в. д.—Этимъ занятіемъ положено начало основанія укрѣпленія, названнаго *Оренбургскимъ* и переименованнаго впоследствии въ *г. Тургай*.

Одновременно съ занятіемъ избранныхъ подъ укрѣпленія пунктовъ были посланы къ султанамъ-правителямъ извѣщенія для опубликованія между киргизами объ истинныхъ цѣляхъ, которыми руководилось правительство при возведеніи укрѣпленій внутри степи. Было разъяснено киргизамъ, что при помощи укрѣпленій будутъ охраняться жизнь и достояніе мирныхъ степныхъ жителей отъ нападеній ихъ мятежныхъ соплеменниковъ.

Киргизы, искавшіе защиты и покровительства у русскихъ, поняли, что рѣшительныя мѣры правительства направлены именно ко благу ихъ, но не такъ поняли совершавшіяся событія киргизы не исполнили преданные правительству и выжидавшіе для своего рѣшенія, на какую сторону перейти, выясненія, на чьей сторонѣ окажется успѣхъ происходившей борьбы.

Подстрекаемые мятежникомъ Кенисарою Касимовымъ и его приверженцами, киргизы эти, въ устройствѣ укрѣпленій, старались видѣть исключительно нарушеніе своихъ правъ на пользованіе тѣми земельными угодьями, которыя отошли подъ укрѣпленія.

Такой взглядъ киргизовъ, съ достаточною определенностью, выраженъ въ письмѣ вліятельнаго представителя аргынскаго рода, управлявшаго югары-чиклинскимъ племенемъ, бія Чегеня Мусина на имя султана-правителя Восточной части орды Ахмеда Джантюрина, принимавшаго, какъ выше сказано, участіе въ занятіи мѣста

¹⁾ Предп. оренб. воен. губ., отъ 9 августа 1845 г. за № 748.

для укрѣпленія при р. Тургаѣ. Письмо это такъ характерно, что мы позволимъ себѣ привести его подлинникомъ:

«Почтенному и уважаемому султану Ахмеду Джан-сториноу, съ дальнихъ мѣстъ съ близкимъ чувствомъ поклонъ!

«Письмо, посланное отъ Васъ чрезъ Берденя, нами получено съ исправною печатью, оно прочитано: Вы дали мнѣ: золотыя серьги ¹⁾, надѣвъ ихъ на шею и сдѣлался дѣвушкой-женщиной, а надѣвъ бархатный кафтанъ, сдѣлался юношей. Къ этому стремилось желаніе въ настоящей жизни. Золотомъ и серебромъ получилъ деньги. На моей землѣ степенный султанъ Ахмедъ устраивалъ укрѣпленіе и изъ русскихъ далъ мнѣ войско. Что дѣлать! я доволенъ Ахмедомъ. Остается только надѣть на голову волосы, а въ ротъ взять усы ²⁾. Сдѣлай и это!... Вѣра у насъ одна и языкъ родной. Вы пустили совершить подобное дѣло; я безсиленъ. Обѣщанію твоему исходатайствовать отъ Царя милость, мы изъявили было удовольствіе, но произошло такое дѣло и не знаю отчего? Думаю, что ты отъ престольнаго султанства, а я отъ должности бѣга отстанемъ. Есть пословица: птица летаетъ крыльями, а садится хвостомъ. Совѣщанія наши не согласовались и потому не думаю, чтобы я былъ должностной бѣга, а ты престольный султанъ. Я полагаю, что Ахмедъ будетъ совѣтоваться со мною и что я буду говорить свои мысли ему, но это случилось не такъ и я посовѣтовался самъ съ собою. Отчего это—не знаю. Имѣлъ много кое-что сказать

¹⁾ Золотая медаль, которая имѣетъ съ бархатнымъ халатомъ и 200 руб. денегъ, пожалована Чегеню Мусину 6 іюля 1845 г., № 6733.

²⁾ По магометанскимъ обрядамъ усы должны подрѣзываться такъ, чтобы не попадали въ ротъ.

по сократилъ. Въ удостовѣреніе чего бій Чегень свое-
ручно печать приложилъ» ¹⁾).

Письмо это, представленное султаномъ Джантюри-
нымъ, въ концѣ 1845 года представителю оренбургской
пограничной комиссіи, вызвало съ его стороны новое
распоряженіе о разъясненіи киргизамъ цѣли и основаній,
которыми правительство руководилось при возведеніи
въ степи укрѣпленій.

Устройство укрѣпленій внутри степи оказалось па-
столько удачнымъ въ смыслѣ умиротворенія непокор-
ныхъ мятежниковъ, что, въ скоромъ же времени, воз-
никло предположеніе о заведеніи при укрѣпленіяхъ рус-
скихъ поселеній изъ казаковъ оренбургскаго казачьяго
войска, при чемъ имѣлось въ виду при дальнѣйшемъ
развитіи поселеній, образовать изъ нихъ, по примѣру
черноморскихъ казачьихъ баталіоновъ, пѣшихъ казаковъ,
которые современемъ могли бы замѣнить пѣхоту, назна-
чаемую въ гарнизоны укрѣпленій ²⁾).

Предположеніе это удостоилось Высочайшаго утвер-
жденія въ повелѣніи, объявленнымъ предписаніемъ воен-
наго министра, отъ 4 мая 1848 года за № 1784. Вы-
сочайшимъ повелѣніемъ этимъ было предоставлено орен-
бургскому военному губернатору учредить опытные по-
селенія при укрѣпленіяхъ Оренбургскомъ и Уральскомъ,
водворивъ при каждомъ изъ нихъ, на первый разъ, по
10 семействъ изъ оренбургскаго казачьяго войска, пре-
имущественно изъ охотниковъ. На первоначальное обу-
стройство и хозяйство на новыхъ мѣстахъ пе-
реселившимся было выдано денежное пособіе по 65 руб.
на семейство и дарована льгота отъ повинностей на два

¹⁾ Л. 1009, д. погр. ком. 1845 г., ч. IV.

²⁾ Предп. воен. минис., отъ 12 февраля 1847 г., за № 144.

года ¹⁾ въ продолженіи которыхъ производился провіантъ: казакамъ, женамъ и дѣтямъ ихъ обоого пола—7 лѣтняго возраста и выше, въ размѣрѣ полной дачи, а дѣтямъ менѣе этого возраста—половиный.

Въ исполненіе этого повелѣнія, весною 1849 г., по распоряженію генерала-отъ-инфантеріи Обручева, было отправлено изъ казаковъ оренбургскаго казачьяго войска въ Оренбургское и Уральское укрѣпленія для поселенія въ каждомъ изъ нихъ по 10 семействъ.

Для лучшаго устройства быта этихъ переселенцевъ, они были снабжены отъ казны всѣми необходимыми, на первое время, для хозяйства принадлежностями: сѣменами для посѣва, разными сельскими орудіями и скотомъ: кроме того, для нихъ въ укрѣпленіяхъ были выстроены дома.

Такимъ образомъ было положено начало русской колонизаціи и утвержденію русской власти въ киргизской степи.

Цѣною тяжкихъ невзгодъ: физическихъ, матеріальныхъ и нравственныхъ искуплено это весьма важное, въ исторіи умиротворенія степи, дѣло.—Невзгоды всею тяжестью отразились на первыхъ вольныхъ и невольныхъ піонерахъ русскаго дѣла и мы видимъ, что съ перваго же дня занятій мѣстъ для укрѣпленій въ отрядахъ начались болѣзни. Такъ, съ 19 іюля 1845 года по 1 марта 1846 года въ Уральскомъ укрѣпленіи больныхъ было 242, выздоровѣло 181, умерло 42, осталось въ лазаретѣ 37, въ Оренбургскомъ—440, выздоровѣло 371, умерло 42, осталось 27 ²⁾.

Причины такого почти поголовнаго заболѣванія гар-

¹⁾ Въ послѣдствіи льгота отъ повинностей продолжена на восемь лѣтъ по Высочайшему повелѣнію 3 іюля 1850 г. (ст. 707 т. IV уст. о земск. пов., изд. 1857 г.), по фактически по не изданію новыхъ повелѣній объ устройствѣ быта лицъ, поселенныхъ въ Тургайской области, льгота эта сохраняется и до настоящаго времени.

²⁾ Мейеръ. Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства, стр. 64, выш. 2.

низона кроются въ слишкомъ рѣзкой перемѣнѣ жизненныхъ условій: вмѣсто сносныхъ казармъ нижніе чины помѣщались въ сдѣланныхъ на скорую руку землянкахъ, вмѣсто прѣсной воды употребляли горько-соленую и, наконецъ, не осталась безъ вліянія разница климата. Вліяніе на заболѣваемость отъ указанныхъ причинъ, взятыхъ вмѣстѣ, доказывается уменьшеніемъ числа больныхъ въ послѣдующіе годы. Такъ, въ теченіи 1862 и 1863 гг. больныхъ было: въ Уральскомъ укрѣпленіи 341, изъ нихъ выздоровѣло 331, умерло 7 и осталось 3 и въ Оренбургскомъ 272, изъ нихъ выздоровѣло 266, умерло 3 и осталось 3 ¹⁾).

О положеніи казаковъ-поселенцевъ генераль Обручевъ въ ноябрѣ 1849 г. доносилъ военному министру, что они на мѣстахъ прежняго своего жительства пользовались лучшими земельными угодьями и имѣли другія возможныя удобства къ жизни, но, оставивъ все это тамъ, они пришли въ мѣста необитаемыя и неудобныя, гдѣ скудная почва земли требуетъ большихъ усилій для веденія хозяйства, необходимаго къ упроченію благосостоянія поселянъ, почему казаки эти, встрѣчая во всемъ недостатокъ, до ознакомленія съ мѣстностью и изысканія способовъ къ дальнѣйшему и безбѣдному существованію, должны находиться съ семействами въ крайне затруднительномъ положеніи.

Вслѣдствіе этого ходатайства послѣдовало Высочайше утвержденное, въ 3 день іюля 1850 г., положеніе военнаго совѣта, которымъ предоставлены поселеннымъ при укрѣпленіяхъ казакамъ льготы отъ службы всѣхъ существующихъ въ войскахъ повинностей на восемь лѣтъ, отпускъ въ теченіи двухъ лѣтъ, безденежно, провіанта и дозволеніе наниматься на службу взамѣнъ казаковъ, назначаемыхъ въ гарнизонъ укрѣпленій. Кромѣ того, всѣмъ

¹⁾ *Мейеръ*. Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства, стр. 67, вып. 2.

переселенцамъ были предоставлены тѣ же самыя права на промышленность и пользованіе земельными и другими угодьями, какія имѣли поселенные на линіи казаки. — Въмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было пріостановить дальнѣйшее переселеніе казаковъ въ укрѣпленія впредь до указаній опыта о томъ, какое число жителей можетъ существовать въ поселеніяхъ при укрѣпленіяхъ.

Первые опыты поселенцевъ по земледѣлію и огородничеству оказались неудачными вѣроятно потому, что сѣмена и сѣятели не были приспособлены къ мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. Но скоро же выяснилось, что лишь при одномъ Оренбургскомъ укрѣпленіи, и то мѣстами, почва пригодна для земледѣлія и огородничества, чѣмъ и не преминули воспользоваться переселенцы.

Менѣе счастливы, въ этомъ отношеніи, оказались переселенцы Уральскаго укрѣпленія: всѣ попытки ихъ заняться земледѣліемъ были неудачны вслѣдствіе непроизводительности почвы, состоящей изъ солончаковъ и сыпучихъ песковъ и по невозможности искусственнаго орошенія, такъ какъ вода въ р. Ирғизѣ лѣтомъ бываетъ всегда соленая и для поливки негодная.

Такъ и нынѣ жители г. Ирғиза совсѣмъ не занимаются земледѣліемъ.

Огородничество также развито очень слабо въ размѣрахъ, далеко не удовлетворяющихъ потребности мѣстныхъ жителей, пріобрѣтающихъ овощи извнѣ.

Именные указы Государыни Императрицы Екатерины II-й.¹⁾

Въ архивныхъ дѣлахъ тургайскаго областного правленія за минувшее столѣтіе сохранилось очень много интересныхъ документовъ, касающихся присоединенія

¹⁾ „Тургайская Газета“ 1896 года, №№ 97, 98, 99, 100, 101, 102 и 103.

къ Россійской державѣ обширнаго Оренбургскаго края, раздѣленнаго нынѣ на нѣсколько областей, свидѣтельствующихъ о заботахъ правительства того времени, направленныхъ къ упроченію въ пустынномъ и полудикомъ тогда краѣ русской власти и къ введенію въ немъ устойчивыхъ началъ гражданственности.

Многія важныя событія въ жизни края относятся ко времени царствованія Императрицы Екатерины II, когда пугачевская смута, охватившая Поволжье и Приуральскій край, приводила въ отчаяніе самые смѣлые и рѣшительные умы, когда киргизы, калмыки и башкиры часто совершали набѣги на пограничныя крѣпости и форпосты и когда, несмотря на всѣ эти внутреннія и внѣшнія смуты, совершилось упроченіе русскаго владычества въ инородческихъ областяхъ края, считавшихся въ подданствѣ лишь номинально.

Полагая, что для всѣхъ интересующихся исторіей нашего отечества и въ частности исторіей Оренбургскаго края, будетъ не бесполезно ознакомиться съ содержаніемъ Высочайшихъ указовъ за время царствованія Императрицы Екатерины II, мы рѣшились представить благосклонному вниманію публики выписанные нами изъ архивныхъ дѣлъ тургайскаго областного правленія указы, данные на имя канцлеровъ, управлявшихъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, и оренбургскихъ губернаторовъ, управлявшихъ въ то время обширнымъ краемъ, занимающимъ нынѣ территорію Оренбургской, Уфимской и части Самарской губерній и Уральской и Тургайской областей.

Выписки сдѣланы большею частью изъ подлинныхъ соборвенноручно подписанныхъ Государынею Императрицею указовъ и только незначительная часть списана съ засвидѣствованныхъ копій. Большая часть указовъ относится къ Оренбургскому краю, но нѣкоторые имѣютъ и общее значеніе.

Содержаніе указовъ передается здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ, съ пометками, какія имѣются на подлинныхъ документахъ.

Для большей ясности мы позволили себѣ сдѣлать нѣкоторые поясненія къ указамъ, въ которыхъ названы личныя имена и мѣстности, неизвѣстныя или малоизвѣстныя читающей публикѣ.

Предоставляя возможность читателямъ сегодня, въ день столѣтія со дня кончины Государыни Императрицы Екатерины II вспомнить о царственныхъ трудахъ и заботахъ ея по устройству Оренбургскаго края, насколько они выразились въ указахъ незабвенной Монархини, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что ниже будутъ приведены только тѣ указы, которые сохранились въ архивѣ тургайскаго областного правленія и что мы для своего труда не успѣли еще воспользоваться указами, хранящимися въ архивѣ бывшаго оренбургскаго генераль-губернаторскаго управленія и въ архивахъ другихъ учреждений.

Копія съ именного Ея Императорскаго Величества указа, писаннаго собственною Ея Величества рукою ¹⁾.

Михайла Ларіоновичъ ²⁾. Оренбургскій губернаторъ, между прочимъ, ко мнѣ пишетъ о чинимыхъ въ пути до Оренбурга иностраннымъ купцамъ отъ киргизъ-казацкаго народа остановкахъ и притѣсненіяхъ. И тако прикажете коллегіи, чтобы она неумедля употребила съ онымъ киргизъ-казацкимъ народомъ пристойныя сред-

¹⁾ Прислана при указѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ на имя оренбургскаго губернатора тайнаго совѣтника Давыдова, отъ 8 апрѣля 1768 г. за № 462 (Сборникъ указовъ 1768 г., стр. 60, д. арх. тург. обл. правл. № 37).

²⁾ Графъ М. Л. Воронцовъ, тогдашній канцлеръ.

ства, коими бы такъ чинимыя обиды и притѣсненія отвращены были.

«Екатерина».

На подлинномъ о полученіи оного Высочайшаго указа подписано Его Сіятельства канцлера рукою: 31 марта 1763 г.

Копія съ именною Ея Императорскаго Величества указа, писаннаго собственною рукою ¹⁾.

Мнѣ кажется легко можно отвѣтствовать киргизъ-касацкому хану на его доказательства о дозволеніи перейти съ своимъ скотомъ Яикъ ²⁾. Онъ признается за подданнаго Россіи, слѣдовательно онъ послушенъ будетъ и не пойдетъ съ своимъ скотомъ, гдѣ имъ заказано, понеже всякій російскій подданный не смѣетъ переходить, гдѣ ему не позволено. А есть ли у нихъ корму для скота не довольно, то покупаютъ за деньги, или вымѣниваютъ на товаръ, или запасаютъ на зиму, что имъ совѣтуется дѣлать и, если бы они хотѣли порядочно селиться, то бы имъ удобнѣе было все нужное для человѣческой жизни имѣть, о семъ Тевкелевъ ³⁾ имѣетъ идею, кажется, изрядную. Онъ совѣтуетъ пригласить ихъ, дабы они дали одну крѣпость построить ⁴⁾ и берется на то самъ оныхъ вѣтренныхъ народовъ склонить. И какъ бы онъ интригъ не дѣлалъ противъ Давыдова ⁵⁾, не худо бы было, если бы вице-канцлеръ, князь Голицынъ, позвалъ

¹⁾ Прислана при указѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 2 августа 1763 г. за № 78. (Сбор. указ. 1763 г., стр. 116, д. арх. тур. обл. прав. за № 37).

²⁾ Рѣка Яикъ нынѣ называется Уралъ.

³⁾ Отставной генераль-маіоръ Тевкелевъ служилъ долгое время въ Оренбургѣ. Состоя переводчикомъ, онъ исполнилъ въ 1732 г. трудное порученіе о приводѣ къ присягѣ на подданство Россіи хана Меньшей орды Абул-ханра и старшинъ. Затѣмъ, до выхода въ отставку, служилъ въ качествѣ ближайшаго сотрудника оренбургскихъ губернаторовъ.

⁴⁾ Это относится къ предложенію о постройкѣ крѣпости для киргизскаго хана Нурали при р. Эмбѣ.

⁵⁾ Тайный совѣтникъ Давыдовъ, бывший въ то время оренбургскій губернаторъ.

его, Тевкелева, къ себѣ и объявить бы ему, что Я приказала съ нимъ посовѣтовать о вышеписанномъ. А князю Александру Михайловичу надобно въ то свиданіе имѣть великое терпѣніе, понеже Тевкелевъ нѣсколько радотируетъ и, дабы онъ болѣе говорилъ надобно показывать ему податливость, входить въ его представленія. Онъ много полезнаго знаетъ и весьма великую вѣру тѣ народы къ нему имѣютъ. А послѣ того разговора желаю знать мнѣніе вице-канцлера и коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дабы можно было установить систематическія обхожденія съ ними, что служить опослѣ можетъ и съ прочими похожими народами, а по сию пору не видно чтобъ инако ихъ веди, какъ *du jour à la journée*.

На копіи помѣтки: „полученъ 1 іюня 1763 года“.

„Полученъ чрезъ подпоручика Позднякова сентября 15 д., 1764 г.“.

Указъ Нашей оренбургской губернской канцеляріи.

Всемилоствѣйше повѣлеваемъ сосланнаго изъ бывшей тайной канцеляріи въ Оренбургъ титулярнаго советника Андрея Позняка отсюда освободить.

«Екатерина».

Августа 14 дня, 1764 г., С.-ПВ.

Указъ Нашему губернатору оренбургскому, князю Путятину ¹⁾.

По примѣчанію надворнаго совѣтника Тетюшева соль плецкая до показанныхъ въ ономъ мѣстѣ обходиться въ казну можетъ гораздо дешевле. Того ради симъ нашимъ указомъ повелѣваемъ вамъ выдать ему, Тетюшеву, изъ соляного сбора нашихъ денегъ до двадцати тысячъ рублей на поставку помянутой соли и той суммы выдачу производить по его требованіямъ, сколько когда занужно найдетъ. О семъ отъ Насъ и казанско-

¹⁾ (Сборн. указ. 1765 г., стран. 21.

му губернатору данъ указъ. Впрочемъ чинить помянутому Тетюшеву въ препровожденіи оной соли всякое вспоможеніе и содержать сіе въ крайнемъ секретѣ.

Генваря 10 д., 1765 г.

«Екатерина».

Указъ Нашему Оренбургской губерніи губернатору ¹⁾

Извѣстны Мы, что илецкой соли въ минувшемъ 1764-мъ году съ ломкою и поставкою до Нижняго-Новгорода, со употребленіемъ при томъ всѣхъ потребныхъ для того матеріаловъ и построекъ, такъ какъ и съ наймомъ людей обошелся каждый пудъ по пятнадцати копѣекъ съ четвертью и съ малыми долями, почему покупаемы были для барышного хода разные матеріалы, яко то: якоря и прочее, кои бы съ возвращеніемъ могли служить въ другое и третіе отправленіе. Слѣдовательно, впредь будущее время таковая жъ поставка соли по себѣ, безъ покупки уже таковыхъ вещей, конечно, для казны выгоднѣе и дешевле быть должна, и для того, прилагая при семъ подъ № 1-мъ вѣдомость поставки вышеписаннаго года, а подъ № 2-мъ пункты представленные Сенату отъ надворнаго совѣтника Тетюшева, со объявленіемъ на оныя надворнаго совѣтника Саввы Тетюшева, повелѣваемъ вамъ обще съ нимъ Тетюшевымъ рассмотреть и освидѣтельствовать на самомъ дѣлѣ опытами, примѣняясь къ преже учиненнымъ, или сколько числомъ той соли выработать нынѣшнее время допустить, изыскивая при томъ всевозможныя мѣры, дабы оная выработываніемъ и поставкою дешевле обошлась. А по освидѣтельствованіи и по сдѣланіи тѣхъ опытовъ, постановя распоряженіе на непремѣнныя времена, съ тѣмъ именно: по сколько числомъ пудъ въ каждой годъ ее получать можно, со описаніемъ всѣхъ подробностей,

¹⁾ Сборн. указ. 1765 г., стр. 80

и съ приложеніемъ своего мѣнія, если оба согласное учините, по случаю же несогласія каждому свое особо представить Намъ немедленно, производи все сіе съ возможнымъ тайностію.

«Екатерина».

9 марта, 1765 г., С.-ПБ.

№ 13 полученъ апрѣля 17 дня 1765 года.

Господинъ оренбургскій губернаторъ ¹⁾

Понеже напередъ сего въ екатеринбургскомъ вѣдомствѣ, въ Оренбургской и Сибирской губерніяхъ и въ другихъ мѣстахъ развѣдываніе и обысканіе мраморовыхъ, агатовыхъ, хрустальныхъ и другихъ родовъ цвѣтныхъ каменьевъ чинены чрезъ посланныхъ отъ кабинета Нашего разныхъ людей, во время только проѣздовъ, а нарочные на первой случай, за маломѣніемъ искусныхъ, посылаемы малознающіе тому, отъ чего не только всей пользы, но и достаточнаго извѣстія до нынѣ не получено, то поручили Мы нынѣ главную дирекцію сей экспедиціи Нашему генералу-поручику Бецкому, и повелѣли отправить генерала-маіора Данненберга, и съ нимъ для того потребныхъ мастеровъ, и прочихъ надобныхъ людей, а на жалованіе имъ, такожъ на принадлежащія за работы и прочее по нарядамъ и по наймамъ платежи и другіе случающіеся расходы опредѣлили Мы нынѣ на первый случай изъ екатеринбургскихъ мѣдныхъ денегъ до двадцати тысячъ рублей. Вслѣдствіе чего имѣете вы, по требованіямъ помянутыхъ генерала-поручика и генерала-маіора, въ принадлежащихъ до губерніи вашей мѣстахъ, приказать, какъ людьми, такъ матеріалами инструментами, подводами и судами, однимъ словомъ во всемъ всякое вспомошествованіе и удовольствіе чинить, такожъ и деньги насчетъ помянутой ассигнованной сум-

¹⁾ Сборн. указ. 1765 г., стр. 62.

мы отпускать по способности, гдѣ и сколько они требуютъ, и сколько отпущено будетъ, требовать вамъ за то возврату изъ екатеринбургскихъ мѣдныхъ денегъ.

«Екатерина».

Князь Аврамъ Артемьевичъ. ¹⁾ Графа Александра Ивановича Шувалова въ Оренбургской губерніи покровскій мѣдный заводъ прикажите знающими людьми немедленно оцѣнить, и оцѣнку съ подробнымъ описаніемъ онаго принлите ко мнѣ, а если у васъ такихъ людей нѣтъ, то истребуйте оныхъ изъ ближнихъ вѣдомства бергъ-коллегіи мѣсть. ²⁾

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

11 апрѣля, 1765 г. Принять съ оренбургской почтою 4 мая 1765 г.

№ 54 полученъ декабря 12 дня 1765 г.

Указъ Нашему оренбургскому губернатору, князю Путянину ³⁾.

Какъ регулярное хожденіе почтъ во всемъ государствѣ не токмо нашимъ интересамъ, но и общенароднымъ поспѣшествуетъ, то Мы не сумпеваемся, что вы во время ввѣренной вамъ губернаторской должности неоднократно сами усмотрѣли, сколь великъ недостатокъ во внутреннихъ почтовыхъ распоряженіяхъ и сколь великая настоятъ нужда въ скорѣйшемъ оныхъ поправленіи. Для сего Мы вознамѣрились вѣрное и скорое хожденіе почтъ во всемъ государствѣ обнадежить и учредить на твердомъ основаніи, какъ опредѣленіемъ на всѣхъ станціяхъ нарочныхъ и присяжныхъ комисаровъ, а въ городахъ почтмейстеровъ съ пристойнымъ числомъ лошадей, такъ и другими полезнѣйшими распоряженіями

¹⁾ Князь Путятинъ, оренбургскій губернаторъ.

²⁾ Сборн. указ. 1765 г., стр. 93.

³⁾ Сборн. указ. 1765 г., стр. 194.

ми. Чего ради чрезъ сіе повелѣваемъ на всю ввѣренную вамъ губернію сдѣлать расписаніе станцій, и, гдѣ потребно, назначить новыя, съ такимъ объясненіемъ, чтобъ видѣть можно было сколько на каждую лошадей поставить должно и гдѣ именно онымъ, а въ городахъ почтовымъ конторамъ быть надлежить, такожъ не найдутся ли въ вашемъ мѣстѣ охотники къ опредѣленію въ комисары и почтмейстеры изъ отставныхъ проворныхъ субалтернъ-офицеровъ добраго поведенія и въ письменныхъ дѣлахъ знающихъ; о всемъ томъ донесите Намъ обстоятельно съ приложеніемъ своего мнѣнія, а по полученіи такихъ извѣстій, вы снабжены будете отъ Насъ неукоснительно дальними наставленіями. При томъ не оставьте, изыскавъ въ губерніи вашей какъ можно вездѣ кратчайшій почтовый путь, представить Намъ и удобнѣшя средства къ поправленію большихъ дорогъ и всегдашнему оныхъ содержанію въ добромъ состояніи; ибо безъ того состоять исправная не можетъ.

«Екатерина».

Ноября 25 дня, 1865 г. С.-ПБ.

Указъ Нашей Оренбургской губерніи губернатору, князю Путятину ¹⁾.

Апробовавъ коллежскаго совѣтника Тетюшева представленіе, касающееся до выломки и перевозу илецкой соли до Нижняго-Новгорода, и назначенные Нами къ легчайшему достиженію того способы, желаемъ, чтобъ оное предпринятое имъ для пользы Нашей дѣло съ успѣхомъ въ совершенное дѣйство произведено было. И хотя производство того препоручили Мы ему, яко главному директору добыванія и отправленія сей соли до Нижняго-Новгорода, но не менѣе ему въ томъ ваша помощь надобна, которую надѣмся, что вы по извѣст-

¹⁾ Сборн. указ. 1766 г., стр. 52.

ному вашему къ службѣ Нашей усердію и ревности, елико то возможно, сдѣлать не оставите и Насъ о проиходимомъ увѣдомлять. Надобную же для того сумму денегъ по приложенному отъ него расчету, во что оное стать можетъ, вы можете истребовать отъ главной соляной конторы и ему съ распискою на производство отдавать; куда Мы о томъ, такъ и въ Нашъ Сенатъ о дачѣ ему, Тетюшеву, послушнаго указу, послали указы; не все, можетъ быть, онъ, Тетюшевъ, въ своемъ представленіи предвидѣть и писать могъ, могущія быть препятствія, которыя осталось вамъ отвратить сколько безвредно, безубыточно, для Нашей казны, что сдѣлать будетъ можно, имѣя всегда въ виду сколь казна Наша отъ возстановленія и умноженія доставки илецкой соли прибыли имѣть будетъ.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

19 генваря, 1766 г. С.-ПБ.

Полученъ марта 7 дн., 1766 г.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивѣйшая.

На подлинномъ Ея Величества рукою написано „*апробуется*“.

9 февраля, 1766 г. С.-ПБ.

Понеже о добываніи изъ земли илецкой соли и перевозкѣ оной къ рѣкѣ Бѣлой до пристаней и о поставкѣ водою до Нижняго-Новгорода представленіе коллежскаго совѣтника Тетюшева, яко же и мои, къ споспѣшествованію и облегченію того, способы, удостоились Всевысочайшей Вашего Императорскаго Величества апробации, почему я въ соотвѣтствіе вѣрноподданнаго и всеусерднаго Вашего Императорскаго Величества раба съ крайнимъ раденіемъ исполнять и долженствую и, призывая въ помощь Всемогущаго Бога, стараться, дабы

оной соли большимъ числомъ доставляемо было, и оную поставкою въ вѣренной мнѣ губернии неразсудительный и лѣнливый народъ пріохотить къ собственной ихъ прибыли и пользѣ; но, если надобность потребуетъ, выставливать оной большое число, на которое для ежегоднаго строенія барокъ и лѣсу надобно будетъ много, для того что сплывшіе по рѣкѣ Бѣлой съ солью барки къ другому транспорту за мелкостью воды никогда уже возвращаться не могутъ, а состоящіе около оной Бѣлой рѣки лѣса знатною частію приписаны къ мѣднымъ и желѣзнымъ заводамъ, и потому наводить сумнѣніе, дабы тѣ лѣса чрезъ нѣсколько лѣтъ не оскудѣли. А притомъ и сухопутною перевозкою отъ мѣста выниманія изъ земли до пристаней не слѣбалось бы въ наемъ подводъ, какъ къ возкѣ соли, такъ и на мѣдные заводы руды, дороговизны или вовсе недостатка, то я на вѣрноподданнической моей должности, упреждая могущія быть въ томъ препятствія, осмѣливаюсь представить: не соизволено ли будетъ учинить заблаговременно опыты, какъ сухопутнаго, такъ и водяного той соли транспорта въ другую сторону, яко то: сухопутною—къ рѣкѣ Самарѣ, разстояніемъ не больше какъ нынѣ возится, и къ рѣкѣ Бѣлой, а водяного—внизъ по рѣкѣ Самарѣ до города Самары малыми, а отъ города Самары до Нижняго Волгою большими судами, хотя бы одною копѣйкою или малымъ чѣмъ больше передъ поставкою по Бѣлой рѣкѣ и дорожке стало, но елтонской однако жъ бы гораздо дешевле, для того опыту на первый случай перевезть только отъ двадцати пяти до тридцати тысячъ пудъ, а если сей представленный отъ меня транспортъ окажется опытомъ не съ великимъ въ цѣнѣ излишкомъ предъ поставкою по рѣкѣ Бѣлой, то будетъ весьма надежнымъ и, какъ въ лѣсахъ, такъ и въ наймѣ подводъ, оскуденія опасатся весьма не надлежить, потому что къ строенію барокъ

по впадающимъ въ рѣки Волгу и Каму рѣкамъ же Ветлугѣ, Вяткѣ, Кукаркѣ и проч. лѣсовъ и въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ мастеровъ весьма изобильно, яко и къ перевозу оной сухопутно и водою поблизости къ жилымъ мѣстамъ, а особливо къ Симбирской и Пензенской провинціямъ охотниковъ больше сыскаться можетъ, а надъ всеѣмъ тѣмъ, тотъ полезнѣйшій способъ, что водяной транспортъ не такъ, какъ по рѣкѣ Бѣлой одною полою водою бываетъ, но вовсе уже лѣто продолжаться можетъ; да и судна съ такелажемъ не на одинъ транспортъ, но на пять или на шесть служить могутъ, а потомъ и цѣна въ поставкѣ со временемъ умалится.

Всемилоостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйшій рабъ, князь *Абраамъ Путятинъ* ¹⁾.

Генваря 31 дня, 1766 г.

Полученъ сентября 30 числа, 1766 г.

Господинъ оренбургскій губернаторъ ²⁾.

Къ сочиненію генеральныхъ въ Имперіи Нашей почтовыхъ учрежденій надобно вѣрное свѣдѣніе: 1) о разстояніи нижеписанныхъ мѣстъ, а именно отъ Оренбурга до Сызрани и до Екатеринбурга, отъ Уфы до Казани, 2) есть ли между оными мѣстами дѣланныя дороги, въ какомъ оныя состояніи, буде повреждены, то какимъ средствомъ ихъ исправлять и впредъ содержать, а гдѣ нѣтъ дѣланныхъ, то есть ли нужда и возможность оныя сдѣлать и какія же къ тому находите безъ великаго отягощенія обывателей средства 3) нѣтъ ли между оными мѣстами, кромѣ сухопутныхъ, еще и водяныхъ ходовъ, какого оныя состоянія и коликимъ разстояніемъ одна отъ другой разнствуютъ, сколько времени и съ котораго точно въ году, мѣсяца оными водяными ходами поль-

¹⁾ Сборн. указ. 1766 г., стр. 78 и 79.

²⁾ Сборн. указ. 1766 г., стр. 188.

зуются, откуда и на какія мѣста, какія по онымъ водамъ ходятъ суда и какой величины и есть ли бечевники, сіе желаемъ Мы знать въ непродолжительномъ времени.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

31 августа, 1766 г. С.-ПБ.

Къ Путятину.

Полученъ октября 9 дня, 1766 г.

Господинъ губернаторъ оренбургскій, князь Путятинъ. 1) По полученіи сего развѣдайте доподлинно: 1) есть ли въ вашей губерніи и сколько кожевенныхъ фабрикъ или домовъ такихъ, въ которыхъ кожи выдѣлываютъ, 2) до запрещенія выпуска за границу сырыхъ кожъ по какой цѣнѣ сырыя и невыдѣланныя кожи продавались и по какой нынѣ продаются, 3) неостаются ли на рукахъ кожи сырыя по причинѣ той, что некому ихъ покупать и какія и изъ какихъ городовъ скупщики, пріѣзжая, оныя скупаютъ, или въ вашей губерніи всѣ выдѣлываются безъ остатка, 4) во всей вашей губерніи до запрещенія также выпуска за границу разныхъ сортовъ пряжи льняной, по какой цѣнѣ она продавалась и по какой нынѣ продается и прибавляется ли оной противу прежняго выпрабатыванія. Собравши такія свѣдѣнія, пришлите къ Намъ рапортъ обстоятельный.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

Сентября 11 дня, 1766 г. С.-ПБ.

Указъ Нашему Сенату 2).

Какъ намѣреніе Наше есть съ Божію помощію въ будущемъ 1767 г. въ Москвѣ учредить комиссію для

1) Сборн. указ. 1766 г., стр. 190.

2) Сборн. указ. 1767 г., стр. 60.

сочиненія проекты новаго уложенія, то Мы чрезъ сіе повелѣваемъ Нашему Сенату присовокупленный къ сему манифестъ со всѣми приложеніями обнародовать во всѣхъ Нашей Имперіи предѣлахъ. И какъ симъ манифестомъ повелѣвается изъ Нашего Сената, Синода, изъ трехъ первыхъ и изъ всѣхъ прочихъ какъ коллегій, такъ и канцелярій, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, прислать депутатовъ, того для Сенатъ разсмотритъ и опредѣлитъ, отъ какихъ канцелярій и конторъ прислать депутатовъ, слѣдуя въ семъ порядкѣ преимущественно правилу тому: отъ какихъ мѣстъ получить съ пользою можно къ вышеписанному дѣлу изъясненія? Въ выборѣ же депутатовъ во всѣхъ правительствахъ поступить по адмиралтейскому въ балотированіи обычаю, въ чѣмъ онъ къ сему служить можетъ. Осталось упомянуть объ опредѣленномъ нами жалованіи и отправленіи депутатовъ: въ семъ Сенатъ надлежащія мѣры восприметъ.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

1766 г., декабря 14 дня.

Божіею Милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица Всероссійская

и прочая, и прочая, и прочая,

объявляемъ во всенародное извѣстіе ¹⁾.

Нынѣ истекаетъ пятый годъ, какъ Богъ единъ и любезное отечество чрезъ избранныхъ своихъ вручилъ Намъ скипетръ сея державы для спасенія Имперіи отъ очевидныя гибели. Мы со дня восшествія Нашего на престоль до сего дня единственный предметъ имѣли, и предъ самимъ Богомъ обязанными себя почитали испол-

¹⁾ Сборн. указ. 1767 г., стр. 61.

нить то, что мы въ манифестѣ 6 дня іюля 1762 года Императорскимъ Нашимъ словомъ наиторжественнѣйше обѣщали, чтобы просить Бога дневно и noctно, да поможетъ Намъ поднять скипетръ въ соблюденіи нашего православнаго закона, въ укрѣпленіи и защищеніи любезнаго отечества, въ сохраненіи правосудія, въ искорененіи зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и, наконецъ, чтобы узаконить такіа государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго отечества въ своей силѣ и надлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка.

Для достиженія сихъ предметовъ, Мы предписали себѣ со всевозможнымъ прилежаніемъ входить въ каждое доходившее до Насъ дѣло и слушать всякія до Насъ достигшія жалобы, дабы узнать съ одной стороны недостатки, а съ другой,—какимъ бы лучшимъ способомъ достигнуть желаемаго и обѣщаннаго конца.

Мы въ первые три года узнали, что великое помѣшательство въ судѣ и расправѣ, слѣдовательно и во правосудіи составляетъ недостатокъ во многихъ случаяхъ узаконеній, въ другихъ же—великое число оныхъ по разнымъ временамъ выданныхъ; также несовършенное различеніе между непремѣнными и временными законами; а паче всего, что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался; при томъ же и страстные толки часто затмевали прямой разумъ многихъ законовъ; сверхъ того еще умножила затрудненія разниа тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними, кои послѣдніе суть основанія и слѣдствія великихъ

предпріятій премудраго Государя, Дѣда Нашега, Императора Петра Перваго. Имъ самимъ уже усмотрѣны были недостатки и несохотства узаконеній, и уже въ 1700 г. было указано сдѣлать уложеніе вновь, паче же съ 1714 году до блаженныя кончины Его Величества, многія о томъ находятся разныя приказанія, какимъ образомъ приступить къ поправленію узаконеній. Послѣ отшествія въ вѣчная сего Великаго Государя, въ разные годы отъ всѣхъ предковъ Нашихъ, а паче при блаженныя памяти любезнѣйшей теткѣ Нашей Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ о поправленіи гражданскихъ узаконеній трудъ былъ прилагаемъ, но какъ всѣ вышеупомянутыя намѣренія остались безъ желаемого успѣха, то Мы, усмотря всѣ тѣ же, предками Нашими примѣченныя неудобства, и кои съ того времени еще сверхъ оказались, близъ двухъ лѣтъ тому назадъ, начали сами готовить наказъ, по которому должны поступать тѣ, кому отъ Насъ повелѣно будетъ, сочинить проектъ новаго уложенія.

И понеже наше первое желаніе есть видѣть нашъ народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться, для того, дабы лучше намъ узнать было можно нужды и чувствительныя недостатки нашего народа, повелѣваемъ прислать изъ Нашега Сената и Синода, изъ трехъ первыхъ и изъ всѣхъ прочихъ, какъ коллегій, такъ и канцелярій, коимъ отъ Сената особо предписано будетъ, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, также изъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ Нашей Имперіи въ первостоличный Нашъ городъ Москву депутатовъ полгода послѣ дня обнародованія въ каждомъ мѣстѣ сего манифеста. Выбравъ, каждое мѣсто, депутатовъ, дасть имъ отъ себя наставленіе и полномочіе, какъ во приложенныхъ обрядахъ выбора написано и всѣмъ, выбран-

нымъ въ сіе достоинство, явиться по приѣздѣ ихъ въ Нашемъ Сенатѣ. Сихъ депутатовъ, коимъ особливья выгоды отъ Насъ даны будутъ, и кои распущены быть имѣютъ по Нашему усмотрѣнію, Мы созываемъ не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ комиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенія къ поднесенію Намъ для конфирмаціи. Симъ учрежденіемъ Мы Нашему народу опытъ даемъ Нашего чистосердечія, великія довѣренности къ оному и прямыя материнскія любви.

Наше же утѣшеніе и облегченіе великаго бремени управленія государственнаго будетъ то, чтобы видѣть Намъ законы въ своей силѣ и почтеніи, а правосудіе въ дѣйствіи.

И такъ со стороны престола поставляемъ милосердіе за основаніе законовъ, и открываемъ дорогу къ достиженію правосудія; со стороны же любезныхъ подданныхъ. Нашихъ ожидаемъ благодарности и послушанія, чрезъ что сохранится благоденствіе, тишина и спокойство государственное, въ чемъ во всемъ да поможетъ Намъ всѣхъ благъ податель Господь Богъ. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ отъ Рождества Христова 1766 года, декабря 14 дня, въ пятое лѣто Нашего государствованія.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

Полученъ генваря 20 дня, 1769 г.

Указъ Нашему оренбургскому губернатору Рейнсдорпу ¹⁾.

Небезызвѣстно Намъ, что камеръ-коллегія по многимъ учиненнымъ отъ нея подтвержденіямъ не можетъ

¹⁾ Сборн. указ. 1769 г., стр. 11.

получить еще донынѣ не только за нынѣшній истекающій, тоже за прошедшій 1767 г. требуемаго извѣстія о винномъ доходѣ. А какъ оно, въ разсужденіи потребнаго отъ государственныхъ доходовъ свѣдѣнія, весьма нужно, то и разсудили Мы за благо о семъ вамъ дать знать, надѣясь, что вы не оставите сдѣлать такого распоряженія, дабы какъ сіе требуемое отъ камеръ-коллегіи извѣстіе, такъ равно и всякія о доходахъ вѣдомости, куда бы не требовались, всегда изъ всѣхъ мѣстъ вашей губерніи во свое время доставляемы были.

«Екатерина».

Декабря 29 дня, 1768 г.

Указъ Нашему оренбургскому губернатору Рейнсдорну ¹⁾

Какъ въ будущемъ лѣтѣ надобно ломку и перевозъ съ Елтонскаго озера соли приумножить, то повелѣваемъ вамъ въ губерніи вашей сыскать вольныхъ къ тому ломальщиковъ и возчиковъ, коимъ и приказать явиться для договору въ низовой соляной конторѣ, при чемъ публиковать, что есть ли вольные ломальщики и возчики не явятся, то принуждено будетъ оную соль ломать и перевозить нарядомъ.

«Екатерина».

12 генваря 1769 г., С.-ПБ.

Полученъ 27 февраля, 1768 г.

Господину оренбургскому губернатору, князю Путятину ²⁾

Отъ академіи наукъ отправляются въ разныя мѣста нѣкоторыя экспедиціи, которыя пройдутъ и чрезъ вашу губернію. Того ради прикажите въ порученныхъ вамъ мѣстахъ давать онымъ экспедиціямъ, для безопасности ихъ въ пути, столько солдатъ, сколько для провожанія каждой экспедиціи нужно, и чинить имъ всякое потребное вспоможеніе, о чемъ отъ Насъ и къ другимъ

¹⁾ Сборн. указ. 1769 г., стр. 19.

²⁾ Сборн. указ. 1768 г., стр. 228.

господамъ губернаторамъ писано, дабы и они тоже каждый въ своей губерніи чинить приказали, а когда, чрезъ какія мѣста и куда каждая экспедиція слѣдовать будетъ, о томъ академія вась заблаговременно увѣдомить не оставитьъ.

«Екатерина».

Получень сентибря 18 д., 1768 г.

Указъ оренбургской губернской канцеляріи ¹⁾).

Отъ 5 числа феврала сего года именнымъ Нашимъ указомъ бывшему губернатору, князю Путятину, предписано, что отправленнымъ отъ академіи наукъ экспедиціямъ чинить по губерніи его всякое потребное вспоможеніе, а нынѣ до насъ дошло, что они въ пересылкахъ сюда касающихся до академій вещей находятъ затрудненія, чего ради повелѣваемъ всякія посылки, каковыя или прямо въ оренбургскую губернскую канцелярію или къ воеводамъ оной губерніи отъ нихъ присланы будутъ, приказать принимать и безъ задержанія переслать по надписямъ въ академію наукъ, смотря по величинѣ оныхъ, или чрезъ обыкновенную почту или съ нарочными отъ губерніи до губерніи на наемныхъ подводахъ, употребляя на то деньги изъ губернской и воеводскихъ канцелярій насчетъ помянутой академіи.

«Екатерина».

28 августа, 1768 г. С.-ПБ.

Получень мая 1 дня, 1769 г.

Указъ Нашему оренбургскому губернатору Рейнсдорпу ²⁾).

Извѣстно Намъ, что вѣдомства главнаго комисаріата подушныя деньги не только весьма медленно въ повелѣнные мѣста свозятся, но изъ нѣкоторыхъ мѣстъ и по нынѣ за сей годъ никакого привоза не сдѣлано. А какъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ крайне нужно,

¹⁾ Сборн. указ. 1768 г., стр., 229.

²⁾ Сборн. указ. 1769 г., стр. 113.

дабы сіи доходы сколько возможно поспѣшнѣ доходили, то и находимъ за необходимо вамъ о семъ дать знать, повелѣвая вамъ во все мѣста своей губерніи наискрѣпчайше подтвѣдитъ, дабы комиссаріатскаго вѣдомства деньги свозимы и доставляемы были подаваемыми отъ главнаго комиссаріата ассигнаціями безъ всякаго замедленія.

«Екатерина».

Апрѣля 2 дня, 1769 г.

Господинъ оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ ¹⁾.

Увѣдомилась Я, что вы желаніе имѣете слѣдующую зиму пріѣхать въ Санктъ-Петербургъ для представленія о разныхъ по губерніи, вамъ ввѣренной, дѣлахъ, на что Я вамъ даю дозволеніе, о которомъ уже и генералу прокурору, князю Вяземскому, знать дано. Время же для пріѣзда вашего сюда вы сами выберете. *Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.*

«Екатерина».

Октября 2 дня, 1769 г. С.-ПБ.

Господинъ оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ ²⁾.

Мы, разсматривая вашъ докладъ о недостаткахъ Вашей губерніи, повелѣли по оному слѣдующее: 1) объ описаніи и измѣреніи въ Оренбургской губерніи празднолежащихъ земель, о продажѣ изъ казны тѣхъ земель дворянамъ, кои для казеннаго употребленія явятся не нужны, о заведеніи публичныхъ магазиновъ, объ опредѣленіи для сбереженія лѣсовъ валдъ-форштеровъ и о придачѣ къ нимъ изъ оренбургскихъ казаковъ разсмотрѣть Сенату; 2) о возобновленіи бывшей въ Оренбургѣ конторы строеній разсмотрѣть комиссіи о строеніи Санктъ-Петербурга и Москвы; 3) о поправленіи оренбургскаго тарифа—комиссіи о комерціи; 4) о пере-

¹⁾ Сборн. указ. 1769 г., стр. 228.

²⁾ Сборн. указ. 1770 г., стр. 38.

веденіи производимаго нынѣ въ Екатеринбургѣ передѣла мѣдной монеты въ Уфу, или на казенный мѣдный Вознесенскій заводъ—генералъ-прокурору князю Вяземскому и 5) о умноженіи въ Оренбургской губерніи мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ—бергъ-коллегіи, и всѣмъ симъ мѣстамъ повелѣли Мы на посланные къ нимъ изъ доклада Вашего пункты представить Намъ свои мнѣнія, кои Мы потомъ, разсмотрѣвъ, не оставимъ дать вамъ Наше рѣшеніе. На прочіе же пункты вашего доклада отвѣтствуемъ слѣдующее: 1) переселеніе каракалпачковъ въ Оренбургскую губернію кажется Намъ, въ разсужденіи нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ, лучше отложить до удобнѣйшаго къ тому времени; 2) о лекаряхъ Мы еще въ 1768 году повелѣли медицинской коллегіи, снесясь съ губернаторами, сдѣлать установленіе какимъ бы образомъ завести аптеки въ городахъ, и докторовъ и лекарей содержать, но какъ оная коллегія не ото всѣхъ губернаторовъ имѣетъ о томъ отвѣты, то и остается сіе понынѣ не рѣшено; 3) о подтвержденіи пожалованной городу Оренбургу привилегіи повелѣли Мы уже разсмотрѣть Сенату, на что и ожидаемъ отъ него доклада; 4) въ разсужденіи малолѣтства и убожества оренбургскихъ купцовъ повелѣли Мы дать вамъ копію съ учрежденія торговой въ Нижнемъ-Новгородѣ компаніи, которую Мы въ 1767 году, въ проѣздъ Нашъ чрезъ оный городъ по таковой же жалобѣ установили, и нынѣ къ удовольствію Нашему видимъ уже хорошіе оной успѣхи; сообразите сіе учрежденіе съ вашимъ мѣстомъ и посмотрите, не можете ли вы и въ Оренбургѣ, для возстановленія купечества, завести подобной сей компаніи, а тогда Мы вмѣсто представляемаго вами банка, на которой нынѣшнія военныя обстоятельства согласиться не дозволяютъ, дадимъ для подписанія оной изъ казны, по примѣру нижегородской компа-

ни, нѣкоторую сумму; 5) вмѣсто медалей тѣмъ башкирскимъ старшинамъ, кои изъ подчиненныхъ имъ деревень въ ближніе къ нимъ города и на базары привезутъ для продажи наибольшее количество сѣяннаго ими хлѣба, удобнѣе, кажется, дать имъ по нѣскольکو аршинъ краснаго сукна на кафтанъ, для чего и прикажемъ Мы отпустить къ вамъ нѣскольکو половинокъ онаго съ ямбургской фабрики, если вы думаете, что они тѣмъ къ хлѣбопашеству побуждены быть могутъ; что же принадлежитъ до награжденія тѣхъ, кои для продажи за границу Оренбургской губерніи будутъ хлѣбъ свой отпускать сряду три года, то постарайтесь не можно ли и ихъ ввести въ компанію по примѣру нижегородской, или обѣщать имъ награжденія кафтаномъ и тому подобнымъ, кромѣ медалей; 6) о соляныхъ дѣлахъ Мы уже конфирмовали доклады генерала-поручика Еропкина, и при томъ примѣрный штатъ служителямъ; 7) о дачѣ нѣкоторыхъ выгодъ купцамъ, кои въ Бухарію и Индію товары свои отпускали, такожъ и 8) о починѣ гостиннаго и мѣнового двора поднесенные Намъ съ Сената доклады Нами конфирмованы.

«Екатерина».

28 февраля, 1770 г. С.-ПБ.

Полученъ 2 февраля, 1771 г.

Господинъ оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ ¹⁾.

Въ прошломъ 1770 г., въ бытность вашу здѣсь, по поводу представленія вашего о населеніи пустынь въ Оренбургской губерніи мѣсть, отдана вамъ по повелѣнію Нашему отъ статскаго дѣйствительнаго сосѣтника Козьмина о желающихъ изъ полковъ нашей лейбъ-гвардіи на поселеніе записка съ тѣмъ, чтобъ вы, назнача имъ въ вашей губерніи мѣста и сдѣлавъ исчисленіе во что

¹⁾ Сборн. указ. 1771 г., стр. 27.

оное селеніе станетъ, прислали къ Намъ рапортъ, по, не получа онаго, разсудили Мы послать къ вамъ сіе съ нарочнымъ, дабы тѣмъ скорѣе получить отъ васъ желаемый о вышеписанномъ отвѣтъ и скорѣе отправить отсюда помянутыхъ поселянъ, которые въ полкахъ за неспособностями своими уже никакой службы не несутъ.

«Екатерина».

18 генваря, 1771 г., С.-Пб.

Полученъ февраля 6 дня, 1771 г.

Господинъ оренбургскій губернаторъ ¹⁾).

Какое отъ Насъ астраханскому губернатору дано наставленіе, по причинѣ побѣга калмыцкаго намѣстника Убаши съ калмыцкимъ народомъ, съ онаго Мы къ вамъ посылаемъ копію, дабы вы обще съ нимъ стараться могли о семъ важномъ дѣлѣ и въ случаѣ удобности вамъ съ ними переписываться могли бы и вы дѣйствовать по тому же наставленію и стараться привести ихъ попрежнему на кочевье въ старыя ихъ межи, то есть въ Астраханскую губернію. Впрочемъ пребываемъ вамъ доброжелательною.

«Екатерина».

Генваря 27 дня, 1771 г.

Господинъ астраханскій губернаторъ.

По причинѣ побѣга калмыцкаго намѣстника Убаши съ калмыцкимъ народомъ повелѣваемъ вамъ нынѣ ѣхать въ вашу губернію и взять въ оной такія мѣры, чтобы: 1) тѣ калмыки, кои остались качевьемъ близъ Нашихъ мѣстъ, не могли слѣдовать за бѣгущими; 2) если сынъ намѣстника еще находится у того владѣльца, которому онъ на воспитаніе отданъ и который по извѣстіямъ остался по сю сторону Волги, то возьмите или захватите сего мальчика и держите его въ безопасномъ мѣстѣ, яко аманаты; 3) старайтесь всячески возвратить бѣгущихъ

¹⁾ Сборн. указ. 1771 г., стр. 15.

калмыковъ, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать между единомысленными съ намѣстникомъ разногласіе и чрезъ то умалить его шайку, если его самого не можете привести къ покоренію и послушанію; 4) если его найдете столь упорнаго, что не будете имѣть надежды его привести на лучшія и съ долгомъ подданническимъ сходныя мысли, а напротивъ того найдете другихъ владѣльцевъ къ намъ склоннѣе, тогда старайтесь намѣстника захватить въ свои руки; 5) старайтесь узнать причины сего побѣга цѣлаго народа и начинщиковъ того умысла; 6) если же вы увидите, что и то въ нихъ полезное дѣйствіе произвести можетъ, то дайте имъ знать, что вы, если бѣ, паче чаянія, ничто не предуспѣло удержатъ ихъ отъ ихъ взятаго намѣренія, имѣете власть объявить ихъ измѣнниками Россійской Имперіи и дадите киргизцамъ, башкирцамъ и другимъ Намъ подданнымъ народамъ дозволеніе съ ними обходиться какъ съ злодѣями, брать ихъ съ женами и съ дѣтьми въ плѣнъ и изсѣкать до послѣдняго; но что изъ челоуѣколюбія вы до послѣдней крайности отъ того удерживайтесь, давая имъ время обдуматься и притить въ себя, приводя имъ на память, коль много они и предки ихъ благодарнѣй видѣли и имѣли, какъ всякій изъ нихъ, такъ и весь народъ вообще отъ русскаго престола, подъ скипетромъ котораго они благополучно жили и умножались, за что нынѣ они платятъ измѣною и неблагодарностью, чего Богъ неоставитъ отомстить имъ какъ на семъ свѣтѣ, такъ и въ будущемъ, ибо уже теперь они выбрали путь къ своей гибели, и 7) съ оренбургскимъ губернаторомъ вы почасти должны имѣть переписку и оба вообще стараться о семъ важномъ дѣлѣ, а къ нему копія пошлется съ сего письма, дабы если иногда такъ случилось, что калмыки уже дѣйствительно Яикъ перешли въ степь, и ему бы удобнѣе было съ ними переписываться, нежели вамъ, то

бы онѣ могутъ потому же наставленію дѣйствовать и стараться ихъ попрежнему привести на кочевье въ старыя ихъ межи, то есть въ вашу губернію.

Подлинное за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки тако:

«Екатерина».

Генваря 27 дня, 1771 г. С.-ПБ.

Полученъ февраля 6 числа, 1771 г.

Божіею Милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица Всероссійская

и прочая, и прочая, и прочая,

Нашему генералу-маіору и оренбургскому губернатору Рейнсдорну ¹⁾.

При полученіи сего вы уже безъ сомненія извѣстны будете о происшедшей въ калмыцкомъ народѣ въ бытность онаго на луговой сторонѣ Волги мятежности и оказанныхъ видахъ къ удаленію своему чрезъ Яикъ изъ державы и границъ Нашихъ.

Мы, препоруча астраханскому Нашему губернатору генералу-поручику Бекетову возможное стараніе приложить о возвращеніи ихъ назадъ, и о чемъ обстоятельно усмотрите изъ слѣдующихъ при семъ копій съ даннаго ему рескрипта и двухъ въ запасъ грамотъ къ мятежникамъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ во всемъ, до сей важной комиссіи касающемся, потребныя дѣлать ему пособствованія, а притомъ и съ вашей стороны употребить подвигъ, ежели калмыки перешли уже Яикъ, къ преклоненію ихъ ласковостію и пристойными изъясненіями возвратиться назадъ на прежнія свои мѣста, въ противномъ же случаѣ останется употребить

¹⁾ Сборн. указ. 1771 г., стр. 29.

къ принужденію ихъ и войска, по предписанію военной коллегіи назначенныя.

Здѣсь прилагается въ запасъ двѣ наши грамоты и къ Нурали хану киргизъ-кайсацкому и съ копіями для вашего извѣстія по разнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ калмыки находятся могутъ, разложенныя, чтобъ и отъ сего хана съ киргизъ-кайсаками сдѣлана была остановка и препятствіе въ довершеніи мятежникамъ измѣнническаго ихъ умысла.

Произведеніе той и другой грамоты въ дѣйство имѣетъ зависѣть отъ степени, до какой между тѣмъ калмыцкій развратъ достигнетъ, и гдѣ они находятся будутъ, а не меньше и отъ ближайшаго вашего свѣдѣнія, какъ удобнѣе подвигнуты будутъ киргизъ-кайсаки къ исполненію отъ нихъ требуемаго, со всѣмъ тѣмъ вы и другіе способы, какіе по состоянію сего народа къ толь нужному намѣренію признаете полезными, не оставите безъ испытанія же, донося въ свое время сюда, также и астраханскаго губернатора увѣдомляя о всѣхъ сихъ дѣлахъ происхожденіяхъ.

Впрочемъ Мы Нашею Императорскою милостію пребываемъ къ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

Данъ въ Саяктъ-Петербургѣ генваря 27 дня, 1771 г.

Рескриптъ къ астраханскому губернатору.

Божіею Милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица Всероссійская

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералъ-поручику и астраханскому губернатору Бекетову ¹⁾.

Вамъ уже извѣстно о случившемся: въ разсужденіи

¹⁾ Сборн. указ. 1771 г., стр. 44.

калмыцкаго народа сіе происшествіе такое, которое всегда по существу своему заботу призвело бѣ, толь паче при настоящихъ военныхъ обстоятельствахъ желать и искать нужно приобрѣтеніе возвратно калмыкъ по всѣмъ отъ нихъ оказательствамъ, учиненнымъ изъ Нашей державы удалиться, вознамѣрившимся.

Мы сіе важное дѣло, по особливой Нашей къ вамъ довѣренности и въ надѣяніи на ваше къ службѣ Нашей усердіе и приобрѣтенное уже свѣдѣніе въ дѣлахъ сего степного народа, Всемиловѣйше препоручаемъ вамъ, повелѣвая, по полученіи сего, возможнымъ образомъ ускорить возвращеніемъ вашимъ во вѣренную вамъ губернію, а тамъ, получа ближайшія извѣстія объ обстоятельствахъ калмыкъ, на митежность и измѣну поступившихъ, сходныя къ тому и мѣры предпринимать, которыя для того по заочности здѣсь и не предписываются, а отдаются въ собственное ваше благоизобрѣтеніе и усмотрѣніе встрѣчающихся способовъ.

Вслѣдствіе того и прилагаются при семъ въ запасъ двѣ Наши грамоты, одна на имя намѣстника ханства калмыцкаго расположенная и въ такомъ случаѣ могущая быть употреблена, еслибъ измѣнническое калмыкъ предпріятіе единственно отъ его съ собственными ближними зайсангами и совѣтниками происходило соглашенія, а однако жъ обратиться имъ назадъ отъ его жъ произволенія зависело, другая жъ вообще къ владѣльцамъ и ко всему калмыцкому народу относительная, а на такой конецъ въ рукахъ вашихъ быть имѣющая, чтобъ тогда употребить, когда вы усмотрите надежду и возможность чрезъ оную, несмотря на продолжаемое упорство и зломысліе съ стороны главнаго начальника и его согласниковъ, большую часть владѣльцевъ и народа или хотя и одного народа поколебать и привести въ раскаяніе.

Сіи два случая рѣшить долженствуетъ прилежное

ваше испытаніе о тѣхъ слѣдствіяхъ, какія произошли въ разсужденіи власти въ народѣ главнаго начальника постѣ измѣническаго поступка, то есть умножилась или убавилась она, а не меньше о тѣхъ чувственностяхъ, какими народъ исполнился постѣ сего жъ зловреднаго приключенія, по подученіи уже времени и къ размышленію, и по угашеніи первой своей запальчивости.

Вы имѣете между тѣмъ и надлежащее стараніе употребить всѣхъ калмыкъ, которые остались на нагорной сторонѣ Волги, хотя бы были и на луговой, но въ измѣнѣ не возучаствовали, а особливо владѣльцевъ и лучшихъ людей, обнадежа для нихъ ободренія Нашею Императорскою милостію. Въ такихъ однако жъ мѣстахъ расположить и съ такими содержать распоряженіями, чтобъ они ни на какую непопозновенность по примѣру своихъ однородцевъ попуститься не могли. Возвращающіеся назадъ отъ удаляющихся за границу еще больше требовать будутъ присмотра, но въ томъ вы съ такою безпримѣтностью поступите, чтобъ ни строгости, ни приневоливанія не видѣлось, для поощренія прочимъ къ возвращенію ихъ на свои прежнія и природныя мѣста.

На расходы, могущіе быть по сей комиссіи, дозволяется употреблять вамъ деньги изъ доходовъ порученной вамъ Астраханской губерніи, а въ случаѣ когда бы нужно было пособствованіе вамъ въ сихъ же дѣлахъ какими-либо распоряженіями или и войсками изъ другихъ мѣстъ, можете всего того требовать съ предъявленіемъ даннаго вамъ на то именного Нашего повелѣнія.

Впрочемъ вашему жъ разсмотрѣнію оставляется и полковника Кишенкова, который понынѣ при калмыцкихъ дѣлахъ былъ, отъ должности отрѣшить, буде въ томъ надобность признаете, и пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 26 января, 1771 г.

Подлинный подписанъ Ея Императорскимъ Величествомъ тако:

«Екатерина».

Полученъ марта 18 дня, 1771 г.

Божіею Милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица Всероссийская

и прочая, и прочая, и прочая,

Нашему генералъ-маіору и оренбургскому губернатору Рейнсдорну ¹⁾.

Изъ приложенныхъ при донесеніи вашемъ въ Нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ 8 февраля, двухъ рапортовъ яцкаго походнаго атамана Скутина и войскового старшины Митрасова здѣсь усмотрѣно о возвратившихся изъ-за Яика трухменцахъ числомъ до четырехъ сотъ человекъ, о удержанныхъ изъ нихъ въ Кулагиной крѣпости старшинахъ Телекѣ Бердыѣ и Ніазѣ Назаровѣ, и одномъ простомъ Аламбетѣ Маметевѣ, о разбитіи у Индерской соли до двухъ сотъ человекъ мятежныхъ калмыковъ, и о поимкѣ при томъ двухъ зайсанговъ и нѣкотораго числа изъ подлыхъ съ ихъ женами, дѣтьми, и скотомъ, и о удержаніи калмыцкаго владѣльца Асархи отъ побѣга съ двумя тысячами кибитокъ, при чемъ оный владѣлецъ и пять человекъ зайсанговъ взяты аманатами въ крѣпость, противъ Индерскихъ горъ находящуюся.

Мы вамъ всемилостивѣйше повелѣваемъ, какъ возвратившихся отъ измѣнниковъ калмыкъ и трухменцевъ, такъ и всѣхъ калмыкъ, бывшихъ подъ предсѣдательствомъ владѣльца Асархи, но отъ побѣга удержанныхъ, стараться немедленно препроводить къ Волгѣ, чтобъ, по распоряженіямъ губернатора астраханскаго, съ которыми вамъ, какъ предыдущимъ Нашимъ рескриптомъ, отъ

¹⁾ (Сборн. указ. 1771 г., стр. 61.)

27 генваря, предписано, при всякомъ новомъ въ сихъ дѣлахъ происходящемъ сноситься надобно, они въ надлежавшее смотрѣніе препоручены быть могли. Но, что касается до оставленныхъ въ Кулагиноѣ крѣпости трехъ трухменцевъ и до владѣльца Асархи и съ нимъ пяти человекъ зайсанговъ, въ крѣпости при Индерскихъ горахъ находящейся, удержанныхъ и еще де пойманныхъ двухъ зайсанговъ же при разбитіи у Индерской соли измѣнниковъ, то, отпуская трухменцевъ къ прочимъ, какъ добровольно возвратившимся, напротивъ того владѣльца и зайсанговъ калмыцкихъ имѣете впредь до времени, ежели бѣ астраханскій губернаторъ ихъ къ себѣ между тѣмъ требовать не сталъ по оказывающейся въ томъ иногда съ его стороны надобности, приказать въ какомъ-либо удобномъ и надежномъ, по вашему разсужденію, вашего же и вѣдомства мѣстѣ содержать подъ крѣпкимъ присмотромъ, а прочихъ подлыхъ калмыкъ, которые, оказавъ себя явными противниками и злодѣями, пойманы, дозволяется вамъ отдать въ корысть, поискъ надъ ними учинившимъ, ежели ихъ взять похотятъ, а иначе—кто бѣ къ тому желанія своего не представилъ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 1 марта, 1771 г.

«Екатерина».

Полученъ февраля 28. О секретномъ дѣлѣ 1772 г. записанъ.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Правительствующаго Сената господину генераль-поручику Оренбургской губерніи губернатору и кавалеру Рейнсдорпу ¹⁾. Собранію Правительствующаго Сената господинъ генераль-прокуроръ и кавалеръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій предложилъ къ разсмотрѣнію: 1) представленіе ваше, отъ 11 іюня 1771 года, съ приложеніями объ оказавшемся въ таможеннѣмъ иновѣрномъ народѣ развратникѣ ихъ за-

¹⁾ Сборн. указ. 1772 г., стр. 28—30.

кона муллѣ Муратѣ и его сообщникахъ, кои напослѣдокъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію привезены сюда, 2) учиненные имъ здѣсь допросы и 3) получены отъ васъ къ нему господину генераль-прокурору и кавалеру письма, отъ 5 августа, отъ 1 сентября и отъ 4 ноября, о семъ же дѣлѣ. По выслушаніи всего того, Правительствующій сенатъ приказали: хотя вы, господинъ генераль-поручикъ и кавалеръ, въ представленіи своемъ въ Сенатъ и въ письмахъ господину генераль-прокурору и кавалеру заключаете сомнѣніе и подозрѣніе свое о злодѣяніи муллы Мурата въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) что онъ вымыслилъ новый законъ и предъявилъ себя при томъ верховнымъ святымъ и будущимъ владѣтелемъ вселенной и что онъ по нынѣ наступившему времени уполномоченъ раздѣлить оную магометанцамъ, 2) что для достиженія своего предмета прибралъ себѣ подобныхъ злодѣевъ и, утверждая ихъ присягою, для распространенія того вымысла разсылалъ ихъ, какъ по Оренбургской, такъ въ Казанской и Астраханскую губерніи, 3) что письмо отъ нихъ, сейтовскихъ татаръ Абдрешита Юсупова съ товарищами, къ сродникамъ ихъ присланное, даетъ сомнѣніе что они, будучи въ Астрахани, не старались ли сообщить о томъ и въ Крымъ, когда онъ былъ еще не въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества, и напослѣдокъ 4) что чрезъ распространеніе сего ихъ вреднаго вымысла, оказывались уже нѣкоторыя опасныя слѣдствія, ибо сей легкомысленный народъ, увѣряясь на его, Муратова, ложное обѣщаніе въ мѣстѣ, гдѣ впредь сего былъ славный магометанскій городъ, называемый Болгаръ, дѣлалъ немалолюдныя сборища и, ежели бы не удалось сихъ зачинщиковъ захватить, то предвидимы были знаки тако-го замѣшанія, каковы напредь сего неоднократно отъ башкирскаго народа происходили, и то сей казусъ во

всемъ такой же точно, какой въ 1755 году отъ извѣстнаго муллы Ватырши произошелъ, но понеже напротивъ того здѣсь, по ближайшемъ разсмотрѣніи сего дѣла особливо изъ учиненныхъ въ семъ привезенныхъ сюда татарамъ допросовъ, никакого вреднаго умысла ихъ не найдено, и причины къ возмущенію тамошняго инновѣрческаго народа не примѣчено, но паче сколько все Муратово сочиненіе, а столь больше отвѣтъ его, какимъ образомъ онъ въ томъ упражняться принужденъ былъ, ясно доказываетъ, что онъ сумашеднѣйшій человѣкъ, названные же его сообщниками и ни въ чемъ никакого участія не имѣютъ, слѣдовательно все сіе происшествіе въ разсужденіи легкомыслія тѣхъ народовъ заслуживаетъ болѣе презрѣнія, нежели нужды выводить изъ того дальнѣйшія слѣдствія, потому первое, что сверхъ того, что мало кажется въ томъ нужды, какого бы они закона ни были, самое Муратово сочиненіе взято изъ ихъ же лжепророчествъ и наполнено такими здорными воображеніями, которыхъ событія одному безумію Муратову ожидать должно, 2) что взятые съ ними подъ арестъ татары участниками въ этихъ дураческихъ сочиненіяхъ не были и быть не могли, поелику они здѣсь и въ разумѣ ни мало помѣшанными найдены, да и того не оказалось, что онъ ихъ распространенія того мнимаго вымысла разсылалъ какъ по Оренбургской, такъ въ Казанскую и Астраханскую губерніи, а хотя одинъ изъ нихъ мулла Абдрашитъ Юсуповъ съ братомъ своимъ и съ однимъ абызомъ и ѣздить по разнымъ мѣстамъ, однако жъ по данному дозволенію для сбора на достройку каменной ихъ мечети денегъ, 3) что оной Абдрашитъ Юсуповъ здѣсь, подѣлишеніемъ живота, утвердилъ, что онъ въ домъ свой и никому о томъ, что онъ таитъ его пріѣздку, въ Астрахань не писалъ, да хотя бы и въ самомъ дѣлѣ то было, однако же изъ того ближе заключить можно намѣреніе

его къ утайкѣ денежнаго сбора, нежели къ какому-либо злему умыслу и 4) такимъ же образомъ нетокмо не настоитъ, кажется, прямого опасенія и отъ происходившихъ у нихъ къ тому мѣсту, гдѣ на предъ сего былъ славный магометанскій городъ, называемый Болгаръ, сборищей, когда токмо оныя, по ихъ обычаю, для моленія чинятся, для здѣшней стороны весьма еще пользаніе, если они такія общія ихъ молитвы внутри Россіи приносить привыкнутьъ, а не въ Мекку для того ѣздить будутъ, а тѣмъ меньше можетъ сей казусъ сравненъ быть съ тѣмъ, которой въ 1755 году отъ извѣстнаго мoulлы Батырши произошелъ, ибо тогда прямой его и многихъ башкирскихъ селеній умыселъ къ бунту нетокмо тотчасъ открылся, но самымъ дѣломъ оной смертоубійство здѣшнихъ воинскихъ людей начать было, слѣдовательно, и полученное къ вамъ отъ командующаго на сибирскихъ линіяхъ генерала-маіора Станиславскаго сообщеніе, что будто башкирцы намѣреніе имѣютъ пройти и жить въ киргизской степи, не можетъ ни почему приписано быть разврату Муратову тѣмъ наипаче, что если бы, паче чаянія, между ими такой умыселъ произошелъ, то оному, конечно, бы давно уже открыться надобно. Въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ, особливо, что и книги Муратовы свидѣтельствованы соперниками его башкирскими мoulлами, все вышепоказанное происшествіе останется безъ всякаго уваженія, и для того его, мoulду, и приведенныхъ съ нимъ татаръ пять человекъ отправить, кои (и отправлены) къ вамъ господину губернатору и кавалеру обратно, для же препровожденія ихъ данъ сенатской роты солдатъ и четыре ямскія лошади, а какъ на оныя до Оренбурга, а оттуда сюда солдату на одну лошадь прогонныя деньги, такъ и тѣмъ татарамъ кормовыя деньги, по скольку имъ здѣсь производилось, выданы изъ курьерской суммы по расчисленію того времени,

которое они въ дорогѣ пробыть должны будутъ, а по прибытіи ихъ въ Оренбургъ, вамъ, господину губернатору и кавалеру, отпустить въ дома ихъ попрежнему, не дѣлая имъ, по невинности ихъ, никакого наказанія, а чтобы помянутый мулла Муратъ впредь таковыхъ сочинений, каковы имъ прежде дѣланы, отнюдь отъ себя не выдавалъ, и въ пустыя толкованія ихъ закона не мѣшался, обязанъ подпискою, въ чемъ о немъ и порукою обязался жъ находящійся здѣсь Алаторскаго уѣзда, алаторскій депутатъ мурза князь Мангушевъ. Января 28 дня, 1772 г.

Получень апрѣля 22 дия, 1771 года.

Божіею Милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица Всероссійская

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему оренбургскому губернатору Рейнсдорту ¹⁾

Уже съ давняго время войско яицкое, будучи подущаемо нѣсколькими неспокойными и общему благостоянію завидующими своими казаками, начинало быть въ развратѣ, и сколько ни старались Мы оказанными ему милостями и снисхожденіемъ вывести его изъ заблужденія, все Наше о томъ попеченіе было однако жъ тщетно. Наконецъ, позабывъ вѣрноподданическую свою должность и ослѣпясь злостнымъ и превратнымъ тѣхъ вредныхъ людей истолкованіемъ Нашихъ собственныхъ указовъ, нетокмо оказалъ явное непослушаніе, но и дерзнуло на богомерзское убійство начальствующаго въ той сторонѣ войсками нашего генераль-маіора Трауенберга, войскового своего атамана и другихъ также на увѣчье и задержаніе отправленнаго къ нимъ отъ лица Нашего гвардіи нашей капитана Дурнова, а при всемъ томъ, управляясь понынѣ самовольнымъ и незаконнымъ обра-

¹⁾ Собрн. указ. 1772 г., стр. 47--48.

зомъ, пребываетъ въ такомъ еще несообразномъ мнѣніи, якобы исполнило оно симъ ужаснымъ и ненавистнымъ поступкомъ Наше соизволеніе. Сколь все сіе ни заслуживаетъ справедливой строгости Нашего правосудія, но Мы, руководствуясь всегда человеколюбіемъ и матернимъ Нашимъ о подданныхъ попеченіемъ, думаемъ что не все войско яицкое, но самая малѣйшая его часть была виною толикаго зла, и что прочія вовлечены были или по своей простотѣ, или же по незнанію истиннаго своего блага, въ сѣмъ мнѣніи, избѣгая, чтобъ невинные не претѣрпѣли, вмѣстѣ съ преступниками, и щадя пролитіе невинной крови, за благо разсудили Мы устробить еще умѣренность и чрезъ васъ увѣщевать первыхъ, чтобъ они отстали отъ скрывающихся между ими злодѣевъ, употребившихъ всеу имя Наше, поколебавшихъ тѣмъ общую тишину и затмившихъ убійствомъ начальниковъ своихъ славу всегдашней вѣрности и послушанія, коею войско яицкое столь много отличалось. Мы надѣемся, что они, видя такое Монаршее Наше о нихъ благоволеніе, и узнавъ ложь и собственные виды сихъ своихъ обольстителей, почувствуются и, пришедъ въ прежнее подданическое повиновеніе, выдадутъ сами главныхъ зачинщиковъ и нарушителей ихъ покоя. Если же и за сѣмъ войско яицкое останется въ своемъ жестокосердіи и упорствѣ, тогда неминуемо уже навлечетъ оно на себя праведный Нашъ гнѣвъ вмѣсто ожидаемаго имъ отъ Насъ милосердія и пощады. Для лучшаго и общаго о сѣмъ въ войскѣ яицкомъ свѣдѣнія, повелѣваемъ вамъ обнародовать сей Нашъ указъ, и пребываемъ вамъ впрочемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 26 марта, 1772 г.

«Екатерина».

Полученъ юня 17 дня, 1772 г.

Божіею Милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,
Императрица и Самодержица Всероссийская
и прочая, и прочая, и прочая.

*Нашему генералъ-поручику и оренбургскому губернатору
Рейнсдору ¹⁾.*

Изъ доношенія вашего, отъ 8 мая, усмотрѣли Мы дальнѣйшее неповиновеніе яицкаго войска и, принятое вами потому распоряженіе Мы Всемилоствѣйше апробуя, находимъ за нужное подать вамъ еще предписанія, въ исполненіи коихъ вами увѣряеть Насъ ваше къ службѣ усердіе и ревность. Какія приняли Мы еще мѣры къ обращенію яицкихъ мятежниковъ, оное увидите вы изъ приложенной при семъ копіи съ указа Нашего яицкому войску, коего оригиналъ, также здѣсь включенный, имѣете вы отправить немедленно къ генералъ-маіору Фрейману съ такимъ отъ имени Нашего повелѣніемъ, чтобъ онъ тотчасъ послалъ сей указъ въ Яицкій Городокъ и лучшими средствами, кои ему на мѣстѣ представятся могутъ, старался бы сдѣлать сей Нашъ указъ извѣстнымъ всеѣмъ и каждому изъ мятежниковъ, требуя при томъ отъ нихъ въ силу онаго по имянно выдать начинщиковъ смятенія, равно какъ и благонамѣрныхъ старшинъ, а имена ихъ вы сообщить ему имѣете. По исполненіи сего отъ войска яицкаго и по выпускѣ изъ города команды, генералъ-маіоръ Фрейманъ долженъ самъ въ него войти для учиненія распоряженій, о коихъ ниже сказано будетъ. Если же, по полученіи Нашего указа, яицкое войско останется на прежнемъ неповиновеніи и не исполнить оный во всеѣмъ его содержаніи, то имѣете вы предписать генералъ-маіору Фрейману въ такомъ случаѣ войти и завладѣть городомъ

¹⁾ Сборн. указ. 1772 г., стр. 67—68.

силою, но и при томъ самомъ, гдѣ только можно, поступать человѣколюбиво и сродственно съ природнымъ Намъ милосердіемъ. Вошедъ въ городъ тѣмъ или другимъ образомъ, генераль-маіоръ Фрейманъ долженъ учинить слѣдующее: 1) Учредить въ немъ коменданта съ гарнизономъ, которому и поручить надлежащее правленіе для возстановленія тишины и порядка до времени. 2) Отрѣшнить вовсе войсковую ихъ канцелярію, а на мѣсто ее установить новое правленіе, объявя всѣмъ и каждому, чтобъ они сему новому правленію повиновались, и что съ ослушниками поступлено будетъ какъ съ нарушителями общаго покоя. 3) Избравъ въ коменданты надежнаго человѣка, который бы твердостью и благоразуміемъ своимъ въ состояніи былъ всѣхъ содержать въ порядкѣ, рекомендовать ему прилежно, чтобъ онъ всѣмъ, въ тишинѣ живущимъ, отдавалъ правосудіе, а для пресѣченія способу къ скорѣйшему собранію мятежниковъ запретилъ бы бить въ городѣ въ набатъ безъ своего позволенія.

Какъ все сіе надлежитъ быть исполняемо отъ генераль-маіора Фреймана, то сверхъ вашихъ собственныхъ ему предписаній, имѣете вы послать копію съ сего рескрипта къ нему за подписаніемъ руки вашей, ибо оное ему инструкціею служить долженствуетъ.

Въ заключеніе же Высочайше вамъ повелѣваемъ: слѣдствіе объ убійствѣ генераль-маіора Траунберга произвести въ Оренбургѣ, но наказаніе виновнымъ учинить уже не въ Оренбургѣ, а въ Яицкомъ Городкѣ, дабы оное другимъ послужило въ исправленіе.

Впрочемъ, полагаясь на ревность вашу къ службѣ, въ исполненіе сего предписанія, пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостию благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ 4 іюня, 1772 г.

«Екатерина».

Указъ Нашему генералъ-маіору Кару ¹⁾.

Изъ представленныхъ Намъ рапортовъ, полученныхъ въ военную коллегію отъ оренбургскаго и казанскаго губернаторовъ и письма къ президенту оной коллегіи отъ генерала-аншефа князя Волконскаго усмотрѣли Мы, что бѣжавшій изъ подъ караула содержащійся въ Казани бездѣльникъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, онъ же и раскольникъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени Императора Петра Третьяго, и, обольстя въ жилищахъ яицкаго войска простой тамошній народъ всякими лживыми обѣщаніями, не только сдѣлалъ, какъ пишутъ, великое возмущеніе, но причиняетъ смертныя убійства, разореніе селеній и самыхъ крѣпостей, и хотя губернаторами, какъ оренбургскимъ, такъ и, казанскимъ и помянутымъ генералъ-аншефомъ приняты къ захваченію его и пресѣченію всего зла возможные мѣры, о коихъ усмотрите вы изъ копій, которыя Мы сообщить вамъ повелѣли, но дабы все оное произведено было съ лучшимъ успѣхомъ и скоростію, то повелѣваемъ вамъ какъ наискорѣе туда отправиться и, принявъ въ свою команду какъ тамъ находящіяся войска, такъ и отправленныхъ изъ Москвы триста человѣкъ рядовыхъ при генералъ-маіорѣ Фрейманѣ, да изъ Новгорода гренадерскую роту, равномѣрно жъ, если въ томъ нужду усмотрите, башкирцевъ и поселенныхъ въ Казанской губерніи отставныхъ столько, сколько надобность потребуетъ, учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ и стараться какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку переловить, и тѣмъ всѣ его злоумышленія прекратить. О споспѣшествованіи вамъ во всемъ, въ чемъ только будетъ нужно, дали Мы повелѣніе Нашей военной кол-

²⁾ Сборн. указ. 1773 г., стр. 54.

легиі, и при семъ прилагаемъ къ казанскому и оренбургскому губернаторамъ отверстыя Наши повелѣнія, въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ почтете вы за надобное чего-либо требовать, можете то учинить именемъ Нашимъ, а башкирцамъ и поселеннымъ объявить, въ случаѣ когда ихъ употребите, что ревностнымъ исполненіемъ по вашимъ распоряженіямъ помянутаго войска окажутъ они Намъ новый опытъ своего усердія и приобрѣтутъ себѣ особое Монаршее Наше благоволеніе. Въ слѣдъ же за вами Мы немедленно отправимъ увѣщательный манифестъ, который вы сами или же обще съ губернаторами имѣете тамъ на мѣстѣ по усмотрѣнію публиковать.

Подлинный писанъ и подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

Октября 14 дня, 1773 г.

№ 27 получень мая 15 дня, 1774 г.

Нашему оренбургскому губернатору Рейнсдорту. ¹⁾

Увѣдомлясь, что содержится въ Оренбургѣ великое число колодниковъ, въ разныя времена изъ злодѣйскихъ шакъ захваченныхъ, повелѣли Мы учредить въ Оренбургѣ секретную комиссію по сдѣланному отъ покойнаго генераль-аншефа Бибикова распоряженію и отправить въ оную изъ Казани гвардіи Нашей капитана Лунина и капитанъ-поручика Маврина съ секретаремъ и писцами для изслѣдованія и разбирательства дѣлъ, какъ нынѣ содержащихся, такъ и впредь по сей матеріи являющихся злодѣевъ, опредѣля для содержанія оныхъ особое мѣсто и надежный караулъ. А вамъ препоручаемъ, имѣя оную комиссію въ вашемъ вѣдомствѣ, подтверждать чинимыя по дѣламъ рѣшенія, наказуя злодѣевъ по мѣрѣ ихъ преступленія и соображая наказанія съ природнымъ Намъ человеколюбіемъ. Изъ дѣлъ

¹⁾ Сборн. указ. 1774 г., стр. 81.

же сочиняемые экстракты присылать въ тайную при Сенатѣ экспедицію; а что касается до присылки къ вамъ пойманныхъ злодѣевъ, то, въ каковой силѣ данъ указъ Нашему генераль-поручику Князю Щербатову, повелѣли Мы при семъ приложить копію.

«Екатерина».

Апрѣля 26 дня, 1774 г.

Нашему генераль-поручику князю Щербатову. ¹⁾

Данными отъ Насъ сего числа указами повелѣли Мы, кромѣ учрежденной въ Казани секретной комиссіи, быть таковой же въ Оренбургѣ и состоять онымъ въ вѣдомствѣ тамошнихъ губернаторовъ, чего ради и повелѣваемъ всѣхъ захватываемыхъ при сраженіяхъ и другими случаями къ вамъ приводимыхъ по сей матеріи злодѣевъ отсылать въ Казанской губерніи—къ казанскому, въ Оренбургской же—къ оренбургскому губернаторамъ; и ежели на послѣднихъ сраженіяхъ захваченные изъ Пугачевой толпы главные одного сообщники еще въ секретную комиссію не отосланы, то имѣете оныхъ немедленно доставить къ оренбургскому губернатору, о чемъ отъ Насъ тѣмъ губернаторамъ особыя повелѣнія даны. Если же уже въ Казань отправлены, то тому и быть такъ, пока нужды та или другая секретная комиссія не усмотритъ въ перевозѣ ихъ.

Апрѣля 26 дня, 1774 г.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою:

«Екатерина».

№ 30 полученъ іюля 22 дня, 1774 года.

Нашему генераль-поручику и оренбургскому губернатору Рейнсдорпу ²⁾.

Какъ натурально по переѣздившимся обстоятель-

¹⁾ Сборн. указ. 1774 г., стр. 82.

²⁾ Сборн. указ. 1774 г., стр. 95.

ствамъ утруждены вы нынѣ, кромѣ порученнаго вамъ отъ Насъ начальства надъ учрежденною въ мѣстѣ пребыванія вашего комиссіею о слѣдствіяхъ надъ злодѣями, многими внутренними гражданскими дѣлами и распоряженіями во ввѣренной вамъ отъ Насъ губерніи, пришедшей въ разстройство отъ злодѣйскихъ возмущеній, то Мы, восхотѣ васъ облегчить въ такихъ трудахъ вашихъ, за благо разсудили опредѣлить главнымъ въ помянутой въ вашемъ вѣдомствѣ находящейся комиссіи Нашего генералъ-маіора Павла Потемкина, который, снабженъ будучи для сего пространными отъ Насъ инструкціями, отправляется къ назначенному ему посту и вручить вамъ сей Нашъ указъ, коимъ вамъ всемилостивѣйше и повелѣваемъ: 1) по пріѣздѣ его въ Оренбургъ отдать ему въ вѣдомство помянутую комиссію съ находящимися въ ней лейбъ-гвардіи Нашей офицерами и съ принадлежащими къ отправленію дѣлъ ея разными офицерами и служителями; 2) отдать ему съ рукъ на руки всѣ тѣ Наши именныя повелѣнія, кои касательны до дѣлъ той комиссіи, отъ Насъ и къ вамъ посланы были въ разныя времена и 3) подавать ему, по требованію его, всякія зависящія отъ васъ къ удобнѣйшему производству дѣлъ по той комиссіи объясненія и вспомоствованія.

«Екатерина».

11 іюни 1774 г., въ Санктъ-Петербургѣ.

Полученъ сентября 18 дня, 1774 г.

Нашему генералъ-поручику и оренбургскому губернатору Рейнсдорну¹⁾.

Увѣдомились Мы изъ донесеній Нашего генерала графа Петра Панина, что настоятъ въ вѣренной вамъ отъ Насъ губерніи дороговизна и совершенный недостатокъ

¹⁾ Сборн. указ. 1774 г., стр. 133.

въ хлѣбѣ, какъ отъ худого урожая, такъ и отъ произведенныхъ извѣстнымъ бунтовщикомъ и извергомъ Пугачевымъ раззореній и буйства. По сему Мы предписываемъ вамъ учинить всевозможныя распоряженія, дабы во всѣхъ частяхъ ввѣренной вамъ губерніи народъ, сколько въ силахъ вашихъ будетъ, посему въ пропитаніи затрудненій, а паче недостатка болѣе не чувствовалъ, равно какъ и войска Наши въ переходахъ и бытность свою въ Оренбургской губерніи и окрестныхъ мѣстахъ надлежащимъ образомъ продовольствованы были. Мы же благонадежны, что вы, какъ сынъ отечества, прославившійся твердостью духа, мужествомъ и отличнымъ своимъ усердіемъ къ Намъ и отечеству, почтитесь и успѣете во всѣхъ стараніяхъ по симъ важнымъ обстоятельствамъ. Оставляя же по тому надлежащія подробности распоряженію вашему лучшему усмотрѣнію, расторопности и частому свѣдѣнію, которыя вы имѣете о настоящемъ положеніи и состояніи тамошняго края, не можемъ однако жъ не сказать вамъ, что въ случаѣ надобности должны вы требовать поставленій отъ Нашего генерала графа Панина, и, по его предписаніямъ, какъ слѣдующимъ отъ главнаго начальника въ томъ краю Наши воинскихъ силъ, которому при томъ на случай и попеченіе разныхъ губерній отъ Насъ препоручено, слѣдовательно и вся связь оныхъ взаимной надобности извѣстна, имѣете вы чинить непремѣнное исполненіе, а посему и обязаны вы съ вѣдома и апробаціи его на покупку и провозъ хлѣба и изъ всякихъ сборовъ Оренбургской губерніи денежныя суммы брать и употреблять, сколько надлежитъ, а въ случаѣ недостатка требовать оную откуда слѣдуетъ. Наконецъ, если бы, паче чаянія, нашлись вы въ сущей невозможности установить продовольствіе въ пропитаніи жителей и войскъ, пребывающихъ во ввѣренной вамъ губерніи, то обязаны вы тре-

бовать помощи отъ Нашихъ губернаторовъ: казанскаго — князя Мещерскаго и сибирскаго — Чечерина, Мы же не оставили имъ дать по сему Наши повелѣнія, съ коихъ и прилагаются здѣсь, для свѣдѣнія вашего, точныя копии. Впрочемъ пребываемъ Мы Императорскою Нашею милостию благосклонны.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ сентября 3 дня, 1774 г.

«Екатерина».

Божіею Милостию

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица Всероссійская

и прочая, и прочая, и прочая

объявляемъ во всенародное извѣстіе ¹⁾.

Всему свѣту вѣдомо есть и многими опытами дѣлъ Нашихъ повсюду доказано, что Мы, принявъ отъ Промысла Божія самодержавную власть Всероссійской Имперіи, главнѣйшимъ правиломъ въ царствованіе Наше положили пещись о благосостояніи вѣрнѣйшихъ Намъ отъ Всевышняго вѣроподданныхъ, по намѣреніямъ и въ угодность подателя всякаго блага Творца, несмотря ни на какой родъ препятствія. Мы жизнь Нашу посвятили къ тому, чтобъ доставить въ Имперіи Нашей живущимъ всякаго состоянія людямъ мирное и безмятежное житіе. Для того Мы непрерывный трудъ прилагаемъ къ утвержденію христіанскаго благочестія, къ поправленію законовъ гражданскихъ, къ воспитанію юношества, къ пресѣченію несправедливости и пороковъ, къ искорененію притѣсненій, лихоиманій и взятокъ, къ умаленію праздности и нерадѣнія къ должностямъ. Неутомимое Наше рвеніе о благѣ общемъ наивяще ознаменовалось въ сіи послѣдніе прошедшіе годы, когда, защищая Имперію бодрымъ духомъ отъ нападѣнія сильнаго

¹⁾ Сборн. указ. 1775 г., стр. 22—23.

непріятеля, разными Нашими предпріятіями не токмо оный Божіимъ благословеніемъ, праведнымъ Нашимъ оружіемъ и храбростью побѣдоносныхъ Нашихъ войскъ не допущенъ до предѣловъ Россійскихъ, но повсюду далеко отведенъ былъ отъ своего нападающаго намѣренія, чѣмъ, наконецъ, по многимъ трудностямъ, достигли Мы до заключенія съ Оттоманскою Портою безъ посредственниковъ желаемого и похвальнаго мира, утверждающаго внѣшнюю безопасность Имперіи и доставляющаго вѣрно-подданнымъ Нашимъ время наслаждаться, благодарными сердцами хваля Бога, покоемъ и тишиною. Во время таковое и видя единственное стремленіе ума Нашего дсвести Имперію дѣлами подобными до высшей степени благосостоянія, кто не будетъ имѣть праведнаго омерзения къ тѣмъ внутреннимъ врагамъ отечественнаго покая, которые, выступя изъ послушанія всякаго рода, дерзнули во-первыхъ поднять оружіе противу законной власти, пристали къ извѣстному бунтовщику и самозванцу донскому казаку Замовойской станицы Емелькѣ Пугачеву, а потомъ обще съ нимъ чрезъ цѣлый годъ производили лютейшія варварства въ губерніяхъ: Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской, истребляя огнемъ церкви Божія, грады и селенія, грабя святыхъ мѣсть и всякаго рода имущества, и поражая мечемъ и разными ими вымысленными мученіями и убійствомъ священнослужителей и состоянія вышняго и нижняго обоого пола людей, даже и до невинныхъ младенцевъ.

Дѣло сіе такого существа, что безъ ужаса на оное возрѣть не можно. Оно доказываетъ, что человѣкъ, погруженный въ невѣжество, забывъ долгъ и присягу, данную предъ Богомъ верховной Монаршей власти и не опасаясь за то ни вѣчныя ни временныя казни, выступя изъ послушанія законовъ, преступаетъ тѣмъ самымъ

всѣ предѣлы обязательства передъ родомъ человѣческимъ. Вообще преступленія главнаго злодѣя и его сообщниковъ столь многочисленны и разнообразны суть, какъ по слѣдствію оказалось, и собственнымъ добровольнымъ признаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ открылось, таковая рѣдкость, что, чиня предступленія всякаго рода, сами они не упомнятъ числа содѣяннаго зла. Несчастному же происшествію сего Пугачевского бунта описаніе прилагается на особливомъ листѣ.

Помянутое слѣдствіе злодѣйскихъ дѣлъ, касающихся до сего бунта отъ самаго начала, производили, по повелѣнію Нашему, генераль-аншефъ князь Михайло Волконскій и генераль-маіоръ Павелъ Потемкинъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, которое, окончивъ нынѣ, въ Нашъ Сенатъ отсылаемъ, повелѣвая ему купно съ синодскими членами, въ Москвѣ находящимися, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ съ президентами всѣхъ коллегій, выслушать оное отъ помянутыхъ присутствующихъ въ тайной экспедиціи, яко производителей сего слѣдствія, и учинить, въ силу государственныхъ законовъ, опредѣленіе и рѣшительную сентенцію по всѣмъ ими содѣяннымъ преступленіямъ противу Имперіи, къ безопасности личныя, человѣческаго рода и имущества.

Касающееся же до оскорбленія Нашего Величества, Мы, презирая, предаемъ оное вѣчному забвенію, ибо сіи вины суть единственно тѣ, въ коихъ при семъ случаѣ милосердіе и человѣколюбіе Наше обыкновенное мѣсто имѣть можетъ. Мы всеусердно Бога молимъ и просимъ, да отвратить впредь мечъ гнѣва Своего отъ врученной Намъ Его же премудрымъ промысломъ Имперіи, да возстановить паки повсюду мирное и безмятежное житіе, и да укрѣпитъ всѣхъ въ оной живущихъ Нашихъ вѣрноподданныхъ и Насъ Сашихъ во всѣхъ Ему, Творцу, угодныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

Давъ въ Санктъ-Петербургѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1774 г., декабря 19 дня, царствованія Нашего въ третіеиадесять.

Подлинный за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки тако:

«Екатерина».

Описаніе происхожденія оныхъ и сокрушеніе злодѣя бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева.

Емелька Пугачевъ родился на Дону, какъ и самъ показаль, въ Зимовейской станицѣ. Дѣдъ и отецъ его были той же станицы казаки и жена его, дочь казака Дмитрія Никифорова, Софья. Онъ служилъ во время Прусской войны и нынѣшней Турецкой простымъ казакомъ. Былъ во второй арміи при взятіи Бендеръ, сттуда, отлучаясь, просилъ отставки, но въ семъ ему отказано. Въ то время зять его посланъ былъ на поселеніе подъ городъ Таганрогъ и, не желая тамъ жить, подговаривалъ Емельку и другихъ бѣжать, а какъ сіе открылось въ Черкасскѣ и велѣно было ихъ туда выслать, онъ, запершись въ подговорѣ зятя своего, бѣжалъ въ Польшу въ раскольническіе скиты, укрывался у раскольниковъ и, ознакомившись съ бѣглымъ гренадеромъ Алексѣемъ Семеновымъ, кормились въ Добрянкѣ отъ подаенія. Потомъ и оттуда перешелъ въ Малороссійскія селенія и, бывъ у раскольниковъ, опасаясь, чтобъ его не поймали, положилъ бѣжать на Яикъ и подговаривать тамошнихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань. Тамъ то назваль онъ себя бывшимъ Императоромъ Петромъ Третьимъ, но команда его сковала и отвезла въ Симбирскъ, а оттуда посланъ онъ былъ въ Казань, гдѣ, подговоривъ караульнаго солдата, бѣжалъ на Яикъ и объявилъ себя наки покойнымъ Императоромъ Петромъ Третьимъ.

На Яикѣ нашель онъ приближище у нѣкоторыхъ изъ того войска преступниковъ, кои по дѣламъ внутренняго яицкаго войска тогдашняго несогласія и не-

устройства, опасаясь праведнаго приговореннаго наказанія, сами тогда въ бѣгахъ находились. Сии казаки не токмо пристали къ Емелькѣ, но и старались повсюду разносить о немъ слухъ. Когда сіе дошло до свѣдѣнія коменданта Яицкаго Городка, выслалъ онъ къ нимъ ихъ команду, но Емелька съ шайкою своею скрылся и, отбѣгая отъ города далѣе, старался объ умноженіи сволочи своей, въ чемъ предуслѣвъ, возвратился къ Яицкому Городку. Но, не мѣвши оному причинить вреда, пошли далѣе по Оренбургской линіи, бравъ крѣпосцы частію отъ оплошности въ нихъ находящихся командировъ, а частію отъ слабости силъ, живущихъ въ оныхъ престарѣлыхъ гарнизонныхъ командахъ. Умножая дерзости, по мѣрѣ успѣховъ, разбойникъ Емелька со сволочью своею, изъ коихъ главные были вооруженные яицкіе казаки, состоящіе отъ двухъ до трехсотъ человекъ, кои до конца безотлучно почти при немъ находились и изъ воли его, а онъ изъ ихъ, не выходили. Такимъ образомъ, простирая злодѣйствы и истребляя по дороги селенія, а противоборющихся всячески умерщвляя, приступили они къ Оренбургу прежде, нежели могъ сюда дойти слухъ о толь дерзностномъ, сколь и неожиданномъ злодѣйственномъ предпріятіи. Сколь же скоро повсюду извѣстно слѣдалось о сихъ бунтовщичьихъ неистовствахъ наряжаемы были разные воинскіе командиры съ достаточными командами вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ, и послѣднія были умножаемы по мѣрѣ нужды. А потомъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1773 года посланъ былъ генераль-аншефъ Бибииковъ съ полною властію и наставленіемъ для пресѣченія сихъ, отъ часу умножающихся, безпорядковъ и своевольствъ. Успѣхи соотвѣтствовали благоразумнымъ сего генерала распоряженіямъ. Отряженный отъ него храбрый и ревностный генераль-маіоръ князь Петръ Голицынъ разбилъ подъ Та-

тищевую крѣпостью злодѣйское скопище, въ великомъ числѣ состоящее при помянутыхъ яицкихъ казакахъ, изъ башкирцевъ и другихъ бѣглыхъ русскихъ людей и заводскихъ крестьянъ. Къ сожаленію общему рановременная кончина покойнаго генерала Бибикова не дозволила сему достойному мужу окончить дѣло, на него возложенное. Между тѣмъ измѣнникъ Емелька, бывъ паки разбитъ сказаннымъ генераль-маіоромъ княземъ Голицынымъ подъ Сакмарою, кинулся на рудокопные заводы Оренбургской губерніи, гдѣ, умноживъ вновь толпу и выливъ пушки наивящія, началъ дѣлать истребленія селеніямъ и заводамъ, грабительства имуществамъ и убійства людямъ. И хотя не единожды былъ достигнуть и потомъ разбитъ храбрымъ полковникомъ Михельсономъ, но, находя всякій разъ способы уйти, вновь собиралъ толпы. Наконецъ, взявъ пригородокъ Осу, перешелъ Каму и пришелъ къ Казани. Тутъ нашелъ онъ отпоръ храбрымъ и мужественнымъ поведеніемъ генераль-маіора Павла Потемкина, за два дни въ Казань предъ тѣмъ пріѣхавшаго по повѣленію Ея Императорскаго Величества. Сей генераль, собравъ сколько тамо случилось войскъ, пошелъ злодѣю на встрѣчу, но злодѣи, видя свою въ полѣ неудачу противу вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества войскъ, нашли способъ сквозь линіи суконниковъ измѣною ихъ прорваться въ предмѣстіе съ Арскаго поля и жительство зажечь. Генераль-маіору Потемкину не осталось въ таковыхъ обстоятельствахъ иного предпріять, какъ единственно спасти отъ злодѣйскихъ рукъ казанскій кремль, что онъ и учинилъ и, вошедъ въ оный, до тѣхъ поръ оборонялся, пока приспѣлъ въ помощь къ городу неутомимый полковникъ Михельсонъ съ детащаментамъ. Злодѣи, узнавъ о приходѣ войскъ, побѣжали изъ города въ поле, гдѣ по трекратномъ сраженіи, въ три разные дни, разбойники на голову раз-

биты были. Часть ихъ съ воровскимъ атаманомъ Емелевою бросились къ рѣкѣ Волгѣ, которую, переплывъ, устремились къ раззоренію всего, зажигая церкви, селеніи и города Цивильскъ и Курмышъ и дѣлая повсюду неслыханныя варварства и безчеловѣчія, побѣжала стремглавъ къ Алаторию.

Въ таковыхъ обстоятельствахъ писалъ къ Ея Императорскому Величеству тогда побужденный ревностью, въ отставкѣ находящійся генераль графъ Петръ Панинъ, прося о порученіи ему команды для истребленія государственнаго врага и самозванца. Ея Императорское Величество, воззря на таковое усердіе къ службѣ Ея и отечеству, не мѣшкая ни мало, соизволила послать къ сему генералу повелѣніи и наставленіи къ искорененію бунта, нарядя при томъ въ прибавокъ войскъ, тамо находящихся, три полка отселѣ. Сего вѣрнаго и усердаго генерала предводительство Богъ благословилъ окончаніемъ бунта и поимкою главнаго измѣнника. Между тѣмъ измѣнники, умноживъ свою сволочь, побѣжали къ Саранску и Пензѣ, бывъ преслѣдуемы по пятамъ корпусомъ усерднаго полковника Михельсона, и, прошедъ оныя, стремились далѣе чрезъ Петровскъ къ Саратову и овладѣли онымъ, гдѣ однако жъ комендантъ, полковникъ Бошнякъ, обороняясь храбро, наконецъ съ пятьюдесяти человѣками офицеровъ и солдатъ сквозь толпу пробился и приплылъ въ Царицынъ.

Злодѣи, ограбя Саратовъ и убивая всѣхъ, кто по взгляду ихъ не показался, прошли къ Царицину. Сія крѣпость учинила имъ сопротивленіе сильнѣе многихъ городовъ, принудила ихъ отступить и бѣжать впередъ, но, проходя къ Черноярску, въ сорока верстахъ за Царициномъ по астраханской дорогѣ, достигнуты злодѣи были паки корпусомъ полковника Михельсона, всѣ трудности и препятствія непрерывно пресодолѣвающего,

Къ сему полковнику подоспѣли тогда донскіе казаки, съ помощію которыхъ въ послѣдній разъ Емелька со всею толпою безповоротно разбитъ былъ, но самъ злодѣй, ушедъ, переплылъ рѣку Волгу съ малымъ числомъ яицкихъ казаковъ на луговую сторону, и пробирались къ Узенямъ на степи, между рѣками Волгою и Яикомъ находящимся. Въ семъ мѣстѣ судьбы Всевышняго предали сего злодѣя рода человѣческаго и Имперіи въ руки правосудія. И сами сообщники и любимцы его казаки илецкій --Твороговъ, да яицкіе—Чумаковъ и Федулевъ, раскаявъ въ содѣянномъ ими злодѣйствѣ и узнавъ о обѣщанномъ манифестами Ея Императорскаго Величества прощеніи тѣмъ, кои явятся съ чистымъ покаяніемъ, условились между собою Емельку Пугачева связать и привести въ Яицкій Городокъ, на что уговоря другихъ казаковъ, числомъ до двадцати пяти человѣкъ, сіе они самымъ дѣломъ исполнили. Генераль-поручикъ Суворовъ, пріѣхавши изъ арміи, послѣшилъ къ передовымъ корпусамъ на пораженіе злодѣевъ, и хотя разрушеніе оныхъ послѣдовало прежде, но поставилъ онъ подоспѣть съ нѣкоторымъ числомъ войскъ на Яикъ для обнадеживанія стражи надъ государственнымъ врагомъ, и, принявъ Пугачева въ Яицкомъ Городкѣ, привезъ его въ Симбирскъ, откуда усердный генераль графъ Панинъ сего злодѣя съ главными его сообщниками прислалъ подъ крѣпкою стражею въ царствующій градъ Москву, гдѣ и примутъ должную мѣсть.

Копія.

Указъ Нашему Сенату ¹⁾.

Уполномоченный отъ Насъ къ укрощенію бывшаго возмущенія генераль графъ Панинъ, усмотря происходящее отъ производства слѣдствія и взысканія вытей за

¹⁾ Сборн. указ. 1775 г., стр. 50.

пограбленные во время того возмущенія пожитки и вещи, за нужное нашелъ остановить до указа оныя, также и взысканіе доимокъ въ порученныхъ ему въ особенное вѣдѣніе Оренбургской, Казанской и Нижегородской губерніяхъ, приложенными при семъ въ копіяхъ предписаніями, и испрашивалъ указовъ Нашихъ и во всѣ прочія губерніи, коихъ равномѣрное возмущеніе коснулось, и въ которыхъ съ тѣми разграбленными и переходившими изъ рукъ въ руки вещами люди оказываться могутъ, о единообразномъ въ такихъ обстоятельствахъ поступкѣ. Мы, признавая сіе также нужнымъ, повелѣваемъ Сенату Нашему отправить немедленно во всѣ губерніи указы, дабы вездѣ въ подобныхъ случаяхъ и взысканіяхъ поступаемо было согласно съ помянутыми его, графа Панина, въ Оренбургскую, Казанскую и Нижегородскую губерніи канцеляріи данными предписаніями, впредь до указа.

На подлинномъ надписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

Въ Москвѣ, 16 февраля, 1775 г.

Полученъ августа 21 дня, 1775 г.

Указъ Нашему генералъ-поручику и оренбургскому губернатору Рейнсдорну ¹⁾.

Вы представляли послѣднимъ рапортомъ вашимъ къ Нашему генералу графу Панину, что киргизъ-кайсацкой Меньшой орды Дусали султанъ, племянникъ Нурали хана, писалъ къ вамъ, каясь о своихъ худыхъ поступкахъ и прося себѣ содержанія прежняго, которому чтобъ производить опредѣленное жалованіе въ годъ по сту рублей деньгами да разными вещами на пятьдесятъ рублей, о томъ вы свое мнѣніе тутъ же изъяснили,

¹⁾ Сборт. указ. 1775 г., стр. 209.

какъ и тѣ выгоды для дѣлъ Нашихъ, кои отъ услугъ сего хана происходятъ.

Мы, уваживъ Всемилостивѣйше о семъ ваше представленіе, повелѣваемъ содержать онаго Дусали султана попрежнему и удовольствовать его обыкновеннымъ жалованіемъ; впредь же о дѣлахъ подобныхъ, понеже генераль графъ Панинъ отъ вѣренной ему комиссіи нынѣ уже уволенъ, имѣете представлять въ Нашу иностранныхъ дѣлъ коллегію

«Екатерина».

Село Царичино, августа 12 дня, 1775 г.

Копія.

Указъ Нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ ²⁾.

По представленному Намъ прошенію находящагося при дворѣ Нашемъ бухарскаго посланца объ отпущеніи ему взятыхъ имъ, заимообразно, въ Астрахани изъ казеннаго магазина осьмидесять кудей муки, и тамъ же изъ казеннаго приготовленія семидесяти осми пудъ стали, и двадцати двухъ пудъ свинцу, и о возвращеніи пошлинъ, заплаченныхъ съ его стороны въ Астрахани жъ съ присланнымъ для его содержанія изъ Бухаріи товаровъ, и чтобъ ему дозволено было купить для своего хана бухарскаго и за границу отправить безпошлино пятнадцать тысячъ пудъ желѣза и пять тысячъ стали, Мы всемилостивѣйше, на все то снисходя, повелѣваемъ Нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ дать знать для исполненія по тому въ надлежащія мѣста.

Подлинный подписанъ собственной Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Екатерина».

Въ Москвѣ, въ 10 день декабря, 1775 г.

²⁾ Сборн. указ. 1766 г., стр. 71.

Полученъ іюля 16 дня, 1776 г.

Божією Милостію

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица Всероссийская

и прочая, и прочая, и прочая

Нашему оренбургскому губернатору генералъ-поручику Рейнсдорну ¹⁾.

Получены здѣсь доношенія ваши, отъ 15 ноября, отъ 2 и 24 декабря прошлаго года и отъ 29 марта и 27 апрѣля сего настоящаго, коими вы, изъясняя во всѣхъ подробностяхъ объ учиненныхъ отъ киргизъ-кайсака Меншой орды по разнымъ мѣстамъ продерзости послѣ прекращеннаго уже въ вашемъ краѣ внутренняго нестройства, испрашиваете дозволенія для возстановленія нужной безопасности и для вырученія поавшихся въ плѣнъ и неволю здѣшнихъ разнаго яванія людей производить, по собственному ихъ хана мнѣнію и требованію, воинскіе поиски надъ остающимися и понынѣ еще въ развратѣ и въ поступкѣ злодѣйства, присовокупляя къ кому и вопросъ, какимъ образомъ башкиры съ киргизъ-кайсаками въ ихъ взаимныхъ искахъ разводимы быть могутъ попрежнему ли, или какъ иначе.

При соображеніи сихъ вашихъ представленій съ состояніемъ народа киргизъ-кайсацкаго легкомысленнаго, корыстнаго и малыми первыми удачами въ своихъ разбояхъ къ вящимъ послѣдующимъ поощряющагося съ обширностью оренбургскаго вѣдомства границъ, кои не токмо довольною защитою не снабдены еще, какъ въ разсужденіи рѣдкихъ и мало значущихъ укрѣпленныхъ жилищъ по линіямъ, такъ и потому больше, что наличныя тамъ войска, будучи упражнены и заняты содержаніемъ форпостовъ и стражею на оныхъ, находятся въ

¹⁾ Сборн. указ. 1776 г., стр. 159—162.

такомъ между собою раздробленіи, что въ нужныхъ случаяхъ они тотчасъ совокуплены быть безъ потери времени и едва ли дѣйствовать достаточно и съ успѣхомъ могутъ, натуральнымъ образомъ встрѣчаются уваженія, требующія по симъ обоимъ вашего края обстоятельствомъ, вмѣстѣ съ вносимымъ, самаго полного и зрѣлаго разсмотрѣнія, прежде опредѣленія испрашиваемыхъ вами строгихъ мѣръ.

Пускай киргизъ-кайсаки первымъ, производимымъ надъ ними, поискомъ на время уstraшены будутъ, но какъ можно будетъ разобрать виноватыхъ отъ правыхъ? А въ семъ послѣднемъ случаѣ, когда оружіе здѣшнее коснется, по недоумѣнію и необходимости, до такихъ изъ нихъ, кои въ злодѣйствахъ были не участны, не сдѣлается ли тѣмъ самымъ и вѣщаго въ семъ народѣ разврата и затруднительства, по тамошнимъ границамъ, при настоящемъ недостаткѣ въ способахъ къ отраженію, хотя не повсемѣстныхъ стремительствъ, но такихъ, кои и по разнымъ мѣстамъ въ одно время съ ихъ стороны открыться могутъ въ отомщеніе здѣшняго предпріятія. Да и ханъ ихъ, требуя поисковъ, кто знаетъ не ищетъ ли въ томъ больше собственныхъ своихъ видовъ достигнуть, нежели здѣшней пользы и дѣйствительной безопасности, ибо двоедушіе ему и всѣмъ киргизъ-кайсацкимъ начальникамъ и напредъ сего всегда свойственно было, а онъ, поступая, можетъ быть, и теперь такимъ же образомъ, не мнитъ ли упрочить себѣ какъ здѣшнюю довѣренность, такъ совокупно и благонамѣреніе своего народа, предоставляя оказаться склоннымъ, наконецъ, къ той сторонѣ, отъ которой онъ больше выторговать можетъ добычею, или подарками, или же и всегда, продолжая обоими пользоваться, когда и въ чемъ по его званію будетъ безъ огласки удобно.

Мы при сихъ представляющихся сумнительствахъ,

сколько киргизъ-кайсаки учиненными понынѣ злодѣйствами ни заслуживаютъ наказанія, не можемъ однако же дозволить вамъ производить надъ ними поиски за то, что ими учинено и прошло, изъ нужной предосторожности, чтобъ не возбуждены были они на вѣщія продерзости, и тѣмъ со временемъ и все ихъ многочисленное общество не раздражилось къ напрасной заботѣ въ дѣлахъ вашего края, но чтобъ и изъ продолжаемой терпимости тѣ же слѣдствія, какія симъ предупредить ищется, не произошли по удобствамъ ихъ, киргизъ-кайсакъ, къ сооблазнамъ, видя другихъ злодѣйскимъ образомъ корыстующихся набѣгами и воровствомъ при здѣшнихъ мѣстахъ и остающихся безъ всякаго возмездія для того равно, какъ и для вырученія находящихся въ ихъ рукахъ здѣшнихъ плѣнниковъ, за благо и за нужно изобрѣли Мы симъ вамъ вновь предписать употребленіе напредъ сего уже опредѣленныхъ Нашею коллегію иностранныхъ дѣлъ способовъ управы съ продерзостными изъ нихъ киргизъ-кайсакъ, и кои предмѣстниками вашими совсѣмъ успѣхомъ иногда и производимы были уже въ дѣйство, то есть, чтобъ вы сколько возможно находились съ ханомъ и другими киргизъ-кайсацкими начальниками въ частой перепискѣ и сношеніи и всегда старались имъ внушать понятно и ясно должности ихъ, какъ Нашихъ подданныхъ, въ содержаніи народа въ порядкѣ, въ предвареніи всѣхъ противныхъ поползновенностей, и въ вырученіи плѣнныхъ, и чтобъ вы же при случаѣ настоянія такихъ дѣлъ и требованій, кои по справедливости и по существу ихъ долженствовали бы окончиться удовлетвореніемъ съ киргизъ-кайсайкой стороны, возвращеніемъ или воздаяніемъ, напримѣръ, за разграбленіе ими купеческихъ каравановъ, за отгонъ скота и пограбленіе всякаго имущества, приказали задержатъ пріѣзжающихъ изъ нихъ для торгу въ Орен-

бургъ и другія мѣста и содержать безвыпускно, пока родственники ихъ, или принадлежащіе къ одному съ ними улусу не склонятся на раздѣлку и дѣйствительно на то не поступятъ. Когда же изъ киргизъ-кайсакъ злодѣи не такъ, какъ воры, въ маломъ числѣ и тайно, но явнымъ разбоямъ при здѣшнихъ границахъ окажутся, и чрезъ линіи во внутреннія мѣста искать будутъ проходить, тогда имѣютъ быть оныя перенимаемы воинскою рукою; но ежели иногда сего исполнить будетъ невозможно въ ихъ первоначальномъ пути, какъ и напредъ сего рѣдко въ томъ удача была по пространству границы и по пустотѣ на оной, а ихъ всегда, по большей части, непредвидѣнному явленію, въ такомъ случаѣ стараться поиски чинить надъ ними собираемыми между тѣмъ изъ ближнихъ мѣстъ достаточными командами при самомъ ихъ злодѣйскомъ упражненіи, слѣдуя для того за ними туда, куда они пойдутъ, или же, буде не допустить и до того короткое время, ожидая и встѣчая ихъ при возвращеніи и продолжая за ними погоню уже и за границу, хотя бы до самыхъ ихъ улусовъ, которые такъ какъ дающіе явное поущеніе и убѣжище грабителямъ своимъ родственникамъ и могутъ тогда равнымъ образомъ подвержены быть обще съ ними воинскимъ поискамъ въ наказаніе свое и въ устрашеніе прочихъ въ томъ не причастныхъ.

Однимъ словомъ, всѣ дѣла и нужды обращаются въ предварительномъ развѣданіи о противныхъ киргизъ-кайсацкихъ замыслахъ и скопищахъ, въ нужныхъ по линіямъ предосторожностяхъ, ни мало и ни для чего неупускаемыхъ, въ обращеніи полного старанія къ недопущенію ихъ, киргизъ-кайсакъ, производить злодѣйства при границахъ, а того меньше во внутреннихъ мѣстахъ въ случаѣ ихъ на то подвижности, и въ наказаніи самихъ злодѣевъ и ихъ участниковъ въ то жъ самое вре-

мя, когда они въ томъ находиться и обращаться будутъ, дабы такимъ образомъ тяжкое сихъ варваровъ, киргизъ-кайсакъ, понятіе убѣждено было къ заключенію, что тѣ, кои изъ нихъ злодѣи, не избѣгаютъ по справедливости и тотчасъ наказанія, а тѣ, кои спокойны, безвредными остаются, и при пораженіяхъ, наносимыхъ въ казнь и мечь, слѣдовательно, одни возымѣли бы причину унижаться, а другіе не приличать здѣшнихъ толь заботливо ограниченныхъ мѣръ на все свое общество.

Исполненіе всего того, поручая Мы вашему попенченію и вашему общему соглашенію съ находящимся въ вашемъ мѣстѣ воинскимъ начальникомъ генераль-маіоромъ Мансуровымъ и общему вашему съ нимъ настоятельству, чтобъ отъ линейныхъ командировъ безпрестанно и со всѣмъ должнымъ уваженіемъ нужды и важности дѣла содѣйствовано было тому наилучшимъ образомъ предоставляемъ вамъ же употреблять и башкирцевъ, по вашему разсмотрѣнію, для усмиренія киргизъ-кайсакъ, на основаніи тѣхъ же вышеписанныхъ предписаній, когда ихъ удобными къ тому найдете или же въ особенности подѣломъ собственнаго ихъ на то стремительства, почему и вопросъ вашъ о взаимныхъ ихъ искахъ имѣетъ зависѣть отъ того положенія, какому вы, примѣняясь къ ихъ обоюднымъ обстоятельствамъ, слѣдовать будете, не ренимая въ первомъ случаѣ на свое посредство тѣхъ и другихъ удовлетвореніе, какъ было прежде, или же, попуская имъ, и собственно между собою въ томъ уже раздѣливаться, если непосредственныя ихъ ссоры и примиренія не будутъ имѣть ни малѣйшаго предосудительнаго отношенія къ безопасности здѣшнихъ границъ и находящихся на оныхъ жилищъ, по примѣрамъ прежнихъ, когда киргизъ-кайсаки, мстя за обиды, имъ отъ башкирцевъ чинимыя, попускались, напротивъ того, на злодѣйства при здѣшнихъ линіяхъ.

Впрочемъ же вы и впредь не оставите сюда время отъ времени доносить со всею точностью, какъ о приемлемыхъ вами мѣрахъ, такъ и о томъ, гдѣ какіе набѣги отъ киргизъ-кайсака иногда еще произойдутъ, и въ чемъ какой вредъ они причинять, и пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны.

Данъ въ Царскомъ Селѣ іюня 25 дня, 1776 г.

«Екатерина».

О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи. ¹⁾

(Записка члена волжско-камскаго общества ст. сов. Рычкова ²⁾.)

Печатаемый ниже документъ присланъ былъ въ копіи при указѣ Правительствующаго Сената къ оренбургскому губернатору, отъ 12 октября 1767 г. за № 7395, для приведенія въ исполненіе, если это окажется возможнымъ. Тѣ способы, которые предлагались авторомъ проекта, извѣстнымъ знатокомъ края и исторіографомъ Рычковымъ, въ настоящее время по истеченіи 130 лѣтъ, конечно, не могутъ имѣть практическаго значенія. Но проектъ Рычкова представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ вѣрное изображеніе того положенія, въ какомъ находилось земледѣліе въ Оренбургской губерніи почти полтора вѣка тому назадъ. Интересна характеристика народовъ, населявшихъ губернію, и основанныя на ней предположенія автора о способности инородцевъ къ усвоенію земледѣльческой культуры. Большія надежды авторъ возлагалъ на башкиръ, начинавшихъ уже въ то

¹⁾ „Тургайская Газета“ 1897 года, №№ 46 и 47.

²⁾ Сборн. указ. 1767 г., стр. 228—232.

время понемногу сѣять хлѣбъ, и совершенно отрицательно относился онъ къ способности киргизовъ сдѣлаться земледѣльцами. Послѣдующія, въ особенности очень близкія къ нашему времени, событія не оправдали предположеній автора. Но слѣдуетъ ли относить къ винѣ самихъ инородцевъ, или къ внѣшнимъ условіямъ ихъ окружающимъ, то, что одни изъ нихъ—башкиры—не могли основать свое матеріальное благосостояніе на занятіи земледѣліемъ, а другіе—киргизы («вѣтряный», по выраженію Рычкова, народъ) умѣютъ извлекать изъ земледѣлія хорошія средства? На этотъ вопросъ мы не можемъ отвѣтить. Пройдутъ года, и событія, вліявшія на судьбу упомянутыхъ инородцевъ, освободившись отъ одностороннихъ, а иногда и крайнихъ взглядовъ и сужденій заинтересованныхъ въ томъ или другомъ отношеніи лицъ, выступятъ съ большею рельефностью на судъ историка, который и скажетъ свое безпристрастное слово, рѣшающее поставленный вопросъ.

Исполняя уставъ вольнаго экономическаго общества, соединяющаго труды свои къ поощренію въ Россіи земледѣлія и достройства, представилъ уже я къ разсужденію о разныхъ обстоятельствахъ, причиняющихъ общій ущербъ нашему земледѣлію, теперь осмѣливаюсь донести о нѣкоторыхъ средствахъ къ поправленію и умноженію оного.

Умноженіе земледѣльства хотя и во всѣхъ губерніяхъ не безпотребно, но, по моему мнѣнію, нигдѣ въ немъ такой великой нужности нѣтъ, какъ въ Оренбургской. Городъ Оренбургъ со всѣми по рѣкамъ Яику ²⁾ и Ую построенными крѣпостными отъ старо-хлѣбныхъ жителей не малымъ пустымъ разстояніемъ отдаленъ, ни одной тянущей туда рѣки нѣтъ, по которой изъ отдален-

²⁾ Рѣка Яикъ 15 января 1775 г. переименована въ Уралъ.

ныхъ хлѣбородныхъ мѣстъ провіантъ судами на низъ способно было плавить. ¹⁾ Все, что было потребно не только для казенныхъ магазиновъ, но и на партикулярные расходы доходить большею частію изъ Казанской губерніи, сухимъ путемъ завозится, ибо того хлѣба, который родится въ старыхъ и новыхъ жительствовахъ сей губерніи, противъ потребности ея, и въ самый хорошій урожай десятой доли. Еще не легко понять, коль великая трудность можетъ быть по случаю недороду, конскаго падежа и неспокойнымъ погонямъ, не упоминая о другомъ нечаянномъ приключеніи.

Но при всемъ томъ сія новая губернія могла быть въ числѣ самыхъ лучшихъ и плодоносѣйшихъ мѣстъ, ежели приложимъ стараніе о заведеніи и умноженіи тутъ земледѣльцевъ, избыточна самыми хорошими и тучными землями, что въ другихъ губерніяхъ на такомъ пространствѣ, какое она въ себѣ содержитъ, едва столько ихъ

¹⁾ Рѣка Яикъ, впадающая въ Каспійское море, хотя и подлѣ многихъ крѣпостей и подъ самымъ Оренбургомъ течетъ, но вершины ея находятся въ Башкиріи, отъ старыхъ сибирскихъ жилищъ отдалены верстъ на 300 и болѣе, а хотя и были опыты, чтобы подвоза оттоль провіантъ къ Верхнеяицкой крѣпости близъ вершинъ липовыхъ построекъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы тотъ подвозный хлѣбъ отсюда въ новыя крѣпости и въ Оренбургъ на судахъ сплавлять: но за оскуденіемъ лѣсу, потребнаго на строеніи судовъ, за многими по ней мелями и каменистыми мѣстами сей водяной ходъ найденъ неспособнымъ, и потому еще отвѣдывано было, что изъ Волги Самарою рѣкою (которой вершины подошли къ Яику рѣкѣ разстояніемъ, гдѣ высокой сырть, съ небольшимъ верстъ на 20) хлѣбъ и всякія тяжести подымать вверхъ судами: вблизи оной перевозоки, чего ради и крѣпость построена, такъ называемая, Переволоцкою, но и сей путь для мелкой воды оказался неспособенъ и брошенъ, способнѣе всѣхъ могла быть сплавка нарочитой величины судовъ рѣкою Самарою, которая впадаетъ въ Яикъ ниже Оренбурга верстъ съ 7. По ней строевой лѣсъ и дрова давно уже къ Оренбургу сплавливаются, и на строеніи судовъ и плотовъ способный лѣсъ. Въ вершинахъ же и по впадающимъ въ нее рѣкамъ ссыскался бы, но она отъ хлѣбныхъ мѣстъ весьма уже далека. Тамошніе башкиры почти никакого земледѣльства не имѣютъ, да и вблизи отъ сей рѣки жительство ихъ нѣтъ, хотя тутъ и земли прилеглы къ хлѣбопашеству весьма способныя и многими угодьями изобилующія...

имѣется. Онѣ все навозу и никакого удобрения не требуютъ и состоятъ большей частью изъ мягкаго и толстаго чернозема, включая только тѣ мѣста, кои близъ рѣки Яика, но и тутъ яровой посѣвъ бываетъ не мало плодovitъ и прибыточенъ, а особливо на просо и пшеницу ¹⁾. Весь недостатокъ ни отъ чего другого происходитъ, какъ отъ малаго имѣнія тутъ прилежащихъ земледѣльцевъ. Смѣло могу сказать, что изъ великаго ея множества пахатной земли и сотая часть къ пашнѣ не потребляется, самыя лучшія мѣста остаются тожъ впускъ безплодными и бесполезными. Весь башкирскій народъ, который жителями и расположеніемъ своимъ занимаетъ самую лучшую и величайшую часть помянутой губерніи, составляетъ наибольшее въ ней людоство, понынѣ никакого почти раченія къ тому не прилагаетъ и ничѣмъ къ тому не поощряется. Въ Ставропольской провинціи находящіеся крещенные калмыки, хотя и снабжены весьма пространными дачами, чтобы ихъ приучить къ земледѣлію, но едва ли есть въ томъ успѣхъ. А частью прочіе сей провинціи обыватели, состоящіе изъ разныхъ народовъ крещенные и некрещенные, также и не знающіе родства, весьма худо прилежать къ земледѣлію, о томъ отъ меня напередъ сего уже показано.

Разсматривая нынѣшнее башкирское состояніе, не вижу я трудности и неудобства, чтобы сей немалолюдный народъ не могъ склониться въ земледѣліе. Съ того

¹⁾ Чѣмъ ближе къ рѣкѣ Яику, тѣмъ суше качество земли, имѣающееся съ пескомъ и глиною, чего ради ржаной сѣвъ тутъ всегда былъ неудаченъ, и большею частию уже покинутъ, ибо здѣшніе обыватели по удобренію земель навозомъ и другими средствами никакой прибыли не имѣютъ, но по Сакмарѣ и Самарѣ рѣкамъ, да и въ другихъ мѣстахъ, какъ отъ рѣки Яика отдалены верстъ на сто, ржаной сѣвъ родится не хуже внутреннихъ мѣстъ безъ навоза и безъ всякаго земли удобрения.

времени, какъ начать Оренбургъ. гораздо уже они будучи загорожены новыми крѣпостями и немалолюдными командами, весьма много убавили они прежней своей гордости и грубости, имѣя у себя множество скота, а особливо хорошихъ и крѣпкихъ лошадей, способныхъ къ пашнѣ, привыкли уже косить траву и довольно заготовлиють нынѣ сѣна, чего прежде у нихъ было весьма мало, есть уже между ними и такіе, которые сами собою къ пашнѣ охотятся и для собственной своей потребности небольшой сѣвъ хлѣба заводять, а особливо тѣ, кои живутъ ближе къ Уфѣ и къ тѣмъ жителямъ, гдѣ издавна было и есть земледѣліе. Никакихъ ремеслъ у нихъ почти нѣтъ вовсе (исключая посылаемыхъ лѣтнею порою на форпосты), живутъ въ праздности, питаются отъ своей экономіи, т. е. содержаніемъ скота, въ чемъ и отъ конскихъ своихъ заводовъ, главный ихъ промыселъ, т. е. звѣриная ловля по перевозимому отправляемая, но ихъ охотѣ земледѣльство, въ лѣтніе мѣсяцы чинимое, ни мало не можетъ препятствовать, подаетъ еще и способы тѣмъ, что они, возымѣвши у себя хлѣбъ, лошадей своихъ для той ловли могутъ лучше выкармливать, однимъ словомъ все то кажется менѣе невозможнымъ, когда отъ главнокомандующихъ ими начальниковъ прилагается будетъ надлежащее стараніе. Присиливать и неволить ихъ къ тому есть способъ весьма несходный съ ихъ нравами и состояніемъ, но легче приводить ихъ на то исподволь, обходясь съ лучшими ихъ людьми ласково и толкуя имъ о земледѣльствѣ пристойнымъ и вразумительнымъ образомъ такъ, чтобы казалось оно имъ пріятно, а не тягостно, а въ старшины и сотники опредѣлять изъ нихъ такихъ людей, кои казаться будутъ въ томъ понятіи и надежи, вѣдая, что сей народъ къ своимъ старшинамъ и сотникамъ особливо почтителенъ и охотно ихъ слушается, а можно

тѣхъ, когда кто умножить земледѣліе, и награждать по ихъ правамъ и состоянію такими дачами, которыя казнѣ и обществу никакого убытка не дѣлали, чѣмъ въ примѣръ представляю и разность нравовъ ихъ съ киргизцами.

Башкирцы и киргизцы, издавна смежно кочевавшіе, по началамъ ихъ и по языку да и по многимъ обстоятельствамъ хотя и мнятся быть одноплеменными, но въ правахъ и склонностяхъ ихъ примѣчается великая и удивительная разность. Въ киргизцахъ главная страсть ласкомство, отъ котораго бываютъ они поползновенны на всякія воровства и грабительства, жадны къ подаркамъ и часто просятъ и вымогаютъ ихъ съ великимъ безстыдствомъ, но въ башкирцахъ, какъ они ни грубы, за главную ихъ страсть примѣтно честолюбіе. Киргизецъ, не смотря на пріемъ и ласку, желаетъ всегда подаренъ быть хорошимъ сукномъ на кафтанъ, или чѣмъ-нибудь другимъ, но башкирецъ довольствуется больше тѣмъ, когда принять отъ главнаго командира милостиво, посаженъ и подчиванъ, получилъ похвальный указъ за красною печатью, опредѣляется въ старшины или сотники, а особливо, когда кто получить тарханство ¹⁾, или подтвердительный указъ на старинныя его земли. Что все киргизы мало уважаютъ явно изъ того, какъ далеки еще киргизскій народъ отъ всего, чтобы быть въ немъ земледѣльцамъ и какъ способны уже къ тому стали быть башкирцы; правда, что они сами для себя не имѣютъ большой нужды въ земледѣліи, имѣя довольно скота,

¹⁾ Тарханы изстари бывали у башкирцевъ наподобіе дворянства, имѣли они передъ другими разныя преимущества, но нынѣ, кромѣ одного званія, прочихъ никакихъ почти разностей въ нихъ нѣтъ, только признаютъ себя за лучшихъ и народныхъ служивыхъ людей. *Рышковъ.*

питаются они по большей части мясомъ, молокомъ, крутомъ, или сыркомъ, малаго числа крутъ для ихъ варенья становится имъ на долгое время, но искусный и попечительный командиръ, примѣнясь къ праву и обыкновению сего народа, довольно сыщеть, какъ отъ времени до времени склонять и поощрять ихъ къ земледѣлію, въ разсужденіе котораго башкирцы всегда должны быть главнымъ и ближнимъ его предметомъ.

При поселенія крещеныхъ калмыкъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ главный былъ предметъ земледѣліе, по грамотѣ пожалованной покойной крещеной калмыцкой княгинѣ Аннѣ Тайшиной въ 1737 году іюля 20 дня велѣно всякими мѣрами приохочивать ихъ сперва къ кошенію сѣна, а потомъ и къ пашнѣ хлѣба. По опредѣленію же, учиненному въ прошломъ 1744 году господиномъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ съ присутствующими въ оренбургской губернской канцеляріи, которое Правительствующимъ Сенатомъ опубликовано, и на сѣмennomъ хлѣбѣ для бѣдныхъ калмыкъ особливая сумма положена, которая уповательно и донынѣ еще отпускается ¹⁾.

Извѣстно, что число оныхъ калмыкъ не мало приумножено вышедшими изъ Зюнгариі, и къ кошенію травъ и заготовленію сѣна всѣ они нарочито уже приучены, рогатаго скота и лошадей имѣютъ у себя довольно; не могу донести того, сколь великъ между ними успѣхъ въ земледѣліи, не бесполезно бы было, ежели тамошній командиръ владѣльцамъ ихъ и старшинамъ толковалъ и изъяснялъ имъ понятнымъ образомъ о пользѣ, могущей имъ быть отъ земледѣлія, и приохочивалъ ихъ отъ времени до времени такими способами, кои сходны съ ихъ

¹⁾ О началѣ крещенія калмыкъ, о ихъ поселеніи при Ставрополѣ и о прочихъ принадлежащихъ къ нимъ обстоятельствахъ показано въ „Топографіи оренбургской“, части 1, гл. 4, стр. 103. Рычковъ.

состояніемъ, да и губернская канцелярія, взыскивая повсегодніе репорты, кто началъ, какъ и чѣмъ умножилъ свою пашию, предпочитала тѣхъ, кои больше об ней стараются, а особливо доводить ихъ до того, чтобы холостые ихъ люди женились на русскихъ дѣвкахъ и своихъ отдавали бъ за русскихъ между ими живущихъ, ибо они, освоясь съ русскими, и къ земледѣлію гораздо могутъ быть склоннѣе и полезнѣе какъ для себя, такъ и для общества.

О прочемъ къ воздержанію и поправленію находящихся въ здѣшнихъ новыхъ мѣстахъ земледѣльцевъ отъ бесполезныхъ и вредныхъ имъ самимъ и обществу промысловъ и къ наилучшему умноженію земледѣльства не бесполезно всѣ тѣ промыслы и отлучки, о коихъ я прежде представлялъ, хотя на время, воспретить, дабы ни одинъ могущій быть пахаремъ изъ жилища своего не отлучался по тѣ поры, пока онъ тягло или уроку своего въ пашиѣ не исправитъ, развѣ тѣмъ, что на посѣвъ и на уборку своего тягла представить другого такого, кто бы и свой урокъ и его тягло безъ упущенія исполнилъ. Умножать больше положеннаго не только не воспрещено, но еще и поощривать (ибо здѣсь земли пространны), кто хочетъ, тотъ пашетъ сколько можетъ, но меньше положеннаго, ни при которомъ жителствѣ, чтобы не было. Наблюденіе того, въ каждомъ жителствѣ положить на старость и выборныхъ съ лучшими людьми, свидѣтельствовать, и отъ ближайшихъ присутственныхъ мѣстъ, и гдѣ явится по людству недостатокъ противъ положеннаго, тутъ нерадивыхъ штрафовать, по разсмотрѣнію, а гдѣ окажется больше, тѣмъ давать билеты, похваляя ихъ прилежность. А дабы впредь и еще болѣе къ тому прилежали, то поощрять ихъ одобреніемъ предъ другими въ случаѣ свидѣтельства, поручительства и то-

му въ подобныхъ дѣлахъ, возбуждая въ нихъ тѣмъ, и еще чѣмъ можно, честолюбіе и охоту къ земледѣльству ¹⁾).

Правда, что не всякая отлучка крестьянина вредить. Много такихъ у нихъ промысловъ и отлучекъ, кои для нихъ самихъ да и для помѣщиковъ бесполезны, но для общества той пользы, которая происходитъ отъ земледѣлія, отъ нихъ уже нѣтъ, да еще и сами они отъ другой своей братьи сѣяннымъ хлѣбомъ питаются. Помѣщикъ, получа отъ своего крестьянина хорошій оброкъ и уволивъ его кормиться какимъ-нибудь промысломъ въ городѣ, можетъ столько же имѣть отъ него своей пользы, какъ и отъ его пашни; крестьянинъ, заплатя помѣщику оброкъ и положенную на него пахать, торгуя или промышляя какимъ-нибудь ремесломъ въ городѣ, не меньше имѣетъ своей прибыли, какъ на пашнѣ; но общество ничего, или очень уже мало отъ такихъ пользуется. Съ оброчными деревнями нерѣдко такъ дѣлается: они заплатятъ свой оброкъ господину, отлучаются изъ жилищъ своихъ, куда хотятъ, и не столько уже рачатъ о земледѣліи, когда не видя никого ихъ къ тому понуждающаго. Изъ сего слабаго примѣру довольно явствуется какъ партикулярная польза, то есть помѣщицья и крестьянская, разнствуется отъ всенародной; несходнѣе либъ было, когда бы каждый земледѣлецъ наблюдалъ природное ему званіе и не отлучался бъ отъ пашни иначе, какъ развѣ, по предписанному.

Сколько понятна мнѣ пашня, то я за самую лучшую и легчайшую считаю ту, когда одинъ тягловый крестьянинъ на помѣщика своего пашетъ, сѣетъ и уби-

¹⁾ Если примѣчать поведеніе и обхожденіе между крестьянъ, бываемыя въ ихъ сборищахъ и компаніяхъ, то лучшие и зажиточные изъ нихъ люди всегда тѣмъ больше превозносятся, когда кто болѣе пашетъ и имѣетъ у себя хлѣбныхъ владѣй и одоноевъ, и находится онъ въ состояніи другимъ чинить снабженіе и вспоможеніе, въ чемъ все ихъ честолюбіе состоитъ. *Рыжковъ.*

раетъ по одной десятинѣ ржи и столько же яровой, ибо па-
добно столько сѣять, сколько можно благовременно уб-
рать; сѣвъ крестьянинъ, три дня въ недѣлю работая на
своего помѣщика, легко можетъ исправлять; а затѣмъ по
стольку же дней въ недѣлю на себя работать тоlikое-
жъ число, или еще и больше спашеть, слѣдственно вов-
се легко можетъ онъ и на себя и на помѣщика посѣять
и убрать съ поля двѣ ржи и столько же ярового, т. е.
четыре десятины. Но государственный крестьянинъ, бу-
дучи никогда не занятъ помѣщичьими работами и вся-
кій день работая на себя, не трудно можетъ спашать,
посѣять и убрать обою сѣва пять десятинъ. ¹⁾ Пускай
будетъ урожай по здѣшнему самый посредственный, т. е.
впятеро, то и посему тягловый крестьянинъ, имѣющій
жену и дѣтей до двухъ человѣкъ (что естественная про-
порція), столько получить ржаного и ярового хлѣба, что
онъ безъ всякой нужды съ женою и съ дѣтьми пропи-
тается, лошадей и скотъ свой прокормить, а тоlikое
же число останется у него и на продажу въ публику
на платежъ государственныхъ податей и на другіе до-
машніе его расходы, но къ тому же помогаетъ ему и
другая его экономія, отъ содержанія скота и отъ крестьянскихъ ихъ руководѣлій происходящая; не полезенъ ли
земледѣлецъ себѣ и обществу, когда онъ званіе свое со
всѣмъ своимъ семействомъ прилежно наблюдаетъ.

II. Рышковъ.

¹⁾ Ржи обыкновенно сѣютъ здѣсь на десятину 2 четверти, итакъ на
двѣ десятины высѣетъ крестьянинъ 4 четверти. Когда впятеро урожай, то
получитъ онъ се 20 четвертей, ярового сѣву считаютъ 4 четверти на 2, вы-
сѣется 8. Получа урожай впятеро, возьмемъ у себя ярового около 40, а всего
съ 60 четвертей,—сіе по самой меньшей пропорціи. *Рышковъ.*

Султаны, тарханы и бии.

(Историческая справка).¹⁾

Въ литературѣ и обществѣ, нѣсколько интересующемся киргизами, до сего времени, распространены довольно смутныя понятія о султанахъ, тарханахъ и бияхъ. Что такое султанъ? Нѣкоторые готовы видѣть за этимъ званіемъ владѣтельную особу, которая пользуется среди родовичей извѣстными прерогативами; другіе смотрятъ на султана какъ на богача, вельможу, въ распоряженіи котораго и гаремы, и золото, и сады подобныя Бахчисарайскимъ... Такія «поэтическія» воззрѣнія, благодаря настоящей исторической справкѣ, превращаются въ довольно грубую прозу.

У киргизовъ въ прежнее время существовали почетныя званія султановъ, тархановъ и биевъ. Нынѣ эти званія, за исключеніемъ султанскаго, имѣютъ скорѣе историческое, чѣмъ юридическое значеніе. Документальныя данныя объ этихъ званіяхъ приводятся ниже о каждомъ особо.

Султанами называются потомки киргизскихъ хановъ. По вступленіи киргизовъ въ русское подданство, сыновья хана Абулхаира: Эрали, Нурали, Хожа-Ахметъ и Айчувакъ, а также дѣти и племянники послѣднихъ, во всѣхъ Высочайшихъ грамотахъ и указахъ, именовались султанами. Султану Эрали, участвовавшему съ отцомъ своимъ ханомъ Абулхаиромъ и представителями народа въ принятіи присяги на подданство Россіи, были оказаны и почести, приличествующія дѣтямъ владѣтельныхъ особъ (см. церемоніалы въ дѣлѣ арх. тург. обл. правл. 1738 г., д. 14, 17). Впослѣдствіи даже побочный сынъ хана Нурали, рожденный отъ калмычки, Чингисъ назывался султаномъ (указъ коллегіи иностр. дѣлъ, отъ 2 ноября

¹⁾ „Тургайская Газета“ 1897 года, № 120.

1749 г. за № 411, д. арх. тург. обл. правл., сборникъ указовъ 1749 г.) Благодаря обычаю многоженства, которыми не пренебрегали и киргизскіе ханы, потомство послѣднихъ сильно размножилось, такъ что, когда возникалъ вопросъ о выдачѣ жалованья султанамъ, правительство не находило возможнымъ разрѣшить его въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ опасалось огромныхъ расходовъ казны на содержаніе всѣхъ султановъ, которыхъ въ ордахъ было «великое множество» (Высочайшій указъ 25 мая 1777 г., д. арх. тург. обл. прав., сборникъ указ. 1776 г. ст., 169—174). Вопросъ о личныхъ правахъ султановъ разсматривался въ Правительствующемъ Сенатѣ, который въ указѣ, отъ 14 марта 1776 г., на имя военной коллегіи, высказалъ, что дѣти и родственники турецкаго султана, крымскаго хана, а также хивинскаго, бухарскаго и киргизъ-кайсацкаго хановъ называются на языкѣ этихъ народовъ «султанати», что, по мнѣнію коллегіи иностранныхъ дѣлъ, султаны могутъ быть почитаемы за «князей» (указъ Сената напечатанъ въ «Тург. Обл. Вѣд.» 1895 г., № 8). Но, сколько извѣстно, въ княжескомъ достоинствѣ утвержденъ лишь одинъ изъ киргизскихъ султановъ, именно Чингисъ. Киргизскимъ султанамъ сибирскаго вѣдомства, однако жъ, предоставлены права потомственного дворянства при условіи прослуженія по выборамъ трехъ трехлѣтій въ званіи старшихъ султановъ (прилож. къ 31 ст. IX т. зак. о сост., изд. 1876 года).

Тарханы ¹⁾. Высочайшимъ указомъ, отъ 11 іюля 1743 года, было пожаловано званіе тархана Джаныбеку батырю, который, какъ упомянуто въ указѣ, между всѣ-

¹⁾ Тарханы или дарханы, т. е. свободные. Во время кокандскаго владычества въ Средней Азіи, дарханами назывались всѣ освобожденные ханскими грамотами отъ податей (объяснит. запис. къ проект. полож. 1867 г. объ упр. Сыръ-Дарьин. и Семирѣч. обл.).

ми старшинами Средней и Малой ордъ былъ самый «знатный» и имѣлъ «почти съ самимъ ханомъ равную силу». Вмѣстѣ съ тѣмъ было повелѣно жаловать достойнѣйшимъ старшинамъ, для примѣра прочимъ, тарханское званіе, которое означало служилаго и отъ податей свободнаго человѣка (Сборн. указ. 1743 г., стр. 84—85, арх. тург. обл. правл.). Званіе это было наследственнымъ, такъ какъ и въ изданныхъ затѣмъ указахъ сыновья тархановъ назывались также «тарханами». Напримѣръ, сынъ упомянутаго выше тархана Джаныбека, Даутъ, въ указѣ военной коллегіи, отъ 9 января 1759 г. за № 7, наименованъ тарханомъ (Сборн. указ. 1759 г. стр. 19—21, арх. тург. обл. правл.). Послѣ этого пожалованія званіемъ тархана встрѣчаются въ Высочайшихъ указахъ до конца XVIII столѣтія. Такъ, въ мартѣ 1793 года, дана жалованная грамота на тарханское достоинство старшинѣ Меньшой киргизъ-кайсацкой орды Суфрубію и грамотой этой повелѣвалось султанамъ, біямъ, батырямъ и всему киргизъ-кайсацкому народу признавать Суфрубія пожалованнымъ ему «чиномъ» (П. С. З. 1793 г., № 17110). Въ 1869 году на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената восходилъ вопросъ о порядкѣ выдачи тарханамъ видовъ на жительство, и Сенатъ разъяснилъ, что съ тарханскимъ, *нынѣ почти совершенно исчезнувшимъ*, званіемъ соединяется свобода отъ подушнаго оклада и право именоваться во всѣхъ дѣлахъ тарханомъ, и что имѣющимъ званіе тархановъ слѣдуетъ выдавать безсрочные паспорта на томъ же основаніи, какъ установлено закономъ для всѣхъ вообще лицъ, не состоящихъ въ подушномъ окладѣ (2-е П. С. З. 1859 г., 30 октября № 35063).

Біи. Въ прежнее время біями назывались у киргизовъ вліятельные и уважаемые люди, къ которымъ народъ обращался за разборомъ своихъ тяжбныхъ дѣлъ и споровъ. Право рѣшенія исковыхъ дѣлъ киргизовъ

было утверждено за бiями изъ «почетныхъ киргизовъ» и по Высочайше утвержденному 23 iюня 1822 г. уставу о сибирскихъ киргизахъ (П. С. З. 1822 г. № 29172). Затѣмъ, по Высочайше утвержденному 19 мая 1854 г. положенiю Сибирскаго Комитета, было установлено званiе *бiевъ*, которое сохранилось за всѣми тѣми киргизами, которые имъ тогда пользовались. Вновь это званiе предоставлялось, по общественнымъ выборамъ, съ утвержденiя окружныхъ приказовъ, только султанамъ и аульнымъ старшинамъ, прослужившимъ не менѣе шести лѣтъ, а также лицамъ, Всемилоствiйше чѣмъ-либо награжденнымъ, или отправлявшимъ какiя-либо должности правительствомъ установленныя (2-е П. С. З. 1854 г., № 28263). Но по Высочайше одобренному 21 октября 1868 года временному положенiю объ управленiи степныхъ областей (§§ 135, 137 и 141) званiе бiевъ получило временное значенiе, присвоенное лишь на время состоянiя въ должности. Имъ пользовался всякiй избранный народомъ и утвержденный губернаторомъ для рѣшенiя дѣлъ, подсудныхъ народному суду. Бiями назывались народные судьи, терявшiе это званiе вмѣстѣ съ увольненiемъ отъ должности. По введенiи въ дѣйствiе степного положенiя 25 марта 1891 г., званiе бiевъ не сохранилось уже и за народными судьями.

„Вдохновенный“ Киргизъ Мараль Курмановъ ¹⁾.

Еъ началу 20-хъ годовъ истекающаго столѣтiя въ киргизскихъ степяхъ господствовало безначалiе ²⁾. Въ сте-

¹⁾ „Турайскiя Областныя Вѣдомости“ 1899 г., №№ 16—17.

²⁾ Фактическiя данныя для этой замѣтки взяты изъ дѣла С.-Пб. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ 1821 г., № 24½ „О появленiи въ киргизскихъ степяхъ лжепророка киргизца Марала Курманова и собранiи свиданiй о немъ“.

пи Оренбургскаго вѣдомства велись раздоры за ханскую власть, возникшіе вѣдствие убійства хана Джаптюри и поставленія въ ханы султана Ширгази, который, какъ внукъ младшаго сына хана Абулхаира, считался, по понятіямъ народа, и въ особенности султановъ, недостойнымъ ханскаго званія. Ширгази боялся показываться въ степь, гдѣ безчинствовали умный и предприимчивый султанъ Каратай, явившійся, по старшинству, ¹⁾ главнымъ претендентомъ на ханское званіе. Въ Сибирской степи доживалъ свои дни престарѣлый ханъ Вали, неимѣвшій достаточной воли для водворенія порядка и спокойствія въ номинально управляемомъ имъ народѣ. Въ это смутное время въ киргизскихъ степяхъ появился воспитанный въ Бухарѣ киргизъ Мараль Курмановъ, выдававшій себя за святаго, призваннаго объединить своихъ соплеменниковъ и спасти отъ вліянія «невѣрныхъ». Но, не найдя въ средѣ нефанатичныхъ и добрыхъ по натурѣ степняковъ удобной почвы для своихъ замысловъ, Мараль Курмановъ—этотъ «вдохновенный» и «лжепророкъ», какъ его называли въ официальныхъ бумагахъ, попробовалъ искать громкой славы народнаго героя, но безуспѣшно, такъ какъ ни въ исторіи киргизскаго народа, ни въ устныхъ преданіяхъ послѣдняго, имя Марала, насколько намъ извѣстно, не упоминается.

Мараль Курмановъ, какъ гласятъ о немъ собранныя официальнымъ путемъ свѣдѣнія, былъ по происхожденію киргизъ Киреевской волости ²⁾, кочевавшей около Троицкой крѣпости. По смерти отца, занимавшіюся леченіемъ киргизъ, ³⁾ Мараль, оставшійся малолѣтнимъ, былъ

¹⁾ Каратай былъ сынъ хана Нурали—старшаго сына хана Абулхаира, вступившаго въ 1731 г. съ своею ордою въ русское подданство.

²⁾ Вѣроятно, изъ рода „Кирей“ Средней орды. Киргизы этого рода и нынѣ живутъ недалеко отъ г. Троицка въ Миндыгаринской волости, Кустанайскаго уѣзда, Тургайской области.

³⁾ Леченіемъ киргизъ занимаются, такъ называемые, баксы (шаманы) и дергеры (знахари). Нынѣ, съ постепеннымъ введеніемъ въ степи врачебной части, число баксъ и дергеровъ замѣтно сокращается.

проданъ своими ближайшими родственниками одному бухарцу, который увезъ его въ Бухару и чрезъ нѣсколь-
ко лѣтъ отпустилъ на свободу. Въ Бухарѣ Мараль дол-
гое время обучался разнымъ «азіатскимъ наукъ» и
наконецъ въ 1820 году выѣхалъ къ киргизамъ, кочевав-
шимъ при р. Сырь-Дарьѣ, гдѣ и объявилъ себя святымъ,
отгадывая прошедшее и предсказывая будущее. Просто-
душные киргизы первоначально повѣрили Маралу, и онъ,
поощренный такимъ успѣхомъ, окруживъ себя свитою
изъ киргизъ, занимавшихся ворожбою, переѣхалъ къ р.
Тургаю и, остановившись тамъ, разослалъ гонцовъ на
родину и въ другія волости съ приглашеніемъ киргизовъ
откочевать къ нему. Слухъ о новоявленномъ «святomъ»
быстро разнесся по степи. Разсказывали, что Мараль
дѣлаетъ чудеса, изцѣляетъ слѣпыхъ, хромыхъ и «недви-
жимыхъ». Сначала многіе киргизы и ихъ родоначальни-
ки и старшины, повѣривъ слухамъ о чудесахъ Марала,
стекались къ нему толпами, откочевывая отъ погранич-
ной линіи. Но вскорѣ многіе должны были разоча-
роваться въ святости Марала: леченіе его не отличалось
ничѣмъ особеннымъ и, повидимому, только составляло
благовидный предлогъ для призыва легковѣрной толпы.
Вмѣсто ожидаемыхъ чудесъ киргизы слышали отъ Ма-
рала такія мысли, которыя не соотвѣтствовали ихъ взгля-
дамъ и привычкамъ, и потому не могли быть встрѣче-
ны сочувственно. Мараль убѣждалъ киргизовъ прекра-
тить связи съ Россіей, соединиться всемъ смѣстѣ и за-
няться земледѣліемъ, которое должно было обогатить
народъ.

Промѣнять привольную кочевую жизнь на унизи-
тельное (по тогдашнимъ понятіямъ киргизовъ) занятіе
земледѣліемъ не представляло ничего заманчиваго для
степняка, а мысль объ отдѣленіи отъ Россіи въ то вре-
мя, когда киргизы враждовали между собою изъ за хан-

ской власти, казалась непрактичною. Разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ, киргизы стали называть Марала обманщикомъ и постепенно удалялись отъ него на прежнія мѣста.

Потерпѣвъ неудачу въ осуществленіи своихъ замысловъ путемъ непосредственнаго обращенія къ народу, Мараль сдѣлалъ попытку вступить въ переговоры съ русскимъ правительствомъ объ отдѣленіи киргизовъ отъ Россіи.

Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Омскъ съ старшиною Киреевской волости Байсаломъ два письма на имя оренбургскаго военнаго губернатора, генерала-отъ-инфантеріи Эссена и командира сибирскаго отдѣльнаго корпуса генераль-лейтенанта Капцевича. Такъ какъ оба письма одинаковаго содержанія, то для выясненія сущности замысловъ Марала достаточно будетъ привести содержаніе одного изъ этихъ писемъ. Письмо это, написанное по-татарски, въ переводѣ означаетъ слѣдующее:

«Пребывающему въ Омскѣ подъ покровительствомъ Государя Императора господину генералу и разныхъ орденовъ кавалеру свидѣтельствую мое почтеніе.

«Въ началѣ есть истинно Богъ, во-вторыхъ, пророкъ Мухамметъ и праведные его четыре достойно усовершенствованные ученика, два пастыря праотца, во-первыхъ Адамъ, а во-вторыхъ пророкъ Мухамметъ, и съ того времени мусульмане назывались мусульманами, невѣрные — невѣрными, и между ними не было никакихъ междоусобій и вражды, а Бога призывали вообще одного.

«И такъ, господинъ генераль, за нѣсколько до сего лѣтъ на границахъ Россійской Имперіи существовало благополучіе, миръ, тишина и спокойствіе; и во времена тогдашнихъ Россіи государей не имѣли права и смѣлости русскіе безъ соизволенія проходить въ землю киргизскую, и киргизы тожъ боялись заходить въ русскую,

а нынѣ, господинъ генералъ, во времена твои и мои сдѣлалось такъ, что русскіе совсѣмъ отняли и овладѣли землею, принадлежащею киргизцамъ, и сіи послѣдніе стали находиться и совсѣмъ вошли въ землю русскую; почему это такъ и по какимъ причинамъ и обстоятельствамъ это случилось? Отъ васъ ли это, господинъ генералъ, или отъ насъ? И мы, какъ скоро получаю отъ васъ извѣстія, никакъ не сомнѣваемся, чтобъ во времена ваши и наши, какъ русскіе, такъ и киргизы могли бы раззориться и разстроиться, потому что русскіе все находятся въ зависимости вашей, а киргизы все въ рукахъ нашихъ—по прямому предопредѣленію пророка, и я васъ, господинъ генералъ, покорнѣйше прошу дать мнѣ позволеніе и путь ѣхать къ Государю Императору, и сія есть самая убѣдительная до васъ просьба. Во увѣреніе сего Иса хазретъ ¹⁾ печатъ свою прилагаю». Далѣе приписка: письмо сіе имѣетъ быть доставлено Средней орды старшиною Байсаломъ Аткектуровымъ. Муса Богатуръ во увѣреніе печатъ свою приложилъ».

О появленіи въ киргизскихъ степяхъ выдававшего себя за вдохновеннаго свыше Марала Курманова и о желаніи его прибыть въ Петербургъ было донесено отъ сибирскаго начальства азиатскому департаменту. Тогдашній вице-канцлеръ графъ Нессельроде, отъ 30 декабря 1821 г. за № 760, просилъ сибирскаго генералъ-губернатора Сперанскаго высказать свое мнѣніе по поводу просьбы Марала.

*) Иса—магометанское имя, а хазретъ значитъ человекъ ученый, святой жизни. Очевидно, Маралъ въ Бухарѣ, сдѣлавшись хазретомъ, перемѣнилъ свое киргизское имя на магометанское. Киргизы раньше давали имена своимъ дѣтиямъ произвольно по имени какого-нибудь предмета или животнаго или называли тѣмъ словомъ, которое услышатъ отъ кого-нибудь въ моментъ рожденія ребенка. Нынѣ этотъ обычай сохранился у дальнихъ киргизовъ, кочующихъ въ глухихъ мѣстахъ, а остальные, въ особенности богатые, даютъ магометанскія имена.

Сперанскій, находившійся тогда въ Петербургѣ, отвѣтилъ графу Нессельроде слѣдующимъ письмомъ, отъ 24 января 1822 г.: «Милостивый Государь, графъ Карлъ Васильевичъ! На отношеніе вашего сіятельства о киргизцѣ Маралѣ, выдающемъ себя въ киргизской степи за вдохновеннаго, честь имѣю отозваться, что я совершенно согласенъ въ мнѣніемъ вашего сіятельства, что полезно было бы дозволить ему пріѣхать сюда и дать нужно бы было предписаніе корпусному командиру, чтобъ онъ постарался вызвать его подъ благовиднымъ предлогомъ и отправить сюда. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою М. Сперанскій».

По всеподданнѣйшему докладу графа Нессельроде, 12 февраля 1822 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на вызовъ въ Петербургъ Марала Курманова, и тогда же были сдѣланы объ этомъ всѣ необходимыя распоряженія.

Но письмо, отправленное генераломъ Каицевичемъ къ Маралу Курманову съ извѣщеніемъ о Высочайшемъ разрѣшеніи, не застало уже Марала на мѣстѣ и осталось у старшины Байсала для врученія по принадлежности.

Свѣдѣнія объ удаленіи Марала изъ киргизскихъ степей получались различныя. По однимъ даннымъ Маралѣ, по приглашенію киргизовъ Алачинскаго рода, отправился съ ними на помощь бухарцамъ, воевавшимъ съ хивинцами, а по другимъ—онъ будто бы откочевалъ на р. Сыръ-Дарью, въ виду обильнаго тамъ урожая хлѣба.

Болѣе положительныя свѣдѣнія о Курмановѣ были получены лишь въ началѣ 1824 г. По этимъ свѣдѣніямъ Маралѣ, узнавъ о нападеніи лѣтомъ 1823 г. хивинцевъ на караваны, шедшіе въ сопровожденіи киргизовъ въ Бухару, и о разграбленіи у киргизовъ 1000 верблюдовъ

и 100000 барановъ съ убійствомъ до 50 человѣкъ киргизовъ, рѣшили двинуться на хивинцевъ для возвращенія ограбленнаго ими скота. Чтобы склонить киргизовъ на этотъ походъ, Мараль объявлялъ, что послѣдовавшіе за нимъ будутъ невредимы отъ пули и холоднаго оружія, и что при этихъ условіяхъ ихъ ожидаетъ блестящая побѣда надъ хивинцами и полное удовлетвореніе за ограбленный скотъ.

Ускорить походъ на хивинцевъ Марала заставляло и то обстоятельство, что хивинцы, устройвъ укрѣпленіе и пикеты при р. Сыръ-Дарьѣ, на караванной дорогѣ, намѣревались грабить караваны, отправлявшіеся изъ Троицка и Оренбурга.

Очень многіе киргизы прельстились обѣщаніями Марала и послѣдовали за нимъ въ октябрѣ 1823 г. въ походъ на хивинскія владѣнія.

Чѣмъ кончилось это рискованное предпріятіе и что случилось съ «вдохновеннымъ» Мараломъ — осталось невыясненнымъ.

По этимъ отрывочнымъ даннымъ можно заключить, что Мараль Курмановъ былъ вовсе не «лжепророкъ» или «вдохновенный свыше», а сепаратистъ-мечтатель по натурѣ, выдѣлявшійся изъ толпы обыкновенныхъ киргизовъ не столько умомъ, сколько духомъ исключительности, свойственной фанатикамъ. Воспитанный съ дѣтства въ Бухарѣ и привыкшій къ тамошней своеобразной культурѣ, онъ задумалъ произвести крупную реформу бытовой и политической жизни своего родного народа и для осуществленія своихъ плановъ выбралъ удобное время — время смутъ и раздоровъ изъ-за власти. Но способы, какіе употреблялъ Мараль, оказались негодными для достиженія его цѣлей. Киргизы въ то время имѣли въ массѣ очень смутное понятіе о магометанствѣ и поэтому

воздѣйствіе на умы народа не могло вестись на религіозной почвѣ. Мараль понялъ это и захотѣлъ эксплуатировать народную волю, пользуясь присущими кочевникамъ суевѣріемъ и предрасудками. Какъ сынъ баксы, или дергера, Мараль старался примѣнять унаслѣдованные отъ отца приемы врачеванія, распространяя въ довѣрчивомъ населеніи слухи о чудесахъ. Народъ собирался къ Маралу, но скоро и уходилъ отъ него, какъ только узнавалъ, что за мнимыми чудесами скрывается желаніе внести неполюбимое новшество. Потергивъ неудачу въ примѣненіи «чуждаго» врачеванія, Мараль обратился къ другому способу воздѣйствія на массу: онъ сталъ во главѣ движенія противъ разбойничьихъ шаекъ хивинцевъ, но и тутъ не утерпѣлъ отъ обѣщаній чудесъ.

Погибъ ли онъ въ схваткѣ съ хивинцами, брошенный своимъ народомъ, въ то время, когда рассказы его о невредимости нуль не подтвердились, или удалился разочарованный въ своихъ иллюзіяхъ, сдѣлавшись ревностнымъ суфи — осталось не выясненнымъ, но несомнѣнно одно, что онъ былъ проникнутъ искреннимъ желаніемъ добра своему народу, но за образецъ своихъ реформаторскихъ дѣйствій онъ взялъ идеалъ магометанской обособленности, чуждый натурѣ и привычкамъ мирныхъ и добродушныхъ кочевниковъ.

Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. ¹⁾

За послѣднее время въ печати, въ обществѣ, въ собраніяхъ и ученыхъ обществахъ постоянно обсуждается вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, примѣняемыхъ

¹⁾ „Тургайскія Областныя Вѣдомости“ 1899 г., № 40.

къ сельскому населенію по приговорамъ волостныхъ судовъ. Несмотря на очевидную несообразность существованія подобныхъ наказаній въ нашъ вѣкъ, раздаются еще голоса за сохраненіе этого жестокаго и позорнаго возмездія за маловажные проступки крестьянъ. Между тѣмъ, въ шестидесятыхъ годахъ подобный же вопросъ, возникшій по отношенію къ шестимилліонному инородческому населенію нашихъ среднеазиатскихъ областей, былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, безъ всякихъ возраженій. Командированная въ 1865 г., по Высочайшему повелѣнію, въ Туркестанъ и киргизскія степи коммиссія тайнаго совѣтника Гирса собрала обширный матеріалъ, — между прочимъ, и объ юридическихъ нормахъ, дѣйствовавшихъ у туземцевъ адата (обычая) и шаріата. Оказалось, что всюду среди инородческаго населенія примѣнялись тѣлесныя наказанія болѣе или менѣе жестокія. У киргизовъ практиковалось *дере*, т. е. публичное наказаніе нагайской безъ обнаженія тѣла. У осѣдлыхъ туземцевъ тѣлесныя наказанія имѣли самое широкое примѣненіе. Виновные въ нарушеніи постановленій шаріата наказывались *раисомъ* (блюститель порядка и вѣры) отъ 5 до 79 ударовъ *доры* ¹⁾; виновному въ кражѣ на сумму свыше 10 кокановъ (2 р.) отсѣкалась рука, мужчины за отступленіе отъ вѣры, а женщины за развратную жизнь избивались камнями и т. д. При введеніи русскаго управленія въ Туркестанскомъ краѣ и степныхъ областяхъ признано было необходимымъ сохранить населенію народный судъ, но, въ интересахъ гуманности и справедливости, которыя надлежало проводить въ среду подвластныхъ намъ народовъ, были совершенно отмѣнены не только такія безчеловѣчныя наказанія, какъ отсѣченіе

¹⁾ *Дора* — широкій и толстый ремень съ короткою рукояткой. По шаріату, дора должна быть изъ ремней отъ трехъ шкуръ.

членовъ, избіеніе камнями, но даже и простыя тѣлесныя наказанія. Высочайше одобренными 11 іюля 1867 г. и 21 октября 1868 года временными положеніями объ управленіи туркестанскими и степными областями народному суду было предоставлено право подвергать виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ лишь личному задержанію и денежному штрафу. Эти временныя правила подтверждены впоследствии въ видѣ постоянного закона въ положеніи 1886 и 1891 г.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ со времени отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ средне-азиатскихъ областяхъ, и, если за этотъ періодъ времени произошли измѣненія въ народной нравственности туземцевъ, то лишь въ положительную сторону. Кочевникъ пересталъ быть безпокойнымъ барантачемъ; случаи похищенія имущества, несмотря на полную къ тому возможность при отсутствіи въ степи амбаровъ, подваловъ, замковъ и т. п., составляютъ исключительное явленіе. Прежняя баранта, составлявшая славу и удалство смѣльчаковъ, замѣнилась конокрадствомъ, которое постепенно уменьшается въ своихъ размѣрахъ подъ вліяніемъ измѣняющихся взглядовъ народа на это занятіе, встрѣчающее уже порицаніе. Въ общемъ, туземецъ—простъ, добродушенъ, любознателенъ и понятливъ. Убѣдившись, по опыту, что въ знаніи—сила, онъ стремится къ просвѣщенію и хочетъ не отставать отъ русскихъ, съ которыми связанъ волею историческихъ судебъ. Несомнѣнно, что, въ ряду другихъ причинъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній имѣла выдающееся значеніе въ смыслѣ смягченія нравовъ инородческаго населенія.

Но въ настоящее время въ правительственныхъ сферахъ обсуждается вопросъ о мѣрахъ, способствующихъ переходу кочевниковъ-киргизовъ въ осѣдлое состояніе. Не имѣя въ виду въ настоящей замѣткѣ касаться этого

вопроса по существу, мы, однако, не должны забывать, что, подъ вліяніемъ измѣняющихся экономическихъ условий, на нашихъ глазахъ совершается естественный процессъ постепеннаго осѣданія кочевниковъ. Пройдутъ годы, и неудержимая сила причинъ экономического порядка приведетъ кочевниковъ къ осѣдлости, а съ нею — и къ распространенію на нихъ общаго положенія о сельскомъ состояніи, съ волостнымъ судомъ и тѣлесными наказаніями...

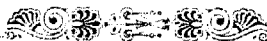
Въ то время, когда туземецъ былъ дикаремъ, мы учили его гуманности, человѣчности, справедливости; мы познакомили его съ лучшими условіями жизни, показали ему свѣтъ просвѣщенія, предоставили ему свободу развиваться; но, когда онъ довѣрчиво дойдетъ до одной съ нами ступени, неужели станетъ необходимымъ возстановить давно отмѣненное тѣлесное наказаніе, менѣе чѣмъ прежде жестокое, но одинаково позорное?

Намъ могутъ возразить, что было бы несправедливо устанавливать для крестьянъ изъ инородцевъ какія-либо изыятія по сравненію съ кореннымъ русскимъ населеніемъ.

Не станемъ доказывать, что сохранившееся доселѣ у сельскаго населенія тѣлесное наказаніе представляетъ нынѣ отживающую форму уголовного возмездія, постепенно ослабляемаго, тогда какъ у инородцевъ это наказаніе явится нововведеніемъ послѣ признанной его непригодности. Несомнѣнно, что лучший способъ избѣжать водворенія тѣлесныхъ наказаній среди крестьянъ изъ инородцевъ, безъ нарушенія въ этомъ случаѣ справедливости по отношенію къ коренному русскому населенію, — есть совершенная отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Пора бы упразднить это унижающее человѣческое достоинство наказаніе, — пора бы, наконецъ, признать, что оно не можетъ исправить дурного человѣка, а хорошаго, слу-

чайню провинившагося—окончательно рубить, вытрясая лучшія свойства человѣческой души и доводить до отчаянія...

Будемъ надѣяться, что, при предстоящемъ пересмотрѣ узаконеній о волостномъ судѣ крестьянъ, восторжествуютъ тѣ великодушныя начала, которыя, болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, были проведены даже въ жизнь полудикаго инородческаго населенія и дали такіе прекрасные плоды.

Уничтоженіе рабства въ киргизской степи. ¹⁾

Докладъ, читанный 28 октября 1899 года въ общемъ собраніи членовъ и слушателей С-Петербургскаго Археологическаго Института.

Съ обычнымъ представленіемъ о степи, колыбели кочевыхъ народовъ, какъ-то трудно мирится понятіе о рабствѣ, неволѣ. Степь такъ просторна, такъ мало заселена и такъ много въ ней условій для жизни на полной свободѣ, что казалось бы невольничеству, соединенному съ закрѣпленіемъ человѣка къ извѣстному мѣсту, нельзя бы и зародиться въ киргизской степи. Какая можетъ быть неволя на такой свободѣ, какую представляетъ степь, обитатели которой не знали ни тюремъ, ни замковъ, ни даже, въ прежнее время, жилищъ въ общепринятомъ значеніи этого слова. Но степная ширь, сдѣлавшаяся родною стихіею кочевника, который по рѣчкамъ, оврагамъ, холмамъ и по рѣдкому разнообразію степной флоры, способенъ находить пути въ какомъ угодно направленіи, эта самая степная ширь, этотъ просторъ для непривычнаго человѣка представляютъ заколдованный кругъ, изъ котораго трудно выбраться. Какъ въ непроходимой тайгѣ или въ открытомъ океанѣ безъ компаса, такъ и

¹⁾ „Тургайскія Областныя Вѣдомости“ 1899 г., №№ 50 и 51.

въ степи одинокій путникъ можетъ затеряться и погибнуть. Поэтому увезенные въ степь и поработанные кочевниками плѣнники, какъ будетъ объяснено далѣе, не могли въ бѣгствѣ искать спасенія изъ неволи, на степномъ просторѣ чувствовали себя несвободными, переносили мученія и умирали.

Но, говоря о рабствѣ въ киргизской степи, слѣдуетъ подразумѣвать совсѣмъ не то закрѣпощеніе человѣкомъ человѣка, которое извѣстно въ прошломъ культурныхъ народовъ. Однообразная равнинная мѣстность и бѣдная природа степей не могли вызвать въ человѣкѣ особой привязанности къ мѣсту, а частыя распри между разными племенами кочевниковъ, сопровождавшіяся бѣгствомъ слабѣйшаго племени, не создавали благопріятныхъ условій для исключительнаго обладанія землею, которая, въ сущности, не составляла ничьей собственности. Отсюда единственно возможною формою жизни человѣка въ киргизской степи былъ скотоводческій, пастушескій бытъ, являющійся преобладающимъ тамъ и понынѣ. Такимъ образомъ, при отсутствіи земельной собственности, при крайней простотѣ бытовыхъ условій и при господствѣ патріархальныхъ отношеній, не могло образоваться у кочевниковъ чисто сословнаго развитія, а также не могло возникнуть и рабства на почвѣ аграрныхъ отношеній, такъ какъ и самаго земледѣлія не существовало. Скотоводческій бытъ требовалъ очень мало затраты труда, выполнение котораго распредѣлялось между членами семьи, а потому въ рабахъ, какъ рабочей силѣ, не было особой надобности. Тѣмъ не менѣе рабство, хотя и въ измѣненной формѣ, приспособленной къ потребностямъ кочевого быта, у киргизовъ существовало. Несомнѣнные указанія на рабство мы встрѣчаемъ во многихъ киргизскихъ пословицахъ (макаль)—этомъ выраженіи вѣками накопленной народной мудрости. Въ киргизскомъ языкѣ слово

рабъ имѣеть свое особое названіе—*кулъ* въ отличіе отъ работника -- *малый* или *пастуховъ*; койше, сыирше, жиляше, тьюше или отъ пахаря—*игиньше*. Вотъ нѣсколько пословицъ, относящихся къ разсматриваемому нами вопросу.

Кул жайлы бас болмас, кум жайлы тас болмас.

Кулды кул десе, олгесе келеди; бийди кул десе кулгесе келеди.

Тузды коп сактама—су болар; кызды коп сактама кул болар.

Жаман катын жорусунан тол болады; жаман еркек жорусунан кул болады.

Озунан тумай—ул болмас, сатыб алмай—кул болмас.

Сатыб алмай—кул болмас.

Жибек асралмаса жул болады; кызды асралмаса—кул болады.

Жибекты сактай билмеген жул стейди, ерди сактай билмеген кул стейди.

Кул арагымак менседе, кулдуи аты кулды; куба шекпен кседе улдуи аты улуды.

Аталы ул, кожаны кул.

Кулга коля карасап, копснен жамау сурайды.

Жарлынын улы болганша, байдын кулы бол.

Бэрэн бирдей койши болма, кул боларсын; бэрэн бирдей тойши болма куу боларсын.

Аргымак аттып куйругы ари жибек, ари кыл; кас мирзанын билгенси ари мирза, ари кул.

Толпа рабовъ не можетъ быть начальствомъ, а куча песчинокъ—каменемъ.

Раба назывъ рабомъ—вызвать его на смерть; бѣя назывъ рабомъ—разсѣлшить его.

Не держи долго соль—отсырѣеть; не держи долго дочь—рабыней будетъ.

Дурная женщина своими поступками наживетъ вдовство; дурной мужчина своими поступками наживетъ рабство.

Не рожденные—не сыновья, не купленные—не рабы.

Если не купишь—не будетъ раба.

Если не беречь шелкъ—волосомъ станеть; если хочъ не беречь—рабыней будетъ.

Неумѣющій хранить шелкъ превращаетъ его въ шерсть; неумѣющій беречь богатяри дѣлаетъ его рабомъ.

Хотя рабъ и на аргамакъ сядетъ, но все-таки за нимъ останется кличка раба; хотя бы сынъ надѣлъ и простой халатъ, но за нимъ остается названіе сына.

Сынъ передъ отцемъ, какъ рабъ передъ господиномъ.

Если будешь ласковъ съ рабыней, то и она попроситъ у тебя хотя за плату на рубаху.

Чѣмъ быть сыномъ бѣдняка, лучше быть рабомъ богача.

Не всё старайтесь быть пастухами, иначе будете рабами; не всё любите посѣщать пиры, иначе будете бездѣльниками.

У настоящаго аргамакъ хвостъ то шелкъ, то волосъ; признакъ истиннаго господина, то онъ господинъ, то рабъ.

Приведенныхъ пословицъ достаточно для характеристики какъ соціально-экономическаго положенія рабовъ, такъ и способовъ ихъ приобрѣтенія. Рабы, повидимому, находились въ презрѣніи; они считались неспособными для несенія какой-нибудь общественной службы;

самое имя раба признавалось оскорбительнымъ; рабъ находился въ полномъ повиновеніи своихъ владѣльцевъ. Но положеніе рабовъ вообще, вѣроятно, было не слишкомъ тяжелымъ, на что указываетъ пословица: лучше быть рабомъ богача, чѣмъ сыномъ бѣдняка. Оно и понятно: въ отношеніи труда между сыномъ бѣдняка и рабомъ богача не могло быть большой разницы, но рабъ богача могъ пользоваться лучшей пищей и одеждой сравнительно съ сыномъ бѣдняка. Въ пословицахъ имѣются указанія на существованіе работорговли и на другіе способы возникновенія рабства. Въ рабство могъ попасть и батырь, предводитель войска, если его не будутъ беречь, охранять отъ непріятеля; рабомъ могъ быть дурной человекъ, отъ котораго отступятся родовичи и онъ попадетъ къ чужимъ людямъ въ качествѣ раба; но чаще всего могли попадать въ рабство пастухи, такъ какъ конечною цѣлью всякаго нападенія было завладѣніе скотомъ, а слѣдовательно и пастухами, охранявшими скотъ. Наконецъ, въ рабство могли попадать и дѣвушки, составляющія и донныя у киргизовъ значительную вещьественную цѣнность; чѣмъ дольше дѣвушку не выдавать замужъ, тѣмъ больше было вѣроятности, что она будетъ кѣмъ-нибудь захвачена въ рабство.

Такимъ образомъ народныя пословицы указываютъ на два способа приобрѣтенія рабовъ: на захватъ и парабощеніе людей при столкновеніи разныхъ племенъ и на покупку рабовъ.

Въ архивныхъ документахъ минувшаго столѣтія, разсмотрѣнныхъ нами въ архивѣ тургайскаго областного правленія въ г. Оренбургѣ, а также въ законодательныхъ постановленіяхъ прежняго времени встрѣчаются указанія, подтверждающія правильность вышеприведенныхъ выводовъ, вытекающихъ изъ народныхъ пословицъ.

Въ 1755 году въ Башкиріи вспыхнуло возстаніе

противъ русскихъ властей, но неорганизованное скопище номадовъ, конечно, не могло устоять противъ регулярныхъ войскъ, высланныхъ на усмиреніе бунта. Тогда башкиры задумали грандіозный планъ поднять на Россію всѣхъ магометанъ-кочевниковъ и съ этою цѣлью перебрались, въ числѣ свыше 6000 человѣкъ съ семьями и скотомъ, въ киргизскую степь, куда намѣревались перенести центръ возстанія полудикихъ ордъ. ¹⁾ Это былъ одинъ изъ критическихъ моментовъ, когда подъ напоромъ нестройныхъ, но многочисленныхъ полчищъ азіатчины могла пасть окрайная Русь и на своихъ костяхъ пропустить далѣе цѣлое нашествіе разноплеменнаго сброда. Но отсутствіе ли солидарности въ этомъ дѣлѣ между башкирами и киргизами, или трудность созыва кочевниковъ въ одно мѣсто для обсужденія столь важнаго вопроса послужили препятствіемъ скорому осуществленію плана общаго востанія, а между тѣмъ правительство обратилось къ крайней мѣрѣ уничтоженія въ самомъ корнѣ готовившагося возстанія. Сознавая невозможность преслѣдованія бунтовщиковъ войсками въ пустынной мѣстности, правительство объявило башкиръ бѣглыми и назначило киргизамъ за выдачу правительству каждаго башкира по кафтану. ²⁾ Въ тоже время было объявлено киргизамъ о томъ, что имъ отъ Высочайшаго имени жалуются жены, дѣти, скотъ и все имущество бѣглыхъ башкиръ. ³⁾ Мѣра эта вполне отвѣчала корыстолюбивымъ намѣреніямъ киргизъ, которымъ гораздо практич-

¹⁾ Указъ военной коллегіи, отъ 2 сентября 1755 года за № 372.

²⁾ Въ именномъ Высочайшемъ указѣ оренбургскому губернатору Неплюеву, отъ 5 сентября 1755 года, между прочимъ, сказано; „ибо теперь дѣло до того дошло, что, и на убытокъ не взирая, стараться надобно о полученіи оныхъ злодѣевъ башкирцевъ назадъ, дабы тѣмъ сей поводъ набѣга пресѣчь“.

³⁾ Высочайшая грамота на имя киргизъ-кайсацкаго хана Нурали, султановъ, старшинъ и всего киргизъ-кайсацкаго народа, отъ 5-го сентября 1755 года.

нѣе было воспользоваться немедленно и на законномъ основаніи крупною наградою, чѣмъ, слѣдую подстрека-тельству башкиръ, рисковать жизнью и, можетъ быть, въ концѣ концовъ не получить ничего. Это былъ первый законодательный актъ признанія въ широкихъ размѣрахъ рабства въ киргизской степи и имъ кочевники не замедлили воспользоваться въ полной мѣрѣ.

Слѣдующимъ крупнымъ событіемъ, сопровождавшимся поработченіемъ большого числа людей, было паденіе Зюнгариі, или Джунгаріи, при чемъ киргизы Средней орды, во главѣ съ извѣстнымъ султаномъ Аблаемъ, производили надъ Зюнгарами жестокости и тиранства и «многія тысячи» людей взяты въ плѣнъ.¹⁾

Между тѣмъ, находившіеся въ рабствѣ у киргизовъ азіатцы, прослышавъ о могуществѣ и гуманности русскихъ, стали выбѣгать изъ степи въ пограничныя крѣпости и просить защиты русскихъ властей. Но покровительство, оказанное выбѣгавшимъ плѣннымъ, вызвало у киргизовъ озлобленіе противъ русскихъ, почему киргизы стали захватывать въ плѣнъ русскихъ людей. Тогда правительство разрѣшило принимать только тѣхъ изъ числа выбѣгавшихъ изъ степи плѣнныхъ азіатцевъ, которые пожелаютъ принять св. крещеніе, и при томъ назначало киргизамъ за cadaго такого плѣннаго денежный выкупъ до 25 рублей²⁾.

Но тогда же явилась надобность озаботиться возвращеніемъ отъ киргизовъ захваченныхъ ими русскихъ людей.

Не имѣя возможности воздѣйствовать на киргизовъ въ этомъ смыслѣ, правительство назначило денежный выкупъ по 150 рублей и болѣе за cadaго русского освобожденнаго изъ неволи.

¹⁾ Указъ военной коллегіи, отъ 23 октября 1755 года за № 822.

²⁾ Указъ Правительствующаго Сената, отъ 19 октября 1759 г. за № 877.

Однако подобная мѣра имѣла своимъ послѣдствіемъ усиленіе захватовъ людей, такъ какъ плѣненіе людей стало хотя и опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ. И не въ битвѣ на полѣ брани, не при столкновеніи разноплеменныхъ народностей между собою стали захватываться плѣнные, а съ мирныхъ занятій, путемъ коварнаго предательства уводили киргизы въ плѣнъ и продавали въ рабство въ Хиву и Бухару попадавшихся имъ людей, которые цѣнностью своею превосходили въ то время даже лучшихъ скакуновъ степи.

Въ 1777 году въ Хивѣ и Бухарѣ находилось уже до 5000 человекъ, проданныхъ въ неволю русскихъ людей: дворянъ, чиновниковъ, горожанъ и крестьянъ; были тутъ нѣмецкіе колонисты и поляки. Положеніе ихъ отчасти иллюстрировано въ «челобитной», доставленной астраханскому губернатору Якобію выкупленными плѣнными: «Разлучались мужья отъ женъ, и жены отъ мужей, малолѣтніе отъ отцевъ и матерей. Имѣютъ бусурмане у себя въ услуженіи по два, по три, а иные по семи и по десяти и въ такомъ содержаніи содержатъ, что мужской полъ ни денно, ни ночью роздыху не имѣетъ, а о женскомъ полѣ надругательства причиняютъ, и изъяснить не можно... Несчастливѣе всего женскій полъ съ малолѣтними дѣтьми, такъ что малолѣтніе всеѣмъ стали быть бусурманами. Что же касается до купечества азіатскаго, то хотя которые російскихъ и выкупаютъ, токмо чтутся со взятіемъ цѣны отъ Вашего Императорскаго Величества изъ казны, или отъ родственниковъ вдвое и втрое, а наиболѣе того одного, выкупа, вывезетъ, а въ обратный путь всякій азіатченинъ старается двухъ или трехъ украсть, и свое въ томъ съ обѣихъ сторонъ удовольствіе надъ христіанами получить. Покусидись же мы, плѣнные, учинять ретирადы, но ни-
кимъ способомъ выходить въ Россію не могли для то-

го, что, по большей части, воры-киргизы не пропускают, ловят и отводят попрежнему къ хозяевамъ съ дачею имъ награжденія, а тѣ хозяева бѣглецовъ мучать, ругая, рѣжутъ носы и уши и вынимаютъ ножомъ изъ спины ремни и къ воротамъ желѣзными гвоздями приковываютъ». Астраханскій губернаторъ Якобій, представляя эту челобитную въ Сенатъ, присовокуплялъ, что плѣнные, находясь въ варварскихъ рукахъ и проводя горестную жизнь въ отчаяніи, простираютъ свои бѣдныя руки и моленіе къ Монаршему милосердію.

Тогда со стороны Правительствующаго Сената послѣдовалъ указъ, отъ 31 октября 1777 г. за № 100, объ ассигнованіи ежегодно по 6000 рублей на выкупъ русскихъ плѣнныхъ. Къ сожалѣнію, этой суммы могло быть достаточно на освобожденіе изъ неволи отъ 30 до 40 человѣкъ въ годъ, а между тѣмъ ежегодно захватывались вновь плѣнные. Надо думать, что немало русскихъ людей искалѣченныхъ, съ вырѣзанными изъ спины ремнями, погибли на дальней чужбинѣ въ неволѣ. Захватъ русскихъ людей киргизами продолжался постоянно до прочнаго водворенія русскаго вліянія въ киргизской степи. Большія выгоды, которыя приносила работоторговля, приучали къ этому позорному промыслу даже русскихъ людей. Въ Оренбургѣ былъ изобличенъ и осужденъ за это нажившій на торговлѣ людьми большія деньги купецъ Зайчиковъ (куянь-купецъ, какъ его называли киргизы). Изъ мрачныхъ эпизодовъ прошлаго времени можно упомянуть объ одномъ, который описанъ въ Полн. Собр. Зак. (1834 г., № 7713). 25 іюля 1828 г. изъ Орской крѣпости въ Красногорскую выѣхалъ, въ качествѣ духовнаго депутата, священникъ Резановъ, но на пути онъ былъ схваченъ 3-мя киргизами, увезенъ за рѣку Уралъ и отданъ въ рабство батырю Эруслану, у котораго прожилъ до освобожденія русскими 20 дней. Во

время нахождения въ рабствѣ, священника о. Іоанна на ночь раздѣляли до ноги и привязывали руки, ноги и голуу къ древкамъ двухъ коній крестообразно; въ такомъ положеніи руки и ноги деревенѣли и отекали. Днемъ о. Іоанна наказывали плетями, заставляли работать и кормили только айраномъ (кислымъ молокомъ).

Въ законодательныхъ постановленіяхъ первой половины настоящаго столѣтія встрѣчаются слѣдующія указанія на существованіе рабства въ киргизской степи. Въ Высочайше утвержд. 22 іюля 1822 г. уставѣ о сибирскихъ киргизахъ ¹⁾ рабство было санкціонировано законодательною властью въ слѣдующей формѣ. § 276 устава гласилъ: «невольники, до 22 іюля 1822 г. находившіеся у киргизовъ, остаются при ихъ владѣтеляхъ съ правомъ продажи, передачи и наслѣдственнаго владѣнія, но съ того времени строго запрещено вновь приобрѣтать въ неволю *природныхъ* киргизовъ». § 277. «Число сихъ невольниковъ и самая ихъ принадлежность должны быть извѣстны окружному приказу, и всѣ передачи должны быть производимы съ его вѣдома».

По смыслу этихъ узаконеній можно заключить, что въ киргизской степи были рабы изъ среды самихъ киргизовъ. И дѣйствительно, у хановъ и султановъ были вѣчные слуги, вродѣ бывшихъ у нашихъ помѣщиковъ дворовыхъ людей. Они прислуживали своимъ господамъ, охраняли ихъ и исполняли всякія домашнія работы. Изъ такихъ вѣчныхъ слугъ, проживавшихъ въ аулахъ хановъ и султановъ цѣлыми семьями, образовался довольно большой классъ людей, такъ называемыхъ теленгутовъ. Нѣкоторые изслѣдователи киргизскаго быта даже причисляютъ теленгутовъ къ особому теленгутскому роду, тогда какъ, въ дѣйствительности, теленгуты состояли изъ кирги-

¹⁾ Полн. собр. зак. т. XXXVIII, № 29172.

зовъ разныхъ родовыхъ подраздѣленій. Это прямо вытекаетъ изъ самыхъ условій приобрѣтенія султанами теленгутовъ въ разныхъ мѣстахъ степи и изъ разныхъ родовъ. Оставшіеся нынѣ въ живыхъ старики, бывшіе теленгуты, принадлежатъ къ разнымъ киргизскимъ родамъ.

О принадлежности теленгутовъ султанамъ, которые вообще на основаніи § 274 устава о сибир. кирг. надъ подвѣдомственными имъ киргизами не имѣли права ни владѣтеля, ни помѣщика, упоминается и въ Высочайше утвержденномъ 20 мая 1831 года положеніи о порядкѣ взиманія ясака.¹⁾ Въ этомъ законѣ сказано: «султанамъ предоставить вносить ясакъ за тѣхъ только теленгутовъ, которые принадлежатъ имъ лично, а не въ видѣ свободныхъ киргизовъ, состоящихъ въ ихъ управленіи».

Вышеприведенныя постановленія вошли безъ всякихъ измѣненій въ сводъ законовъ, изд. 1857 г. (статьи 1282 и 1283, т. IX, зак. о сост.). Но въ началѣ 1859 года, по распоряженію главнаго мѣстнаго начальства Западной Сибири, султаны и почетные киргизы дали подписки, которыми обязывались дать свободу всѣмъ находившимся у нихъ невольникамъ. Такъ, повидимому, и должно было окончиться владѣніе людьми въ киргизской степи.

Въ этомъ убѣждало еще то обстоятельство, что командированная по Высочайшему повелѣнію въ 1865 году въ киргизскую степь комиссія тайнаго совѣтника Гирса, изучавшая въ теченіи двухъ лѣтъ бытовыя условія киргизовъ, не возбуждала вопроса о невольникахъ у киргизовъ, и потому въ составленномъ этою комиссію временномъ положеніи объ управленіи степными областями, Высочайше одобренномъ 21 октября 1868 года, не заключалось никакихъ постановленій о невольникахъ.

Однако совершенно случайное обстоятельство обна-

¹⁾ 2 полн. собр. зак. т. VI, № 4584.

ружило, что еще въ 1874 году киргизы Акмолинской области имѣли у себя невольниковъ. 31 іюля 1874 года исправлявшій должность главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи статсъ-секретарь Брунъ, предположивъ не включать въ изготавлявшееся тогда новое изданіе IX тома св. зак. о сост., ст. 1282 и 1283 того же закона по изданію 1857 года, трактовавшія о невольникахъ у киргизовъ, обратился, однако, съ запросомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ о томъ, числятся ли въ вѣдѣніи мѣстныхъ властей по управленію сибирскими киргизами невольники у киргизовъ. ¹⁾ По этому запросу генералъ-губернаторъ Западной Сибири, генералъ-адъютантъ Казнаковъ, отъ 5 августа 1875 года за № 1823, сообщилъ министерству, что въ Сары-Суйскомъ уѣздѣ, Акмолинской области, оказалось у киргизовъ семь человекъ невольниковъ, изъ коихъ пять персіане, пріобрѣтенные киргизами въ Бухарѣ назадъ тому 15 или 20 лѣтъ, а происхожденіе остальныхъ двухъ неизвѣстно, за отлучкой ихъ съ хозяевами въ Ташкентъ. Затѣмъ, отъ того же генералъ-адъютанта Казнакова поступило сообщеніе, отъ 24 октября 1875 года за № 2673, о томъ, что невольникамъ, находившимся у киргизовъ Сары-Суйскаго уѣзда, объявлена военнымъ губернаторомъ Акмолинской области свобода, и всѣ они, по собственному желанію, причислены къ Карабалинской и Байназаровской волостямъ того же Сары-Суйскаго уѣзда.

Итакъ, только въ 1875 году рабство въ киргизской степи окончательно прекратило свое существованіе. Очевидно, оно въ послѣднее время не проявлялось въ рѣзкой формѣ,

¹⁾ Этотъ и послѣдующіе документы находятся въ архивномъ дѣлѣ деп. полиціи исполн. № 16/152, 1875 г. „По отношенію испр. должность главн. II отд. Соб. Его Имп. Вел. канцеляріи о доставленіи свѣдѣній о томъ, имѣются ли въ настоящее время невольники у киргизовъ сибирскаго вѣдомства“.

иначе было бы прекращено гораздо раньше, хотя бы по жалобамъ самихъ невольниковъ. Рабство уже не имѣло подѣ собою почвы за устраненіемъ съ 1869 года султановъ отъ власти и за послѣдовавшимъ, вслѣдствіе этого, обѣдненіемъ ихъ. Ставшіе у власти вмѣсто султановъ новые люди изъ черной кости не могли, конечно, пріобрѣтать себѣ невольниковъ въ то время, когда владѣніе ими не допускалось по закону.

Такимъ образомъ мы видимъ, что рабство въ киргизской степи исчезло само собою какъ только миновали причины, его создавшія и поддерживавшія. Прекратились войны и распри между племенами, поставлявшія контингентъ плѣнниковъ-рабовъ, обѣднѣлъ правящій классъ, владѣвшій вѣчными слугами (теленгутами), и не стало рабства въ киргизской степи. Но интересенъ тотъ фактъ, что рабство, возникши въ киргизской степи не на почвѣ владѣнія землею, не потребовало, при своей ликвидаціи, никакихъ заботъ объ устройствѣ быта бывшихъ рабовъ. Мы знаемъ, что, при объявленіи въ 1875 году свободы послѣднимъ невольникамъ, они были причислены къ киргизскимъ волостямъ и въ бытовомъ отношеніи сравнивались съ остальными киргизами. Но мы знаемъ также, что киргизская степь, начиная съ половины прошлаго столѣтія, воссала въ себя многія тысячи иноплеменнаго народа: башкиръ, зюнгаровъ и русскихъ, и что только немногіе десятки изъ нихъ могли быть выкуплены изъ плѣна. Что случилось съ остальными плѣнниками, въ числѣ которыхъ было много женщинъ и не мало дѣтей, по словамъ цитированной выше «челобитной» обусурманивавшихся? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти народности ассимилировались съ кочевниками. При господствовавшей тогда простотѣ нравовъ и обычаевъ, плѣнники безъ всякихъ затрудненій могли вступать въ брачныя отношенія или простыя сожи-

тельства съ туземками, а плѣнные женщины были взяты туземцами въ жены и наложницы. Еще легче могли слиться съ туземцами «обусурманившіеся» дѣти плѣнныхъ. Тотъ, кто въ теченіи долгаго времени имѣлъ возможность приемотриваться къ обитателямъ среднеазиатскихъ степеней, знаетъ, что нерѣдко попадаются цѣлыя семьи киргизовъ, носящія названіе «бес калмакъ», т. е. пять калмыковъ, или семьи, происшедшія отъ «истекъ» (башкиръ), «ногай» (татаръ) и т. д. Въ числѣ отдѣленій одного изъ родовъ Малой орды есть отдѣленіе «Орусъ», повидимому, происшедшее отъ родоначальника изъ русскихъ, вѣроятно, отъ плѣннаго. Но въ физическомъ типѣ киргиза несомнѣнно выражено конгломератное его происхожденіе. Среди киргизовъ можно встрѣтить, правда очень рѣдко, лица съ круглыми, голубыми глазами, бѣлой кожей, густыми русыми бородами, но всѣ они по образу жизни, языку и вѣрованію ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ кочевниковъ. Правда, среди кочевниковъ можно встрѣчать людей съ чисто славянскимъ добродушіемъ, незлобивою, открытымъ характеромъ и широкой щедрой натурой, а также людей богато одаренныхъ способностями, но трудно узнать, природные ли это киргизы, или сохранившіе въ своихъ жилахъ унаслѣдованную отъ предковъ-плѣнниковъ славянскую кровь.

Степь своею однообразною равнинною природою и такимъ же однообразнымъ бытомъ своихъ обитателей объединила и уравнила всѣ притекавшія сюда народности. Но, въ виду приведенныхъ выше историческихъ данныхъ, кажется, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что киргизская народность восприняла обильные притоки чужеземной крови, въ томъ числѣ немало крови славянскаго племени. Чужеземецъ, появившійся въ степи, долженъ былъ подчиняться бытовымъ условіямъ господствовавшей здѣсь среды и воспринимать не только бытовые

особенности, по языкъ, нравы, обычаи и даже религію номадовъ. Но, измѣняя и приспособляя къ условіямъ среды складъ своей жизни, чужеземецъ, при смѣшеніи своей крови съ кровью номада, не могъ не оставить замѣтнаго слѣда, повліявшаго на складъ ума, характера и на физическій типъ слѣдующаго поколѣнія. Не въ этомъ ли смѣшеніи крови высшей расы съ кровью туземцевъ слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ того, что киргизская народность не подвергается участи многихъ инородческихъ племенъ, находящихся даже въ лучшихъ условіяхъ—вымиранію, а обнаруживаетъ живучесть, жизнеспособность и стремленіе къ высшей культурѣ? Не въ этомъ ли освѣженіи крови кроется одна изъ причинъ того, что киргизы свободно и умѣло переходятъ къ земледѣльческому быту, становясь на одинъ уровень, а иногда и опержая исконныхъ земледѣльцевъ—русскихъ колонизаторовъ? Не этимъ ли отчасти можно объяснить слабое стремленіе киргизовъ къ усвоенію магометанства и замѣчаемую у нихъ способность къ пріобрѣтенію всякихъ знаній и къ умственному усовершенствованію?

На эти вопросы я могу отвѣтить пока только предположительно: можетъ быть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Киргизскія легенды, сказки и басни ¹⁾).

Въ бытность свою, въ ближайшей къ Оренбургу Буртинской волости, намъ удалось записать нѣсколько произведений киргизскаго народнаго творчества. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведений упоминаются историческія лица и мѣстности, но, конечно, легендарныя сказанія не согласуются съ установленными исторіей фактами и событіями. Легенды и сказки могутъ интересовать читателей только какъ произведенія, въ которыхъ выразилась народная фантазія, а басни и пословицы, имѣющія обыкновенно поучительный характеръ—какъ образцы выработанной вѣками народной мудрости.—Въ легендѣ «Иванъ Калита», повидимому, выражено представленіе объ извѣстномъ князѣ Московскомъ Иоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ, хотя ни мѣсто дѣйствія легендарнаго героя, ни время, указанное въ легендѣ, (при татарскомъ ханѣ Джанибекѣ) не совпадаютъ съ извѣстными по исторіи событіями во время княженія перваго собирателя русской земли. Легенда эта интересна еще и по своему сходству съ миѣическимъ преданіемъ объ основаніи въ Африкѣ крѣпости

¹⁾ „Тургайская Газета“ за 1897 г. №№ 131, 132, 133, 134, 135, 136 и 140 и за 1898 г. №№ 1, 14, 15, 25 и 36.

Бирсу и города Караагена дочерью тирского царя Муттона—Дидоной.

Своеобразное міросозерцаніе киргизовъ, какъ кочевниковъ-скотоводовъ, выражается и въ произведеніяхъ народнаго творчества. Скоть и вообще животныя составляютъ главный интересъ въ жизни кочевниковъ и поэтому въ ихъ сказаніяхъ животныя занимають, послѣ чловѣка, первое мѣсто.

Иванъ Калита. ¹⁾

Много вѣковъ тому назадъ ханомъ былъ могущественный Джанибекъ. При немъ сотоялъ, въ качествѣ придворнаго шута, Джиренче, жена котораго отличалась своимъ умомъ. Однажды къ хану явился съ просьбой какой-то русскій. Ханъ сказалъ Джиренче, чтобы онъ поговорилъ съ просителемъ.

Джиренче, обращаясь къ русскому, сказалъ,

— Скажи, ты, красный какъ лиса, высокий какъ верблюдъ, съ глазами бѣлыми какъ соль и носомъ тонкимъ какъ шило, откуда, ты пришелъ, кто ты такой?

— Твои сравненія не только не унижаютъ, но радуютъ меня. Изъ лисицъ у хана сшита шуба, верблюдъ служить для перевозки ханскаго имущества, соль подаютъ къ ханскому столу, а шило употребляютъ для шитья обуви для хана—отвѣтилъ русскій, а затѣмъ сказалъ:

— Но вотъ разгадай ты мнѣ слѣдующую загадку: что означаетъ взять вмѣстѣ десять собакъ, двадцать волковъ, тридцать тигровъ, сорокъ кабановъ, пятьдесятъ козловъ, шестьдесятъ быковъ, семьдесятъ треножниковъ

¹⁾ Записано въ Буртинской волости, Актюбинскаго уѣзда, со словъ почетнаго аксакала, народнаго судьи № 4 аула, Мамбета Асакова.

(путь), восемьдесят кочергъ, девяносто чурбановъ и сто лицъ?

Джиренче затруднился рѣшить эту загадку самъ и попросилъ дать ему нѣкоторое время на размышленія.

Пользуясь отсрочкою, Джиренче спросилъ свою жену о значеніи заданной ему русскимъ загадки.

Жена разъяснила, что загадка означаетъ разные періоды человѣческой жизни. Въ десять лѣтъ человѣкъ рѣзвится беззаботно, какъ собака, въ 20 лѣтъ рыскаетъ по бѣлому свѣту, какъ волкъ, на все нападая, въ тридцать лѣтъ становится хищнымъ и сильнымъ, какъ тигръ, въ сорокъ лѣтъ бываетъ опасенъ, какъ кабанъ, въ пятьдесятъ лѣтъ можетъ быть предводителемъ или правителемъ народа, какъ козлы бываютъ вожаками овечьихъ стадъ, въ шестьдесятъ лѣтъ малоподвиженъ и упрямъ (т. е. стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ), какъ быкъ, въ семьдесятъ лѣтъ ходитъ, какъ спутанный въ треножникъ, въ восемьдесятъ лѣтъ лежитъ около печки, какъ кочерга, въ девяносто лѣтъ неподвиженъ какъ чурбанъ и, наконецъ, въ сто лѣтъ обращается въ зародышевое состояніе, какъ яйцо, или, какъ яйцо же, становится хрупкимъ, нуждающимся въ осторожномъ уходѣ за собою.

Запомнивъ это, Джиренче вновь предсталъ предъ очи своего властелина и сказалъ русскому разгадку заданной имъ загадки.

— Твоя правда—сказалъ русскій.

Хану понравился отвѣтъ русскаго на вопросъ Джиренче и остроуміе его загадки.

— Проси у меня, чего хочешь—сказалъ ханъ русскому.

— Велики справедливость и милосердіе твое, могущественный ханъ, но я малаго прошу у тебя: дай мнѣ въ собственность только такое пространство земли, какое можетъ занять бычья кожа—поклонившись, отвѣчалъ русскій.

— Да будетъ такъ—произнесъ ханъ.

— Выдай ханъ мнѣ свою грамоту на владѣніе землею, пространствомъ съ бычьєю кожою--попросилъ русскій.

Ханъ исполнилъ эту просьбу и выдалъ русскому грамоту, за своею печатью, на владѣніе просимымъ количествомъ земли.

Получивъ грамоту, русскій разрѣзалъ бычьєю кожою на тончайшіе ремни и занялъ такое количество земли, какое можно было окружить ремнями. Прошли годы и на занятой землѣ былъ выстроенъ городъ Уйшикъ ¹⁾ и крѣпость Сарайчикъ, ²⁾ и поселилось въ нихъ очень много русскихъ.

Подданные хана, видя захватъ земли русскими, пытались прогнать ихъ, но были всякій разъ побиты каменьями и отражены.

Тогда стали являться къ хану съ жалобой на русскаго, что онъ, вопреки ханскому повелѣнію, захватилъ много земли. Ханъ не вѣрилъ жалобамъ и казнилъ жалобщиковъ. Но на мѣсто казненныхъ являлись къ хану другіе съ этими же жалобами.

Это заставило хана провѣрить жалобу и, пріѣхавъ на указанное мѣсто, ханъ дѣйствительно увидѣлъ многолюдный городъ. Разсердившись на своеволие русскаго, ханъ закричалъ на него:

— Какъ ты смѣлъ захватить мою землю?

На основаніи твоей ханской грамоты. Ты пожаловалъ мнѣ землю въ такомъ количествѣ, какое можетъ быть занято бычьєю кожою, и я занялъ нисколько не больше, разрѣзавъ кожою на ремни и окруживъ ими землю.

Ханъ убѣдился въ справедливости словъ русскаго, который былъ ни кто иной, какъ Иванъ Калита.

¹⁾ Такъ по-киргизски называется городъ Гурьевъ, Уральской области.

²⁾ Сарайчикъ—Сарайчиковскій форпостъ въ Уральской области. Съ Сарайчикъ, по словамъ киргизъ, имѣется мечеть, выстроенная ханомъ Джанибекомъ.

Мудрый Аязъ.

(Не все то золото, что блеститъ.)

Киргизская сказка. ¹⁾

Однажды ханъ Джанибекъ на большомъ собраніи своего народа предложилъ на общее обсужденіе слѣдующіе вопросы: 1) какой человѣкъ самый худой? 2) какая именно самая худая и самая хорошая земля? 3) какая самая нехорошая трава? и 4) какая самая худшая птица?

Долго обсуждалъ народъ эти вопросы и всѣ они, кромѣ перваго, были рѣшены удовлетворительно.

Самая хорошая земля та, которая можетъ дать наибольшую выгоду человѣку, и самая плохая та, на которой можно разориться. Такая земля, совмѣщающая одновременно оба условія—*базаръ*. На базарѣ люди богатыютъ и разоряются, и поэтому базаръ есть хорошая и самая плохая земля. Такъ рѣшенъ былъ народомъ второй изъ поставленныхъ ханомъ вопросовъ.

— Самая нехорошая трава та, которая не годится ни въ пищу, ни для топлива. Такая трава называется *куюу*—отвѣтилъ народъ на третій вопросъ.

— Самая худшая изъ всѣхъ птицъ это та, которая не имѣетъ своего гнѣзда и не выводитъ своихъ дѣтей. Птица эта—*кужушка*,—былъ однокласный отвѣтъ на четвертый вопросъ.

Но, по первому вопросу, о томъ, какого человѣка слѣдуетъ считать самымъ плохимъ, высказывались различные мнѣнія.

Одни говорили, что самый плохой человѣкъ—хромой, другіе считали такимъ слѣпного, третьи—безрукаго, и т. д., перечисляли людей, страдающихъ тѣми или другими физическими недостатками.

¹⁾ Записана въ вольномъ переводѣ со словъ того же Мамбета Асанова, какъ и легенда „Иванъ Калита“.

Долго спорить между собою народъ по поводу перваго вопроса, и спору не предвидѣлось конца.

Тогда изъ толпы выдѣлился грязный и оборванный нищій, по имени Аязъ. Весь въ лохмотьяхъ и съ ранами на тѣлѣ, онъ смиренно приблизился къ хану и, низко поклонившись, произнесъ:

Великій и мудрый ханъ! Какъ солнце на небѣ свѣтитъ и грѣетъ одинаково всѣхъ живущихъ въ мірѣ, такъ и милосердіе и справедливость твои равно простираются на всѣхъ твоихъ подданныхъ. Дозволь мнѣ, несчастному, ничтожному рабу твоему, высказать свое мнѣніе по вопросу, который такъ долго утомляетъ умъ собравшихся здѣсь людей.

— Ухо властителя не должно быть закрыто ни для кого изъ вѣрноподданныхъ. Говори Аязъ—сказалъ ханъ.

— Да будетъ мудрость твоя благословенна во вѣки. Ты ищешь самаго плохого человѣка, но не найдешь такого среди хромыхъ, слѣпыхъ и уродовъ: они могутъ быть самыми хорошими и полезными людьми для своего государства, и не ихъ вина, что они сдѣлались калѣками. Но самый плохой человѣкъ въ твоёмъ громадномъ царствѣ—это я, смѣло сказалъ Аязъ.

— Объясни почему? спросилъ удивленно ханъ.

Видишь ли: я родился и росъ въ нищетѣ, возмужавъ, поступилъ въ работники и въ первое время зарабатывалъ себѣ не только пищу и одежду, но и деньги, спустя нѣкоторое время, я могъ зарабатывать себѣ только пищу и одежду, затѣмъ, еще не много спустя, я получалъ за свой трудъ только пищу, а послѣ того я не могъ зарабатывать себѣ и пищи. Я сдѣлался нищимъ, но и въ этой профессіи оказался негоднымъ: покрытый лохмотьями, изѣденный червями, гонимый и отверженный всѣми я блуждаю по свѣту, не имѣя ни пристанища, ни хлѣба. Негодный и ненужный ни кому, я—са-

мый плохой человекъ,—отвѣтилъ Аязъ.

Задумался ханъ, и все вокругъ него смолкло. По-
нараивались хану слова Аяза, и онъ рѣшилъ, что Аязъ—
несчастный, но умный и хорошій человекъ.

— Ты рѣшилъ задачу, которую не могъ рѣшить
весь народъ, и я за это тебя назначаю своимъ первымъ
министромъ,—сказалъ ханъ.

Удивился народъ такому рѣшенію хана, и особенно
поразило оно приближенныхъ повелителя. Оборванный
нищій, человекъ самаго низкаго происхожденія, вдругъ
становится первымъ совѣтникомъ государя!

Прошли годы. Аязъ, сдѣлавшись первымъ мини-
стромъ хана, выказалъ замѣчательный умъ и большія спо-
собности. Ханъ любилъ Аяза и слѣдовалъ его мудрымъ
совѣтамъ. Въ ханствѣ Джанибека были введены различ-
ныя улучшенія и нововведенія, благосостояніе населенія
постепенно улучшалось, и народъ любилъ Аяза, и благо-
словлялъ хана за его мудрое правленіе. Но, чѣмъ больше
трудился первый министръ и чѣмъ больше приобрѣталъ
любовь народа, тѣмъ сильнѣе росла ненависть къ нему
со стороны придворныхъ хана. Завистливое чувство лю-
дей, не одаренныхъ ни умомъ, ни способностями, обрати-
лось въ явное недоброжелательство къ человеку, благода-
ря своему уму, достигшему высокаго положенія. Нача-
лись происки противъ Аяза; его обвиняли во многомъ,
чего онъ не совершалъ, клеветали, позорили, поносили
его и, наконецъ, увѣрили хана, что Аязъ захватилъ въ
свои руки управленіе государствомъ, сдѣлавъ хана по-
слушнымъ орудіемъ въ своихъ рукахъ. Долго не вѣрилъ
ханъ навѣтамъ на своего перваго министра, но, въ кон-
цѣ концовъ, долженъ былъ уступить придворнымъ, хотя
сознавалъ, что съ удаленіемъ Аяза лишится преданнаго
и вѣрнаго совѣтника.

Аязъ былъ смѣщенъ и жилъ въ бѣдности.

Однажды ханъ, окруженный своими бездарными совѣтниками, сидѣлъ, поджавши подъ себя ноги, на богатыхъ коврахъ, и о чемъ то мечталъ. Министры, склонивъ головы, въ почтительной позѣ, ожидали ханскихъ повелѣній. Наконецъ ханъ, обращаясь къ министрамъ, произнесъ:

— Скажите вы, мои мудрые совѣтники въ дѣлахъ, чего я желаю въ настоящее время. Я жду отъ васъ вѣрнаго отвѣта, и если не получу его чрезъ день, то знайте, что вы будете казнены.

Испугались министры и собрались на совѣтъ для рѣшенія заданнаго ханомъ вопроса. Но сколько ни думали министры, никакъ не могли придумать какія у хана желанія. Тогда порѣшили они обратиться за совѣтомъ къ тому самому Аязу, который былъ смѣщенъ по ихъ же проискамъ. Боязнь смертной казни заставила униженно просить Аяза выручить ихъ изъ бѣды.

Аязъ сначала уклонялся отъ дачи отвѣта, но затѣмъ, видя свихъ враговъ жалкими и потерявшими головы, сжалился надъ ними.

— Скажите мнѣ въ какой позѣ былъ ханъ, когда предлагалъ свой вамъ вопросъ? Если онъ говорилъ, сидя сжавши ноги, значитъ—нужно переменить тронъ, если, лежа на спинѣ, смотрѣлъ вверхъ—слѣдуетъ перестроить дворецъ, если лежалъ на животѣ—нужно найти ему молодую жену, а если сидѣлъ на колѣняхъ, значитъ—хочетъ, чтобъ ему доставленъ былъ хорошій конь,—разъясните министрамъ Аязъ.

Обрадованные министры поблагодарили Аяза и въ назначенный срокъ дали отвѣтъ хану.

Ханъ удивился находчивости министровъ, но, сомнѣваясь въ томъ, чтобы они сами могли рѣшить заданный

имъ вопросъ, строго потребовалъ назвать ему того человека, который подсказалъ имъ вѣрный отвѣтъ. Министры должны были сознаться, что человекъ этотъ былъ Аязъ.

— Вотъ видите, вы клеветали на Аяза, а онъ спасъ васъ отъ смертной казни. Онъ умиѣ васъ и ему, а не кому другому, подобаетъ быть моимъ первымъ министромъ, сказалъ ханъ.

Аязъ былъ восстановленъ въ прежней должности и вновь сдѣлался любимымъ совѣтникомъ хана. Но зависть и злоба его враговъ возобновилась съ прежнею силою. Люди глупые или малоспособные обыкновенно большіе завистники и въ борьбѣ съ противниками употребляютъ не знаніе и умъ, а происки, клевету и доносы; они отличаются большою нетерпимостью ко всякому, кто выдается своимъ умственнымъ превосходствомъ. Такъ было и съ Аязомъ. Придворные хана съумѣли восстановить его противъ него, и Аязъ былъ вновь удаленъ отъ должности перваго министра.

Прошли годы. Джанибекъ ханъ, оставшись безъ Аяза, видѣлъ, что дѣла по управленію государствомъ приходятъ въ упадокъ, благодаря бездарности министровъ. Однажды ханъ, окруженный своею свитою, отправился на охоту. Дорогой онъ задалъ своимъ министрамъ на разрѣшеніе, подъ страхомъ смертной казни, слѣдующій вопросъ:

— Укажите такихъ сорокъ живыхъ существъ, съ которыхъ можно снять шкуры безъ крови, и послѣ этого они останутся живыми?

Долго думали министры и никакъ не могли рѣшить заданнаго ханомъ вопроса. Опять порѣшили умолять Аяза, выручить ихъ изъ бѣды.

Отправившись къ Аязу, рассказали ему обо всемъ и слезно просили спасти ихъ отъ смерти.

Вновь сжалился Аязъ и забылъ нанесенную ему врагами обиду.

— Скажите, сколько людей сопровождало хана во время охоты?.. спросилъ Аязъ министровъ.

Стали считать министры, и оказалось, что въ свитѣ хана было сорокъ человѣкъ придворныхъ.

— Ну видите, сказалъ Аязъ, ханъ желаетъ видѣть своихъ министровъ и придворныхъ нагими. Если снять съ нихъ одежды, крови не будетъ, а они останутся живыми.

Министры обрадовались скорому рѣшенію вопроса и доложили хану, что удачный отвѣтъ былъ подсказанъ опальнымъ Аязомъ.

Ханъ пристыдилъ министровъ за ихъ прошлую несправедливость къ Аязу и опять вернулъ послѣдняго на постъ перваго министра.

Послѣ этого ханъ не вѣрилъ навѣтамъ на Аяза, и онъ до самой смерти оставался вѣрнымъ совѣтникомъ хана,

Предсказанія кудесника.

Киргизская легенда. ¹⁾

Въ то отдаленное время, когда всѣ земли по великимъ рѣкамъ Волгѣ и Уралу и всѣ степи, населяемыя нынѣ кочевниками, составляли одно большое ханство, властителемъ этихъ земель и повелителемъ народовъ, на нихъ обитавшихъ, былъ ханъ Джанибекъ. Въ ханствѣ его проживалъ нѣкто Асанъ-Кайга, отличавшійся большою прозорливостью: онъ предсказывалъ людямъ, обращающимъ

¹⁾ Записана въ вольномъ переводѣ со словъ того же Мамбета Асадова, какъ и легенда „Иванъ Калита“.

ся къ нему, ихъ будущее и, по мѣрѣ того какъ предсказанія его сбывались, слава его распространялась по всему ханству и достигла хана. Джанибекъ часто приглашалъ къ себѣ Асана-Кайгу, выслушивалъ внимательно его предсказанія и любилъ его за то, что онъ всегда прямо и смѣло, безъ лести высказывалъ хану правду. Постарѣлъ уже Асанъ-Кайга, ему было 95 лѣтъ, когда ханъ Джанибекъ достигъ апогея своего могущества, но въ минуты раздумья о будущихъ судьбахъ государства, ханъ любилъ послушать мудрые рассказы стараго кудесника.

Однажды ханъ вздумалъ выстроить для себя въ Сарайчикѣ ¹⁾ большой новый дворецъ. При постройкѣ этого дворца для возведенія прочнаго фундамента ханъ распорядился пригласить русскихъ рабочихъ. Дворецъ былъ выстроенъ на славу къ великому удовольствію хана, который вздумалъ, по этому случаю, сдѣлать большой пиръ. Помчались чабары ²⁾ по всему государству съ приглашеніемъ отъ хана на пиръ по случаю постройки дворца, и къ назначенному сроку собралось къ хану народа великое множество. Пируетъ ханъ съ своимъ народомъ, выслушиваетъ льстивыя рѣчи своихъ приближенныхъ, съ утра до вечера гремитъ музыка, и пѣсни лучшихъ пѣвцовъ пріятно услаждаютъ слухъ хана. Но время отъ времени на веселомъ лицѣ Джанибека пробѣгаетъ какая то грустная тѣнь, и онъ становится молчаливъ и задумчивъ. Никто не можетъ объяснить себѣ, о чемъ по временамъ среди шумнаго веселья, груститъ ханъ. Взоръ повелителя часто обращается вдаль: онъ все смотритъ, не покажется ли Асанъ-Кайга, но напрасны были

¹⁾ Сарайчиковскій форпостъ въ Уральской области.

²⁾ Чабаръ—разсыльный.

ожиданія хана—старый кудесникъ не прибылъ на пиръ.

Прошло немного времени. Вновь сзываютъ чабары народъ на празднество, устраиваемое ханомъ Джанибекомъ. Но на этотъ разъ большой пиръ задуманъ Джанибекомъ по случаю своей женитьбы. Онъ страстно любилъ одну изъ своихъ рабынь—молодую, красивую и умную Карашашъ, ему казалось недостаточно имѣть Карашашъ, въ качествѣ своей наложницы, и онъ вздумалъ, женившись на ней, окружить ее почетомъ. Вновь гремитъ музыка, раздаются пѣсни, и гости раздѣляютъ радость своего повелителя. Но среди радости и веселья ханъ внимательно присматривается къ лицамъ прибывающихъ толпами гостей, какъ будто ищетъ кого-то. Кончился веселый пиръ, и того гостя, котораго нетерпѣливо ожидалъ ханъ, не было: старикъ Асанъ-Кайга не прибылъ и на второй пиръ хана.

Джанибекъ любилъ охотиться. У него были лучшія охотничьи собаки и хорошо выученныя ловчія птицы. Но охота обычными способами, доступными и другимъ охотникамъ, не удовлетворяла прихотливаго хана. Онъ думалъ выучить для охоты птицу куладынь, самую послѣднюю птицу, питающуюся только мышами. Долго ѣздилъ ханъ съ куладыномъ и все не могъ научить ее ловить крупныхъ птицъ. Однажды ханъ, отправившись на охоту, увидѣлъ, какъ его куладынь поймалъ лебедя. Ханъ такъ обрадовался этой добычѣ, что въ ознаменованіе своей удачной охоты рѣшилъ устроить празднество. Разославъ чабаровъ приглашать гостей, Джанибекъ строго приказалъ позвать на пиръ и стараго Асанъ-Кайгу. Обычнымъ порядкомъ прошелъ и третій пиръ, но старый кудесникъ, вопреки ожиданіямъ хана, не явился и на этотъ пиръ.

Огорчился Джанибекъ упрямствомъ Асана-Кайги, онъ послалъ гонцовъ съ приказаніемъ доставить, во что бы то ни стало, старика. Предсталъ кудесникъ предъ своимъ суровымъ повелителемъ и смиренно спросилъ его:

— Зачѣмъ понадобился тебѣ старый Асанъ-Кайга? Ты великъ и славенъ среди другихъ государей, твои дѣла удивляютъ весь міръ, а для меня скоро настанетъ тотъ часъ, когда я долженъ буду переселиться въ иной міръ и дать отчетъ въ своихъ земныхъ поступкахъ Творцу вселенной.

— Я ожидалъ, что мой вѣрный Асанъ-Кайга раздѣлитъ мои радости, но ожиданія оказались напрасными — ты не явился ни на одно изъ трехъ торжествъ, устроенныхъ мною, и я хотѣлъ бы знать причины твоего упрямства, — сказалъ ханъ.

— Я молился за тебя, добрый ханъ, страдалъ въ то время, когда ты радовался, и оплакивалъ будущность твоего народа, который много переживетъ переворотовъ, отвѣтилъ Асанъ-Кайга.

— Скажи мнѣ правду о причинѣ твоей печали во время моихъ пиршествъ, не бойся огорчить меня своими предсказаніями, какъ бы они не были тяжелы, — сказалъ Джанибекъ.

— Много десятковъ лѣтъ Асанъ не боялся говорить своимъ повелителямъ одну правду, и теперь, на краю могилы, ему не страшень гнѣвъ доброго хана. Въ твоихъ поступкахъ, по поводу которыхъ ты пировалъ со своимъ народомъ, я вижу такія предзнаменованія: русскіе построили тебѣ дворецъ — они и завладѣютъ имъ. Женитьба на рабынѣ дастъ тебѣ потомство, которое не будетъ владѣть, а покорится другимъ. Ловля лебедей самою ничтожною птицею означаетъ, что народъ твой будетъ покоренъ чужеземцами. Но въ отдаленномъ будущемъ я

вижу святые вѣка полного счастья и благоденствія твоего народа подъ властью бѣлаго Царя...

Выслушавъ ханъ Асана-Кайгу и рѣшилъ, что старикъ, должно быть, выжилъ изъ ума. Народъ также не вѣрить этимъ предсказаніямъ.

Прошли вѣка, и потомство современниковъ Асана-Кайги и Дженибека уже не сомнѣвается въ вѣрности предсказаній стараго кудесника.

Легенда о св. пророкѣ Ильѣ.

Когда то, въ давно минувшее время, одинъ ханъ объявилъ своему народу желаніе видѣть св. пророка Илью, взятаго живымъ на небо.

— Тотъ, кто возьмется доставить мнѣ случай видѣть пророка, получить 5000 тиль въ награду,—объявилъ ханъ.

Народъ молчалъ, никто не вызвался взять на себя такое невозможное порученіе. Наконецъ, вышелъ изъ толпы одинъ оборванный бѣднякъ и заявилъ о своей готовности исполнить волю хана.

Ханъ выдалъ бѣдняку обѣщанныя 5000 тиль и отпустилъ его исполнить порученіе.

Прошло много времени, и ханъ слышитъ, что бѣднякъ, получившій 5000 тиль, живетъ безпечно, проматывая деньги. Истощилось терпѣніе хана, и онъ потребовалъ бѣдняка, который успѣлъ уже прожить всѣ деньги, къ отвѣту.

Бѣднякъ является и на вопросъ хана сознается въ своей винѣ.

Тогда ханъ публично, при народѣ, спрашиваетъ ми-

нистровъ о томъ, какое слѣдуетъ назначить наказаніе виновному въ обманѣ его, хана.

Одинъ изъ министровъ говоритъ:

— Тяжкое преступленіе совершилъ обманувшій своего государя, онъ достоинъ беспощадной казни и долженъ быть сожженъ на кострѣ.

— Совершенно вѣрно, раздается въ толпѣ голосъ какого то незнакомца.

Другой министръ восклицаетъ свое мнѣніе:

— За обманъ хана виновнаго слѣдуетъ казнить на колесѣ чигиря, т. е. колесовать.

— Совершенно вѣрно, — раздается прежній голосъ незнакомца.

Третій министръ говоритъ:

— По моему мнѣнію, обвиняемаго должно простить. Давая ему деньги, ты, ханъ, долженъ былъ знать, что онъ не въ силахъ исполнить твоего желанія. Св. пророкъ Ілія взять живымъ на небо, и никто изъ смертныхъ, живущихъ на землѣ, не можетъ доставить его. Одинъ Богъ могъ бы исполнить твое желаніе, если бы ты, ханъ, былъ достоинъ этого.

— Совершенно вѣрно, — вновь кричитъ въ толпѣ тотъ же незнакомецъ.

Ханъ пришелъ въ затрудненіе, но его заинтересовало, почему въ толпѣ одинъ неизвѣстный человѣкъ признаетъ правильными совершенно различныя мнѣнія министровъ. Ханъ призвалъ незнакомца и спросилъ:

— Почему ты находишь правильными высказанныя сейчасъ три разныхъ мнѣнія министровъ?

— Потому, что каждый изъ министровъ высказалъ свое мнѣніе искренно, по совѣсти, и каждый изъ нихъ былъ, по своему, правъ. Предки первого министра въ продолженіи семи поколѣній были хлѣбопечами, и поэтому онъ, по наслѣдственному инстинкту, не могъ предло-

жить ничего иного, кромѣ сожженія обвиняемаго на огнѣ. Предки второго министра, не менѣе семи поколѣній, управляли чигирями, и понятно, что этотъ министръ могъ предложить только колесованіе. А семь поколѣній предковъ третьяго министра были люди справедливые, и онъ высказалъ свое мнѣніе по сущей справедливости, хотя, быть можетъ, многіе и ты, ханъ, не согласены съ этимъ мнѣніемъ,—отвѣтилъ незнакомецъ.

— Какъ же ты можешь знать предковъ за семь поколѣній? Не ты ли самъ пророкъ?—удивительно спросилъ ханъ.

— Можетъ быть—отвѣтилъ незнакомецъ и вдругъ исчезъ.

Ханъ, конечно, не наказалъ бѣдняка, такъ какъ благодаря ему, желаніе его осуществилось.

Благоразумный совѣтъ.

Киргизская сказка. ¹⁾

Въ одномъ ханствѣ, въ давно минувшее время былъ губернаторъ (бекъ), обратившій на себя вниманіе своего повелителя хорошимъ управленіемъ ввѣренной ему провинціи. Народъ любилъ своего начальника за его справедливость и ласковость и за то, что губернаторъ внималъ въ нужды населенія, заботясь объ улучшеніи его благосостоянія. Недаромъ народная мудрость въ извѣстной киргизской пословицѣ говорить: «безъ отца не сирота, безъ матери не сирота, но тотъ народъ сирота, которымъ управляетъ плохой начальникъ». Народъ, кото-

¹⁾ Эта сказка и слѣдующія за нею двѣ басни записаны въ вольномъ переводѣ со словъ почетнаго аксакала № 2 аула Буртинской волости, Актюбинскаго уѣзда, Мамбетжана Ибралимова.

рымъ управлялъ тотъ губернаторъ не былъ сиротою, и ханъ, желая поощрить подчиненнаго, предложилъ ему высокое мѣсто при своемъ ханскомъ дворѣ. Предложеніе это обрадовало губернатора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его смущали интриги при дворѣ хана, зависть и недоброжелательство придворныхъ къ человѣку, хотя и умному, но незнатному, взятому изъ провинціи. Свои сомнѣнія губернаторъ рассказалъ женѣ и просилъ ея совѣта.

— Если ты будешь способенъ,—сказала она,—служить при ханѣ съ тактомъ, то прими повышение съ благодарностью, если же нѣтъ, лучше откажись и останься на прежнемъ мѣстѣ. Чтобы удержаться при дворѣ хана непременно нужно соблюдать слѣдующія десять правилъ:

1) Повелѣнія хана слѣдуетъ исполнять всегда скоро и точно, хотя бы отъ этого были упущенія въ своихъ личныхъ дѣлахъ.

2) Нужно быть искренно преданнымъ хану и службу ему ставить выше всего на свѣтѣ.

3) Если за большія заслуги будетъ дана малая награда, нужно быть довольнымъ и малымъ.

4) Во всякой ошибкѣ нужно сейчасъ же сознаваться и просить прощенія.

5) Никогда и ни за какую службу не слѣдуетъ просить вознагражденія.

6) Не нужно оскорбляться слухами и сплетнями, которыя обыкновенно распускаются недоброжелателями.

7) Никогда не обнаруживать хану своего неудовольствія и не быть рѣзкимъ на словахъ.

8) Не нужно заводить дружбы съ врагами хана.

9) Когда ханъ будетъ отличать отъ другихъ, нужно считать себя ниже всѣхъ.

10) Не слѣдуетъ забываться и гордиться, если ханъ будетъ ласковъ въ обращеніи.

Губернаторъ послушался своей жены и, слѣдуя ея благоразумному совѣту, до конца своей жизни оставался на почетномъ мѣстѣ, при дворѣ хана.

МЫШЬ И ЗМѢЯ.

Киргизская басня.

Однажды мышь, возвратясь съ прогулки за поисками пищи, застала въ своей норкѣ змѣю. Испугалась мышь непрошенной гостью, но ничего не могла сама предпринять и отправилась къ сосѣдямъ рассказать свое горе и попросить ихъ совѣта.

Собрались на совѣтъ мудрыя мыши и, обсудивъ дѣло, сказали обиженной:

— Отступишь отъ норки, выкопай себѣ другую и живи. Несправедливо поступила змѣя, отнявъ у тебя жилище, но ничего не подѣлаешь. Будешь приставать къ змѣѣ, она тебя съѣстъ и больше ничего.

Погоревала несчастная мышь и, примирившись съ своимъ положеніемъ, придумывала только способы, какъ бы отомстить своей обидчицѣ.

Въ одинъ жаркій, лѣтній день мышь замѣтила, что змѣя, грѣясь на солнцѣ, уснула около норки, а въ недалекомъ разстояніи, въ саду, спалъ, лежа навзничъ, садовникъ. Мышь быстро подбѣжала къ садовнику и укусила его за носъ. Садовникъ, проснувшись отъ боли, погнался за мышью, которая, не торопясь, бѣжала, къ тому мѣсту, гдѣ лежала змѣя. Слѣдуя за мышью, садовникъ увидѣлъ змѣю и убилъ ее, какъ болѣе вредную, чѣмъ мышь.

Мышь такимъ образомъ достигла своей цѣли и стала попрежнему жить въ своей норкѣ.

Никогда не слѣдуетъ сильному обижать слабого, хотя бы потому, что слабый можетъ найти совершенно неожиданную поддержку со стороны еще болѣе сильнаго.

В о р ъ и б л о х а.

Киргизская басня.

Одинъ человѣкъ, долгое время занимавшійся воровствомъ, не удовольствовался славою стараго и опытнаго вора, ему хотѣлось, во чтобы то ни стало, пробраться въ ханскій дворецъ и совершить тамъ кражу. Долго мечтавъ объ этомъ воръ, и чѣмъ больше встрѣчалъ препятствій къ осуществленію своего замысла, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему достигнуть цѣли. Кража во дворцѣ сдѣлалась его маніей настолько, что онъ былъ бы радъ возможности подѣлиться съ кѣмъ-либо своею мыслью, но боялся сказать кому-нибудь, чтобъ тайна не была обнаружена. Думая объ этомъ во время своего странствованія по степи, воръ почувствовалъ, что тѣло его кто то укусило. Увидавъ, что это была блоха, онъ обрадовался, что можетъ наконецъ рассказать живому существу мучившую его тайну и, доставъ блоху, сказалъ ей:

— Вотъ, блоха, сколько времени я желаю попасть во дворецъ хана, чтобы взять тамъ какую-нибудь вещь, но никакъ не могу этого сдѣлать. Я испытываю большія страданія, потому что не могу достигнуть своей цѣли.

Сказавъ это, воръ какъ будто почувствовалъ облегченіе, но сейчасъ же подумалъ, что и блоха можетъ выдать его тайну, а потому, чтобы задобрить ее, посадилъ обратно на свое тѣло.

Послѣ этого вскорѣ вору удалось проникнуть въ ханскій дворецъ въ то время, когда ханъ спалъ. Войдя въ опочивальню хана, воръ полѣзъ подъ кровать, но въ

это время блоха соскочила съ вора на постель хана и укусила спящего властелина. Ханъ, проснувшись отъ боли, сталъ искать насѣкомое, укусившее его, и увидѣлъ, что блоха скачетъ подъ кровать. Тогда ханъ опустилъ руку подъ кровать, чтобы убить блоху, но вмѣсто этого нащупалъ ногу вора. Собравшимися на крикъ хана слугами воръ былъ задержанъ на мѣстѣ преступленія и подвергнутъ строгому наказанію.

— Не покушайся на царское добро. его охраняетъ видимая и невидимая сила.

Не ввѣрай своей тайны никому: не только стѣны, даже самое ничтожное насѣкомое можетъ выдать тебя.

Справедливый судья.

Киргизская сказка. ¹⁾

Много лѣтъ тому назадъ въ степи славился своею мудростью и справедливостью одинъ бій (судья). Къ нему стекались издалека тяжущіеся и всегда получали судъ правый и скорый. Тогда еще не было раздѣленія степи на волости и аулы, не было и такого множества біевъ, какъ теперь. Біями считались самые умные и самые справедливые люди, и они не были представителями родовыхъ и партійныхъ интересовъ, такъ какъ ихъ никто не выбиралъ. Прославится въ народѣ кто нибудь, какъ умный и правдивый человекъ, къ нему и идутъ спорящіе за разрѣшеніемъ своихъ дѣлъ. Во всей степи было 3, много 5 біевъ, и рѣшали они дѣла по совѣсти и по обычаямъ народа. Но изъ числа этихъ біевъ выдавался одинъ, о которомъ говорится въ этой сказкѣ.

¹⁾ Записана въ вольномъ переводѣ со словъ почетнаго аксакала № 2 Буртинской волости, Актюбинскаго уѣзда, Мембетжана Ибрагимова.

Онъ не рѣшалъ дѣла, какъ рѣшаютъ почти всѣ нынѣшніе бѣи, назначеніемъ присяги, а доискивался въ каждомъ дѣлѣ правды. Другіе бѣи, когда затруднялись въ рѣшеніи запутанныхъ дѣлъ, отправляли спорящихъ къ своему мудрому собрату.

Однажды къ этому бѣю являются на судъ двое мужчинъ и одна женщина. Мужчины, изъ числа которыхъ одинъ мулла, спорятъ о женщинѣ: одинъ говоритъ, что женщина—его жена, а другой утверждаетъ, что его. Женщина заявляетъ, что она, будто бы, состоитъ въ замужествѣ за соперникомъ мутлы. Выслушавъ спорящихъ, бѣи сказали:

— Оставьте женщину у меня и приходите завтра, я объявлю свое рѣшеніе.

Послѣ этого приходятъ къ бѣю мясникъ и другой мужчина за разрѣшеніемъ спора о червонцѣ. Споръ возникъ изъ за того, что къ мяснику пришелъ покупатель и, при полученіи сдачи, взялъ вмѣсто мѣдной монеты червонецъ, утверждая, что ему слѣдовало получить червонецъ. Мясникъ оспаривалъ несправедливость притязаній покупателя, но свидѣтелей ни у того, ни у другого не было.

— Отдайте мнѣ червонецъ и приходите завтра за рѣшеніемъ,—сказалъ спорящимъ бѣи.

Затѣмъ явились еще двое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ былъ бѣемъ, спорившіе о принадлежности лошади. Свидѣтелей и вообще какихъ-либо доказательствъ спорившіе представить не могли, но каждый изъ нихъ утверждалъ, что лошадь его доморощенная.

— Приходите завтра, а лошадь поставьте ко мнѣ во дворъ,—былъ отвѣтъ бѣи и этимъ тяжущимся.

На завтра, въ назначенное время предстали предъ бѣемъ всѣ тяжущіеся.

— Бѣи объявилъ свое рѣшеніе: женщина должна

быть взята муллою, какъ его жена, червонецъ принадлежитъ мяснику, а несправедливо оспаривавшіе должны уплатить «аипъ» (штрафъ).

Спорившіе безпрекословно повиновались рѣшенію и удалились, благодаря бѣи за его справедливость.

Спорившимъ о лошади бѣи предложилъ, каждому въ отдѣльности, узнать свою лошадь, стоявшую съ другими лошадьми одинаковой масти. Каждый изъ спорившихъ, подойдя къ лошади, совершенно правильно указалъ ту самую лошадь, о которой шелъ споръ.

Тогда бѣи объявилъ, что лошадь принадлежитъ одному изъ тяжущихся, именно бію, а другого подвергнулъ штрафу за несправедливое притязаніе.

Бѣи тяжущійся, получившій свою лошадь, былъ очень удивленъ справедливостью рѣшенія и просилъ судью сказать, какъ онъ узналъ правду во всѣхъ трехъ спорныхъ дѣлахъ.

— Это очень нетрудно было сдѣлать, отвѣчалъ судья. Когда всѣ ушли, я заставилъ оставшуюся у меня женщину вычистить чернильцу и письменныя принадлежности. Спустя немного времени, я увидѣлъ, что все было исполнено съ большою аккуратностью, и чернильный приборъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, поставленный опытною рукою. Я не сомнѣвался уже, что женщина была женою муллы, такъ какъ хорошо умѣла обращаться съ письменными принадлежностями, тогда какъ другой претендентъ былъ неграмотный и такихъ вещей у себя не имѣлъ. Оставленный у меня червонецъ я опустилъ въ горячую воду и увидѣлъ, какъ на поверхности воды всплыли жирныя пятна. Очевидно, что червонецъ долго находился въ рукахъ, запачканныхъ саломъ, и, стало быть, онъ принадлежитъ мяснику. Трудно было рѣшить дѣло о лошади, такъ какъ оба спорившіе признали ее среди другихъ лошадей. Но, когда подходилъ неправильно спорившій, лошадь вздрогнула и фыркнула, а когда подошелъ къ

ней ты, лошадь узнала своего хозяина и ласково взглянула. Я узналъ поэтому, что лошадь твоя и отдать тебѣ ее.

Къ тому же справедливому бію, однажды, пришли двое съ просьбою рѣшить ихъ споръ. Истецъ заявилъ, что онъ, предъ отъѣздомъ куда то, далъ отвѣтчику на храненіе сто золотыхъ, а когда вернулся назадъ, отвѣтчикъ сталъ заператься, утверждая, что никакихъ золотыхъ не получалъ. На спросъ бія истецъ объяснилъ, что передача золотыхъ происходила въ лѣсу, безъ свидѣтелей. Отвѣтчикъ объяснилъ, что онъ вовсе въ лѣсу не былъ и удивляется напрасной претензіи истца.

— Не помнишь ли ты мѣсто, гдѣ передавалъ золотыя? спросилъ бій истца.

— Какъ же, помню, подъ однимъ деревомъ, которое и хорошо запомнилъ и могу указать,—отвѣтилъ истецъ.

— Значить у тебя есть и свидѣтели. Возьми мой перстень съ именной печатью и отправляйся сейчасъ къ тому дереву, подъ которымъ передавалъ деньги, приложи къ дереву печать и скажи, чтобы оно явилось ко мнѣ для допроса,—сказалъ бій.

Истецъ отправился исполнять порученія бія, а отвѣтчикъ остался у бія ожидать окончанія дѣла.

Спустя нѣкоторое время бій спрашиваетъ отвѣтника:

— Какъ ты думаешь, дошелъ онъ теперь до дерева?

— Нѣтъ, еще не могъ дойти,—сказалъ отвѣтчикъ.

Спустя еще нѣкоторое время бій задаетъ вновь прежній вопросъ. —

— Теперь, должно быть, дошелъ, отвѣтилъ отвѣтчикъ.

Возвратившійся послѣ этого истецъ сказалъ, что онъ въ точности исполнилъ порученія бія, но дерево не только не пошло къ допросу, но даже не шевельнулось.

— А я уже допросилъ дерево, и оно подтвердило твой искъ, сказалъ бій.

Тогда отвѣтчикъ сталъ доказывать, что онъ сидѣлъ все время около бѣла и никакого дерева не видалъ.

— Но ты оспаривалъ раньше, что совсѣмъ не былъ въ лѣсу, а между тѣмъ на мои вопросы говорилъ сначала, что истецъ не могъ еще дойти къ дереву, а затѣмъ, что онъ уже дошелъ. Значитъ, истецъ говорилъ правду, указывая, что передача золотыхъ происходила подъ деревомъ, иначе ты не могъ бы знать даже приблизительно мѣстонахожденіе дерева. Возврати взятые тобою сто золотыхъ и уплати штрафъ за намѣреніе утаить ихъ, — объявилъ свое рѣшеніе бѣй.

Отвѣтчикъ повиновался справедливому рѣшенію бѣла, слава котораго, какъ мудраго и справедливаго судьи, еще болѣе распространилась по степи.

Оселъ и сусликъ.

Киргизская басня. ¹⁾

Въ одномъ огородѣ поселился сусликъ и сильно портилъ овощи. Однажды караульщикъ увидѣлъ суслика и, желая отдѣлаться отъ него, ударилъ его палкою, а затѣмъ, предполагая, что онъ мертвъ, выбросилъ его черезъ ограду. Полежавъ нѣкоторое время безъ движенія, сусликъ пришелъ въ сознаніе и кое-какъ поползъ въ луга, гдѣ жилъ его хорошій пріятель — волкъ.

Добравшись къ волчьей норѣ, сусликъ разсказалъ волку свое горе и просилъ его дать временный пріютъ. Волкъ обрадовался своему гостю, засуетился, чтобы найти для него угощеніе, побѣждалъ въ окрестности искать добычу, но всѣ старанія окончились неудачей — волкъ вернулся въ пору ни съ чѣмъ. Тогда сусликъ говоритъ волку:

¹⁾ Записана въ вольномъ переводѣ со словъ почетнаго аксакала, киргиза № 2 аула Буртинской волости Мембетжана Ибрагимова.

— Послушай, дружище: недалеко отсюда, въ аулѣ, живетъ мой хорошій знакомый—осель; я пойду за нимъ, приведу его сюда, а ты тутъ его задушишь, и будетъ намъ пища на цѣлую недѣлю.

— Отлично, сказалъ волкъ, я узнаю въ тебѣ истиннаго друга.

Отправился сусликъ къ селу и видитъ, что онъ бродитъ около аула, собирая мелкую измятую траву.

— Другъ мой, говоритъ сусликъ ослу, ты, я вижу, совсѣмъ голодаешь, собирая здѣсь плохую траву, недалеко отсюда раскинулись роскошные луга, покрытые сочною травой, а какая тамъ вода—просто удивленіе! Пойдемъ туда, и ты насытишься на славу, а то просто жаль смотрѣть на тебя бѣднаго, изнуреннаго.

Умилился осель, слушая слова суслика, и согласился отправиться въ луга. Пошли они вмѣстѣ съ сусликомъ, но пройдя нѣкоторое разстояніе, больной сусликъ утомился и просилъ осла посадить его къ себѣ на спину. Идетъ дальше осель, имѣя у себѣ на спинѣ суслика и, взойдя на одинъ пригорокъ, вдругъ видитъ вдаль, въ лугахъ волка.

— Знаешь что, говоритъ осель суслику, надо вернуться въ аулъ.

— Зачѣмъ это? спросилъ удивленно сусликъ.

— Я забылъ дома родительское наставленіе,—сказалъ осель.

Отправились въ обратный путь, и осель дорогой рассказалъ суслику, что отецъ, умирая, оставилъ ему наставленіе, которое велѣлъ брать съ собою всегда, когда предстоитъ опасный путь.

Подойдя къ аулу, осель громко закричалъ, и на крикъ стали сбѣгаться съ сильнымъ воемъ собаки. Сусликъ испугался, соскочилъ съ осла и думалъ гдѣ-

нибудь спрятаться, но подбѣжавшія собаки разорвали его на клочки.

— Не рой другому яму, самъ въ нее попадешь.

Лягушка и муравей.

Киргизская басня ¹⁾

Въ одно засушливое лѣто лягушки почувствовали недостатокъ корма для себя. Не зная, какъ выйти изъ этого положенія, они обратились къ своему царю съ просьбой дать имъ благоразумный совѣтъ. Царь выслушалъ своихъ подданныхъ и говоритъ:

— Отправляйтесь къ муравьямъ, у нихъ всегда имѣются большіе запасы, и просите выручить васъ изъ бѣды.

Отправились лягушки къ муравьямъ и просятъ ихъ помощи. Муравьи выслушали просителей и сказали, что испросятъ разрѣшенія своего государя.

— Не могу разрѣшить никакого пособія, объявилъ муравьиный государь. Въ то время, когда мои подданные—муравьи усердно трудились, заготовляя запасъ, лягушки безпечно пѣли и кричали по болотамъ. Для такихъ лѣтняевъ не можетъ быть помощи. Не работая лѣтомъ, они замираютъ на зиму, чтобы весною дождаться готовой пищи и снова веселиться. Чѣмъ они могутъ отдать свой долгъ, когда совсѣмъ не трудятся?

Огорчились лягушки такимъ отказомъ и съ тѣхъ поръ, на зарѣ, постоянно жалобно кричатъ, оплакивая

¹⁾ Записана въ вольномъ переводѣ со словъ упомянутого ранѣ Мамбета Асапова. Басня эта сходна по содержанію съ извѣстною басней „Стрекоза и Муравей“. Впрочемъ, такое сходство замѣчается во многихъ произведеніяхъ народнаго творчества и не однихъ только киргизовъ.

свою горькую судьбу, свою неспособность къ производительному труду.

Киргизскіе охотничьи анекдоты ¹⁾.

Вѣрный сонъ.

Однажды три охотника, пробывъ цѣлый день на охотѣ, убили только одного гуся. Усталые и голодные они возвратились къ своему становищу и стали варить застрѣленного гуся. Когда гусь сварился, охотники стали спорить, кто долженъ сѣсть его, такъ какъ на всѣхъ одного гуся было мало. Каждому изъ охотниковъ было обидно уступить другому добычу, а потому всѣ, по общему согласію, порѣшили: оставить свареннаго гуся до утра, а утромъ отдать тому, кто увидитъ наиболѣе подходящій къ этому случаю сонъ. Легли спать и, когда двое изъ охотниковъ уснули, третій тихонько всталъ, сѣлъ свареннаго гуся и оставилъ горшокъ закрытымъ. Утромъ, когда всѣ проснулись, стали рассказывать свои сны. Одинъ охотникъ говоритъ:

— Мнѣ снилось, что я ѣздилъ на конѣ куда то далеко и дорогой встрѣтилъ большую птицу, которая сѣла ко мнѣ на сѣдло и не отставала отъ меня.

— А мнѣ казалось, говорить другой охотникъ, что я имѣлъ крылья и летѣлъ высоко, какъ птица.

Тогда третій охотникъ тотъ самый, который сѣлъ ночью гуся, сказалъ:

— Вотъ правда: дѣйствительно одинъ изъ васъ уѣзжалъ куда то, а другой улеталъ, мнѣ одному ничего не оставалось сдѣлать, какъ сѣсть гуся, отъ котораго вы оба отступились. Посмотрѣли въ котелъ—гусь дѣйствительно былъ сѣденъ.

¹⁾ Записаны въ вольномъ переводѣ со словъ того же Мамбета Асамова.

Хорошій раздѣлъ.

На охотѣ были вмѣстѣ одинъ киргизъ и два сарты. За цѣлый день охоты они убили маленькаго куличка, гуся и лебедя. Вечеромъ стали дѣлить добычу, но никакъ не могли раздѣлить поровну, такъ какъ каждая изъ убитыхъ птицъ имѣла различную цѣнность. Долго спорили между собою охотники, и, наконецъ, сарты предоставили киргизу произвести безобидный раздѣлъ. Киргизъ охотно исполнилъ порученіе и, подумавши, сказалъ сартамъ:

— Васъ двое, и я вамъ даю куличка, будетъ всего трое, а я одинъ и, если добавитъ мнѣ гуся и лебедя, будетъ насъ тоже трое, значить, раздѣлъ будетъ вѣрный.

— Какже ты одинъ и берешь гуся и лебедя? спросили сарты.

— Я беру вмѣсто васъ самихъ, а развѣ вы не стоите гуся и лебедя? спросилъ въ свою очередь киргизъ.

— Ты правъ, сказали сарты, и остались довольны раздѣломъ.

Злая женщина и нечистая сила.

Киргизская сказка.

Говорятъ, что женщина перехитритъ и черта. Справедливо это или нѣтъ, но едва ли кто будетъ оспаривать, что злая женщина—самое невыносимое существо на свѣтѣ, и не можетъ быть несчастнѣе того человѣка, которому судьба пошлетъ въ женѣ злую женщину. Про одну такую именно женщину говорится въ этой сказкѣ, которая передается изъ рода въ родъ въ назиданіе новымъ поколѣніямъ.

I.

Никто не помнитъ, когда именно, въ давно минувшее, или недавнее время у одного смирнаго, добродуш-

наго и умнаго человѣка была очень злая и ревнивая жена. Она постоянно преслѣдовала своего мужа, бранила его и всегда дѣлала наперекоръ его желаніямъ. Долго мучился бѣдный мужъ, стараясь всѣми силами достигнуть спокойной жизни, но никакъ ему не удавалось это. Испробовавъ всѣ средства для укрощенія жены и, видя, что жена, чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится злою, онъ рѣшился на послѣднее средство: удалиться отъ жены въ такое мѣсто, чтобы она не могла найти. Но убраться куда-нибудь—все равно жена разыщетъ, а потому пришлось отыскивать такой уголокъ, чтобы никто не могъ найти. Къ счастью, недалеко отъ жилища супруговъ была огромная пропасть, такая большая, что не видно было конца и края. Эту то пропасть и задумалъ избрать для своего жилья несчастный мужъ. Въ одинъ прекрасный день онъ сталъ собирать веревки для того, чтобы спуститься въ пропасть, но какъ ни старался дѣлать это секретно, жена увидѣла его собирающимся въ путь съ веревками.

— Ты куда это собрался?—спрашиваетъ жена.

— Нужно, дѣло есть,—отвѣтилъ мужъ.

— Дѣ-ло, я тебѣ дамъ дѣло, ты проматывать хочешь веревки, нѣтъ, этому не бывать, пойдемъ вмѣстѣ,—закричала жена.

Дѣлать было нечего, супруги пошли вмѣстѣ и скоро подошли къ пропасти.

Мужъ сталъ привязывать одинъ конецъ веревки, чтобы спуститься по другому въ пропасть.

— Ты что это, негодяй, дѣлаешь?—удивленно спросила жена.

— Хочу спуститься въ пропасть.

— Зачѣмъ?

— Тамъ лежитъ богатый кладъ, такъ я достану его.

-- Ну такъ я сама спущусь и достану.

— Нѣтъ, зачѣмъ тебѣ трудиться, лучше я достану, а ты подожди.

Долго спорили супруги между собою, и, въ концѣ концовъ, мужъ долженъ былъ уступить упрямой женѣ.

Когда жена стала спускаться въ пропасть, мужу вдругъ пришла счастливая мысль отдѣлаться отъ нея, и онъ быстро обрѣзалъ веревку и, вздохнувъ облегченно, отправился домой свободный и счастливый.

II.

Прошло немного времени и наслаждавшійся покоемъ свободный мужъ, проходя какъ то недалеко отъ пропасти, вздумалъ узнать, какъ поживаетъ жена. Подойдя къ пропасти, онъ услышалъ раздирающіе душу стоны и крики, исходившіе изъ таинственной глубины. Сжалился мужъ и рѣшилъ спасти свою несчастную жену, въ надеждѣ, что она, испытавъ горе, будетъ смиренѣе. Сбѣгавъ домой за веревками, онъ спустилъ одинъ конецъ въ пропасть и, когда почувствовать, что веревка достигла цѣли, сталъ вытаскивать ее наружу. Но, къ удивленію своему, онъ увидѣлъ, что изъ пропасти выходитъ, держась за веревку, не жена его, а какое то страшное чудовище съ однимъ глазомъ на лбу. Первою мыслью его было обрѣзать веревку, чтобы чудовище обратно свалилось въ пропасть, но чудовище взмолилось:

— Добрый человѣкъ, я цѣлые вѣка жилъ спокойно и счастливо въ этой пропасти, а теперь долженъ оставить ее. Недавно поселилась въ пропасти какая то баба, и житья мнѣ не стало, кричить, изводить, мучаетъ меня, и страданьямъ моимъ не было конца. Спаси меня, добрый человѣкъ, отъ этой бабы, не обрѣзывай веревки.

Задумався тянувшій веревку мужъ.

— Спаси меня отъ бабы, вновь взмолилося чудо-

вище, я буду тебѣ вѣрнымъ слугой и доставляю тебѣ богатство.

Чудовище было вытянуто изъ пропости и, разсыпавшись въ благодарностяхъ своему спасителю, сказало:

— Трижды тебѣ будетъ данъ случай получить большія деньги, ты сильно разбогатѣешь, но затѣмъ я буду свободенъ, и не жди отъ меня четвертаго случая для увеличенія богатства, иначе наживешь себѣ большую бѣду.

III.

Чудовище, поселившись у своего спасителя, вскорѣ же приступило къ исполненію своего обѣщанія.

— Недалеко отсюда у богатого человѣка есть единственная дочь, для спасенія которой отецъ ничего не пожалеетъ. Я отправлюсь туда, вселюсь въ дочь, и она будетъ бѣсноваться, мучиться и страдать. Отецъ пригласитъ всѣхъ извѣстныхъ баксъ и муллъ, но никто не поможетъ больной. Тогда ты предложи свои услуги вылечить больную и, сколько хочешь, проси за это награды. Когда въ цѣнѣ сойдешься, я освобожу больную, она снова сдѣлается здоровою, и ты получишь свою награду,—сказало чудовище.

Такъ и случилось. Скоро разнесся слухъ, что у извѣстнаго богача тяжело заболѣла любимая дочь, и что лучшіе знахари не въ силахъ помочь больной.

Отправился туда человѣкъ, вытащившій изъ пропости чудовище, и взялся вылечить больную за огромную сумму. Когда переговоры были окончены, чудовище освободило больную и сказало своему спасителю:

— Помни, еще только двѣ услуги остались за мною.

Вскорѣ опять чудовище указало на другого богатого человѣка, у котораго былъ единственный сынъ. Также заболѣлъ и этотъ молодой человѣкъ, и вновь за большія деньги былъ вылеченъ тѣмъ же освободителемъ чудовища.

— Теперь только одна услуга осталась за мною. Помни и это и не требуй большего, иначе самъ погибнешь, сказала чудовище.

Скоро вновь такимъ же образомъ заболѣла у третьяго богача *байбиге* (старшая жена). За большую сумму и эта больная была вылечена спасителемъ чудовища, которое на этотъ разъ сказала:

— Я исполнилъ свое обѣщаніе, предоставивъ тебѣ для наживы три случая. Смотри, больше не являйся туда, гдѣ я буду, иначе погибнешь.

IV.

Прошло немного времени послѣ того, какъ чудовище расплатилось со своимъ освободителемъ. Вдругъ по стени разнесся слухъ, что у хана заболѣлъ любимый сынъ такою же болѣзною, какаю была и въ семействахъ трехъ богачей.

До слуха хана уже дошла слава, что болѣзнь эту успѣшно лечитъ тотъ самый человѣкъ, который удачно освободился отъ своей жены. Ханъ посылаетъ за нимъ чабаровъ съ требованіемъ немедленно явиться.

Въ страшномъ отчаяніи выслушалъ цѣлитель повелѣніе хана, да и было отчего задуматься, такъ какъ не явиться по призыву—значить быть казненнымъ, а отправиться къ хану—будетъ неминуемая гибель отъ чудовища.

По зрѣломъ размысленіи освободитель чудовища отправился къ хану. Только онъ сталъ подходить ко двору, какъ вдругъ слышитъ голосъ чудовища:

— Такъ то ты послушалъ меня, ну теперь пеняй на себя:

Будь же справедливъ, мой другъ, я пришелъ сюда вовсе не затѣмъ, чтобы выгонять тебя изъ больного, а хотѣлъ лишь предупредить тебя, что та злая женщина, отъ которой я тебя освободилъ, вылѣзла изъ пропасти и разыскиваетъ тебя,—отвѣтилъ пришедшій.

Испугалось чудовище, скорѣе освободило ханскаго сына и пустилось бѣжать безъ оглядки, боясь встрѣчи съ злою женщиною.

Ханъ щедро наградилъ вылечившаго его сына челоуѣка и съ благодарностью отпустилъ домой.

Съ тѣхъ поръ несчастные мужья, имѣющіе злыхъ женъ, получили полную гарантію въ томъ, что къ нимъ даже близко не подойдетъ нечистая сила. Злые женщины страшнѣе всякаго чудовища, и иѣтъ отъ нихъ спасенія... Но какимъ образомъ нѣжныя и милыя созданія превращаются въ злыхъ женъ—никто еще не разгадалъ, да и едва ли когда разгадаетъ. Не знаетъ этого, повидимому, и нечистая сила, такъ какъ иначе она, въ своихъ интересахъ, воспрепятствовала бы подобному перерожденію.

Знаетъ этотъ секретъ только женщина, но она никому не откроетъ своей тайны.

Наказанный хитрецъ.

Кыргизская басня ¹⁾.

У одного хана былъ первый министръ, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ своего повелителя. Всѣ важнѣйшія дѣла въ ханствѣ исполнялись первымъ министромъ, и ему же было поручено имѣть главное наблюденіе за исполненіемъ повелѣній хана о смертной казни преступниковъ. Другіе министры сильно завидовали своему старинному товарищу, а одинъ изъ нихъ, именно, второй министръ захотѣлъ непременно сдѣлаться первымъ министромъ, для чего не пренебрегалъ никакими средствами.

¹⁾ Записана въ вольномъ переводѣ со словъ почетнаго аксакала № 2 аула Буртинской волости Мамбетжана Ибрагимова.

Хану постоянно клеветали на его первого министра, но не вѣрилъ ханъ всѣмъ этимъ клеветамъ. Однажды второй министръ явился къ хану и сказалъ, что первый министръ страдаетъ очень опасною болѣзною и можетъ заразить не только всѣхъ людей, имѣющихъ съ нимъ дѣла, но даже и самого хана. Болѣзнь свою первый министръ тщательно скрываетъ и рѣшается бывать у хана, подвергая такимъ образомъ драгоценную жизнь властителя серьезной опасности. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого, доноситель предлагалъ пригласить первого министра въ назначенное время, и тогда ханъ увидитъ, что больной будетъ закрывать свой ротъ рукою, чтобы не слышно было дурного запаха отъ болѣзни. Ханъ сильно былъ потрясенъ этимъ сообщеніемъ и, хотя зналъ, что первый министръ никогда не злоупотреблялъ его довѣріемъ, но разъ онъ не щадитъ здоровья хана, то не можетъ быть совѣтникомъ и въ дѣлахъ по управленію. Если первый министръ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ хана, позволилъ себѣ подвергать жизнь своего повелителя опасности, то онъ долженъ быть за это подвергнутъ строжайшему наказанію безъ всякой пощады. Но прежде всего ханъ рѣшилъ провѣрить доносъ второго министра.

Выйдя отъ хана, второй министръ сейчасъ же пригласилъ къ себѣ въ гости первого министра. Былъ поданъ обильный обѣдъ, состоявшій изъ многочисленныхъ блюдъ, но всѣ кушанія оказались приготовленными съ большимъ количествомъ лука. Кончился обѣдъ, и спустя немного времени, явился посланный отъ хана съ требованіемъ, чтобы первый министръ немедленно явился къ нему. Первый министръ сильно смутился тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ пищи съ лукомъ у него былъ дурной запахъ изо рта, но дѣлать было нечего—надо было идти къ хану.

Явился къ хану первый министр, стараясь не подходить къ нему близко, но когда ханъ самъ подошелъ, то сконфузившійся министръ его закрывалъ свой ротъ рукою. Тогда ханъ велѣлъ первому министру убрать руку ото рта и, къ ужасу своему, почувствовалъ дурной запахъ.

Убѣдившись такимъ образомъ въ справедливости доноса второго министра, ханъ сильно вознегодовалъ и въ порывѣ гнѣва написалъ указъ, которымъ приказывалъ палачамъ подателя этой бумаги казнить смертию и ни въ какомъ случаѣ не щадить. Запечатавъ указъ, онъ отдалъ его провинившемуся министру съ приказаніемъ сейчасъ же доставить по адресу. Такъ какъ доставка указовъ палачамъ производилась первымъ министромъ постоянно, то онъ, ничего не подозрѣвая, отправился исполнять приказаніе хана.

Но на пути къ мѣсту ему встрѣтился второй министр и спросилъ его, куда онъ идетъ.

Первый министр показалъ конвертъ съ адресомъ къ палачамъ. Тогда второй министр подумалъ, что хитрость его не удалась, и что ханъ попрежнему довѣряетъ своему первому министру исполненіе такихъ важнѣйшихъ дѣлъ, какъ смертная казнь преступниковъ. Желая хоть одинъ разъ замѣстить перваго министра въ этомъ дѣлѣ, онъ сталъ просить его довѣрить доставку по адресу конверта.

Первый министр долго не соглашался на эту просьбу, но, наконецъ, видя къ себѣ явное расположеніе второго министра, вмѣсто зависти и вражды угостившаго даже сытнымъ обѣдомъ, рѣшился уважить его просьбу и вручилъ ему конвертъ съ ханскимъ указомъ.

По доставкѣ указа по назначенію второй министр, какъ податель его, былъ казненъ, несмотря ни на какіе протесты, такъ какъ точный смыслъ собственноручнаго ханскаго указа не допускалъ никакихъ сомнѣній.

На слѣдующій день, когда первый министр явился съ докладомъ къ хану, послѣдній былъ очень удивленъ тѣмъ, что повелѣніе его не было исполнено. Но, узнавъ въ чемъ дѣло и убѣдившись въ несправедливости навѣта второго министра, благодарилъ Провидѣніе за то, что оно наказало клеветника и сохранило ему лучшаго совѣтника въ дѣлахъ.

— Не рой другому яму—самъ въ нее попадешь.

Хорошій человѣкъ.

Киргизская сказка ¹⁾.

О хорошемъ человѣкѣ слава разносится повсюду. Слава переживаетъ такого человѣка и передается изъ рода въ родъ. Среди киргизовъ много было и много есть въ настоящее время хорошихъ людей. Умершіе вспоминаются въ сказкахъ и преданіяхъ, а живущіе нынѣ пользуются уваженіемъ народа, и имя ихъ гремитъ по всей степи. Но киргизы умѣютъ цѣнить хорошія дѣла не только своихъ, но и иноплеменниковъ. Объ одномъ такомъ хорошемъ человѣкѣ, имя котораго сохранилось изъ «тѣмы временъ», говорится въ этой сказкѣ.

Давно, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, въ киргизской степи жилъ одинъ очень добрый и богатый человѣкъ, по имени Хатымтай. Къ какой національности принадлежалъ и какую религію исповѣдывалъ этотъ человѣкъ, никто не знаетъ, но извѣстно одно, что Хатымтай былъ не киргизъ и не мусульманинъ. Еще въ дѣтствѣ Хатымтай постоянно уходилъ къ бѣднымъ и нес-

¹⁾ Записана въ вольномъ переводѣ со словъ почетнаго аксакала № 2 аула Буртинской волости Мамбетжана Ибрагимова.

частнымъ, старался узнавать ихъ нужды и горе и, возвращаясь домой, со слезами умолялъ родителей о помощи нуждающимся. Всѣ подарки и гостинцы, какіе давали ему родители, онъ относилъ тотчасъ же бѣднымъ людямъ. Придетъ бывало Хатымтай, тогда еще тихій и скромный мальчикъ, въ бѣдную семью и тихонько разговариваетъ съ одѣтыми въ лохмотья дѣтьми. Какъ будто не замѣчаетъ онъ окружающей нужды, но постепенно глаза его разгораются какимъ-то блескомъ, лицо покрывается краскою, и слезы одна за другою капаютъ на землю. Никто не знаетъ, что творится въ душѣ добраго мальчика, чѣмъ взволновалось дѣтское сердце и какія муки и страданія переживаетъ онъ такъ сильно и такъ еще рано. Но, когда уйдетъ Хатымтай, бѣдные люди находятъ какія-нибудь цѣнныя вещи или деньги, оставленные имъ. Впоследствии, при новой встрѣчѣ съ Хатымтаемъ, бѣдняки вспоминаютъ ему объ оставленныхъ вещахъ или деньгахъ и благодарятъ за помощь, выручившую ихъ изъ бѣды. Сконфузится мальчикъ и говоритъ: не меня благодарите, а Бога. Онъ, милосердый, даетъ моимъ родителямъ во много разъ больше того, что они раздаютъ бѣднымъ, стало быть, мы должны благодарить васъ за милость Божию, оказываемую намъ по вашимъ молитвамъ.

Но бѣдняки продолжаютъ благодарить и благословлять Хатымтая, какъ своего избавителя отъ бѣды и печалей.

Однажды, когда Хатымтай, будучи юношей, по смерти отца былъ хозяиномъ огромнаго богатства, къ нему въ домъ явился бѣднякъ и попросилъ кусочекъ сахару.

Хатымтай, выслушавъ просьбу, распорядился дать бѣдняку цѣлую голову сахару.

Слышавшая это мать Хатымтая стала упрекать его за расточительность, говоря, что онъ сумасшедшій, непо-

нимающій слотъ: у него просить кусокъ сахара, а онъ даетъ цѣлую голову.

— Успокойтесь, матушка, сказалъ Хатымтай, бѣднякъ просить по своей бѣдности, а я долженъ дать ему по своему богатству.

И раздавалъ Хатымтай свое добро нуждавшимся бѣднякамъ, и не только не убывало у него богатство, но съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивалось.

*
**

Прошло много лѣтъ, и слава о добрыхъ дѣлахъ Хатымтая упрочилась въ киргизской степи. Народъ превозносилъ Хатымтая, который всю свою жизнь посвятилъ на помощь бѣднымъ и удрученнымъ горемъ. Онъ только и думалъ о томъ, какъ бы облегчить страдающихъ, утѣшить обиженныхъ, накормить голодныхъ и пріютить несчастныхъ. Но, какъ и всегда бываетъ, Хатымтай имѣлъ завистниковъ, и даже самъ ханъ былъ втайнѣ недоволенъ тѣмъ, что Хатымтай пріобрѣлъ среди народа почетную извѣстность, которая должна бы принадлежать одному хану. Не желая возбуждать недовольство народа явнымъ недоброжелательствомъ къ Хатымтаю, ханъ сталъ искать случая избавиться отъ него. Трудно было обвинить въ чемъ-нибудь такого человѣка, какъ Хатымтай, а потому долго пришлось хану ожидать возможности придратъся къ чему-нибудь и наказать Хатымтая.

Однажды ханъ узналъ, что у Хатымтая имѣется самая лучшая по всей степи лошадь, называемая «Акъ-косъ». Ханъ зналъ, что Хатымтай любилъ своего коня и очень дорожилъ имъ, почему и послалъ своихъ людей къ Хатымтаю съ требованіемъ, чтобы онъ отдалъ Акъ-коса. Но или посланные не застали дома Хатымтая, или требуемый ханомъ конь былъ гдѣ-нибудь далеко, но приказаніе хана осталось невыполненнымъ. Разсердился ханъ на Ха-

тымтая и хотѣлъ было подвергнуть его казни, но опасался ропота со стороны народа, знавшаго невинность Хатымтая. Тогда ханъ сталъ секретно вызывать желающихъ убить Хатымтая или, если это не удастся, увести у него Акъ-коса.

Однако жъ, несмотря на обѣщаніе большой награды не находилось охотниковъ исполнить такое желаніе хана. Спустя долгое время, отыскался какой то бездомный скиталецъ, изъявившій готовность за большія деньги исполнить волю хана—убить Хатымтая, или увести любимого его коня «Акъ-коса».

Подъ видомъ путника явился къ Хатымтаю человѣкъ, взявшійся убить его или увести любимого коня. Хатымтай по обыкновенію принялъ очень радушно путника и оказалъ ему самое широкое гостепріимство. Въ теченіи дня путникъ много разъ видѣлъ, какъ Хатымтай помогать бѣднымъ и несчастнымъ. Очарованный любезностью и добротою Хатымтая, злоумышленникъ совершенно оставилъ мысль убивать его и думалъ только о томъ, какъ бы украсть Акъ-коса.

Вечеромъ, когда, по обычаю, сварили и подали обѣдъ, Хатымтай сказалъ своему гостю:

— Ты пріѣхалъ какъ разъ въ то время, когда весь мой скотъ былъ отогнанъ далеко отсюда. Но я такъ радъ дорогому гостю, что приказалъ зарѣзать самого любимого своего коня, лучшаго скакуна во всей степи—Акъ-коса.

Гость поблагодарилъ хозяина за вниманіе и сильно загрустилъ. Да и было о чемъ задуматься: въ черствой душѣ злоумышленника проснулась совѣсть. Какъ подъ влияніемъ теплыхъ лучей весенняго солнца таетъ ледъ, такъ и подъ воздѣйствіемъ добраго сердца уничтожается злобное чувство въ сердцахъ недобрыхъ людей.

Всю ночь не спалъ путникъ. Въ его душѣ совершалась мучительная борьба. Убить такого добраго человѣ-

ка, какъ Хатымтай, онъ не могъ, но не могъ и вернуться къ хану съ пустыми руками, такъ какъ рисковалъ под-вергнуться казни.

На разсвѣтѣ Хатымтай услышалъ въ той комнатѣ, гдѣ ночевалъ его гость, громкія, раздирающія душу рыданья. Наскоро одѣвшись, Хатымтай вбѣжалъ къ гостю и, утѣшая его, просилъ разсказать свое горе. Гость ничего не говорилъ и продолжалъ рыдать. Наконецъ, уступая мольбамъ Хатымтая, гость разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

— По просьбѣ хана, я, низкій, недостойный человѣкъ, обѣщаль доставить ему твою голову, или твоего любимаго коня... Но Акъ-кошъ вчера зарѣзанъ. Что я буду теперь дѣлать! убить тебя я не могу...

Хатымтай, обрадовавшись, сказалъ:

Давно бы ты открылъ мнѣ свою тайну. Стоитъ ли мучиться о такихъ пустякахъ. Вотъ тебѣ кинжалъ и моя голова— возьми отруби голову и доставь хану.

Не могу этого сдѣлать, рыдая, отвѣчалъ гость.

— Ты долженъ исполнить волю хана и сдѣлать это скорѣе—настаивалъ Хатымтай.

Въ это время, слышавшая все происходившее, жена Хатымтая вошла въ комнату и сказала:

— Напрасно, Хотымтай, даешь гостю отрѣзать сейчасъ свою голову. Пока онъ будетъ доставлять хану голову, она будетъ обезображена, и ханъ, пожалуй, не повѣритъ, что это твоя голова. Лучше иди самъ къ хану вмѣстѣ съ гостемъ, и пусть ханъ казнить тебя тамъ.

— Твоя правда, замѣтилъ Хатымтай и предложилъ гостю отпавиться сейчасъ же къ хану.

Явившись къ хану, Хатымтай сказалъ:

— Ты, ханъ, поручилъ этому человѣку убить меня и доставить тебѣ мою голову. Но, если бы онъ это сдѣлалъ, то ты могъ бы не повѣрить ему потому, что въ пути голова могла сгнить и была бы непохожа на мою го-

лову. Я пришелъ къ тебѣ самъ, чтобы выручить изъ бѣды твоего посланнаго. Моя голова сейчасъ въ твоёмъ распоряженіи — прикажи казнить меня.

Смутился ханъ и созналъ свою несправедливость по отношенію къ Хатымтаю.

— Нѣтъ, Хатымтай, ты очень хорошій человѣкъ, и казнить тебя не за что.

— Нечистый смутилъ меня, и я чуть не сдѣлалъ большого грѣха. Прости меня, Хатымтай, мой лучшій изъ вѣрноподданныхъ, и возвращайся домой. Да благословить тебя Богъ за твои добрыя дѣла! сказалъ ханъ.

Хатымтай вернулся домой и попрежнему до конца своей жизни помогаль бѣднымъ и несчастнымъ.

Прошли вѣка, и въ туманѣ сѣдой старины исчезли навсегда имена строптиваго хана и его наемника на нехорошее дѣло, но имя Хатымтая передается изъ рода въ родъ въ назиданіе новымъ поколѣніямъ.

Въ часы досуга, за чашкой кумыза, умудренный житейскимъ опытомъ аксакаль, въ кругу собравшихся гостей, вечерней порой, рассказываетъ о добрыхъ дѣлахъ Хатымтая. Слушатели молчаливо внимаютъ разказчику, а дѣти жадно ловятъ каждое слово. Примѣръ Хатымтая воодушевляетъ воспримчивыя сердца сыновъ степей, и всякій, узнавшій ихъ близко, безпристрастно скажетъ, что подъ грубою внѣшностью номада часто бьется чуткое, доброе и нечерствое сердце, часто среди киргизовъ встрѣчаются люди, обладающіе многими чертами героя этой сказки — Хатымтая.

Но для насъ, призванныхъ служить примѣромъ своимъ сосѣдямъ-кочевникамъ, важно знать, что великая христіанская мораль: «жить для счастья другихъ, и положить душу за други своя» — не чужда и киргизамъ.

Добро—залогъ будущаго блаженства.

Киргизская сказка. ¹⁾

При одномъ ханѣ состоялъ самымъ близкимъ со-
вѣтникомъ аксакалъ, бій Акылбай, который умомъ, добро-
той и справедливостью прославился во всемъ ханствѣ.
Прослуживъ при ханѣ болѣе 50 лѣтъ и прославившись,
онъ испросилъ у хана освобожденіе отъ дѣлъ. Ханъ съ
прискорбіемъ долженъ былъ согласиться и при увольне-
ніи назначилъ ему значительное пожизненное содержа-
ніе изъ ханской казны. Акылбай имѣлъ также свое зна-
чительное состояніе, изъ котораго, обезпечивъ своихъ
дѣтей, остальное роздалъ бѣднякамъ, крайне нуждавшим-
ся въ пособіи; изъ получавшейся пенсіи Акылбай остав-
лялъ себѣ незначительную долю на пропитаніе и одежду,
а остальное также раздавалъ бѣднымъ. Завистники
Акылбая начали клеветать хану на него, что онъ расто-
чаетъ получаемую пенсію и недостойнъ ее. Ханъ разгнѣ-
вался и призвалъ Акылбая къ отвѣту, который выска-
залъ ему такъ: «я жилъ на этомъ свѣтѣ въ довольствѣ,
за что приношу благодарственныя молитвы Богу и сер-
дечно благодарю тебя, великій повѣлитель, а теперь раз-
даю твою пенсію бѣднякамъ и готовлю этимъ себѣ до-
вольство на томъ свѣтѣ». Этимъ отвѣтомъ ханъ остал-
ся доволенъ, отпустилъ Акылбая и посовѣтовалъ своимъ
приближеннымъ слѣдовать его примѣру.

Завѣщаніе отца.

Киргизская сказка. ²⁾

Когда то жилъ умный и богатый киргизъ, имѣвшій

¹⁾ Записана со словъ аксакала № 4 аула Джитыгаринской волости
Кары Мурзабекова.

²⁾ Записана со словъ народнаго судьи Джитыгаринской волости
Омара Санкаева,

громадныя стада скота. Къ нему собирались со всѣхъ сторонъ не только его однородцы, но и киргизы другихъ родовъ, для полученія совѣта къ разумной жизни, и онъ не оставлялъ безъ наставленій, а крайне бѣднымъ, обнищавшимъ оказывалъ пособіе скотомъ или деньгами, чтобы дать возможность имъ поправиться. Матеріальную помощь оказывалъ: спобнымъ къ труду съ возвратомъ, если впоследствии средства дозволятъ, а престарѣлымъ и по болѣзнямъ лишившимся способности трудиться—безъ возврата. Такія отношенія этого киргиза къ своимъ соплеменникамъ сдѣлали его извѣстнымъ и прославили во всей ордѣ.

У этого киргиза было три сына, которымъ, умирая, онъ завѣщалъ все свое состояніе, съ тѣмъ, чтобы они не дѣлили его между собою, а пользовались имъ сообща и независимо этого обязательно исполнили слѣдующее:

1) Старшій сынъ долженъ часто путешествовать и во всѣхъ поселеніяхъ и городахъ, безъ различія народностей, гдѣ побываетъ, долженъ знакомиться съ условіями жизни народа и въ каждомъ на память о себѣ построить хорошій домъ;

2) Второй сынъ долженъ ежедневно жить какъ новобрачный, и

3) Меньшій сынъ долженъ употреблять постоянно такую пищу, которая по вкусу казалась бы пріятною, какъ масло и медъ.

Похоронивъ отца, сыновья обратились къ исполненію его завѣщанія. Старшій сынъ путешествовалъ и въ каждомъ поселеніи оставлялъ послѣ своего пребыванія построенный имъ домъ, второй сынъ ежедневно женился на сосватанныхъ имъ невѣстахъ изъ дѣвицъ, а третій употреблялъ пищу съ значительною приправою меда и масла. Конечно, на постройку домовъ и на калымъ за невѣсть тратилось много денегъ и скота и отцовское со-

стояніе стало истощаться. Это истощеніе имущества вызвало въ сыновьяхъ сомнѣніе относительно точнаго пониманія ими завѣщанія отца и поэтому они начали отыскивать такого разумнаго человѣка, который изъяснилъ бы имъ настоящій смыслъ и значеніе завѣщанія. Человѣкъ этотъ нашелся и высказалъ имъ, что онъ хорошо знаетъ покойнаго ихъ отца за умнаго и доброжелательнаго, который поэтому не могъ оставить имъ такое завѣщаніе, которое привело бы ихъ къ раззоренію, и что они дураки, не поняли завѣщаніе, которое нужно понимать такъ: въ каждомъ поселеніи вмѣсто постройки дома старшій сынъ долженъ дружить съ однимъ мѣстнымъ жителемъ, отъ котораго могъ бы пользоваться разумными совѣтами и наставленіями, кромѣ того, долженъ постараться расположить его къ себѣ настолько, чтобы имѣть въ немъ несомнѣннаго защитника и подателя помощи въ несчастіяхъ. Вообще, въ каждомъ поселеніи слѣдуетъ оставлять по себѣ добрую память. Вмѣсто каждадневной жепитѣббы на новыхъ невѣстахъ имѣть одну умную и любимую жену, съ которой обращаться ласково, имѣть половыя отношенія съ ней насколько возможно рѣдко, держать ее и весь домъ въ чистотѣ и тогда они будутъ каждодневно въ глазахъ людей въ видѣ новобрачныхъ и тоже самое имъ самимъ будетъ представляться; наконецъ, вмѣсто каждодневнаго и значительнаго употребленія меда и масла, употреблять умѣренно всякую другую, вкусно и опрятно приготовленную пищу, которая будетъ сладкою и пріятною и замѣнитъ медъ и масло. Заручившись этимъ разъясненіемъ, каждый сынъ началъ исполнять завѣщаніе отца и, такимъ образомъ, братья повели примѣрную жизнь, достойную памяти умнаго отца.

А л д і а р ь. ¹⁾

(Киргизское преданіе).

Въ началѣ управленія хана Абулхаира киргизскимъ народомъ, этотъ послѣдній не имѣлъ теперешняго благоустройства, и среди него царилъ безпорядокъ. Къ самому хану народъ не питалъ надлежащаго почтенія и даже не соблюдалъ обыкновенной вѣжливости.

Такое ненормальное положеніе вещей признавалось самими представителями киргизскаго народа, желавшими такъ или иначе положить конецъ безпорядкамъ и упорядочить отношеніе хана къ народу и наоборотъ. Взятая осуществить эти цѣли извѣстный ужомъ и находчивостью батырь Джанибекъ, соподвижникъ хана Абулхаира. Онъ предложилъ хану побить его, Джанибека, на народномъ собраніи, которое онъ, Джанибекъ, соберетъ, если разрѣшитъ ханъ. Народное собраніе, — объяснялъ свой поступокъ Джанибекъ хану, — конечно, обидится такимъ поступкомъ хана и вознамѣрится убить его, но тутъ онъ, Джанибекъ, разъяснитъ народу поступокъ своего властелина.

Получивъ разрѣшеніе хана, Джанибекъ, не медля, созвалъ собраніе народныхъ представителей всѣхъ родовъ, на которомъ Абулхаиръ и началъ, какъ было условлено, безпощадно бить Джанибека нагайкой. Изрядно отдѣлавъ Джанибека, Абулхаиръ сѣлъ на своего коня и умчался домой. Собраніе, какъ и предполагалъ Джанибекъ, тотчасъ же обидѣлось и обратилось къ побитому батырю съ вопросомъ, за что побилъ его ханъ, при чемъ предлагало Джанибеку, если онъ только желаетъ, убить его, обидчика Абулхаира. Но Джанибекъ отвѣчалъ, что въ

¹⁾ „Алдіаръ“ (алдіаръ—Богъ помощь)—привѣтствіе, съ которымъ обращаются киргизы къ султанамъ.

данномъ случаѣ не виновенъ ни ханъ, ни онъ, Джанибекъ, а виновны сами киргизы.

— За вину всѣхъ киргизъ,—говорилъ Джанибекъ,—отвѣтить лишь я, поэтому и киргизскому народу надлежитъ вымолить немедленное прощенье у хана, ибо я не намѣренъ въ другой разъ подвергнуться за грѣхи народа ханскому гнѣву.

Въ заключеніе Джанибекъ далъ добрый совѣтъ: пусть каждый родъ явится тотчасъ же къ хану и принесетъ свой *аинъ* (штрафъ).

Собраніе выслушало Джанибека и воспользовалось его совѣтомъ.

Въ назначенное политичнымъ батыремъ время, собрались всѣ роды киргизовъ, чтобы предстать предъ особою хана, имѣя во главѣ самого Джанибека.

Будучи ранѣе непочтительными къ хану, киргизы и теперь хотѣли ввалиться безъ церемоніи въ его кибитку, но, предводительствуемые Джанибекомъ, они были остановлены на разстояніи двухъ верстъ отъ ханской кибитки. До этого они останавливались обыкновенно у самаго жилища хана, привязывали здѣсь своихъ лошадей и смѣло входили въ кибитку. На этотъ разъ Джанибекъ поступилъ иначе: не разрѣшивъ никому двинуться съ мѣста, онъ отправился доложить хану о прибытіи съ повинной головой всѣхъ киргизскихъ родовъ.

Представъ предъ ханомъ, Джанибекъ посовѣтовалъ сказать народу, что онъ прощаетъ вину его и принимаетъ отъ его представителей принесенные *аины*; кромѣ того, далъ совѣтъ распредѣлить эти *аины* между родами, т. е. принесенный однимъ родомъ *аинъ* передать другому и т. д. Ханъ только удивился мудрости Джанибека и, понятно, съ нимъ согласился.

Джанибекъ воротился къ народу и громко сказалъ: «я вымолилъ народу у хана прощенье. Ханъ сейчасъ

выйдетъ, чробы принять отъ народа привѣтъ. Когда ханъ начнетъ приближаться къ толпѣ, то всѣ должны громко его привѣтствовать.

Наконецъ вышелъ къ народу и самъ ханъ Абул-хаиръ. Народъ, падая ницъ и сложя руки на груди, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствовалъ его словами: «алдіаръ»!

Ханъ, показывая видъ, что растроганъ смиреніемъ и покаяніемъ своего народа, простилъ вину его и, принявъ *амты*, роздалъ ихъ какъ указалъ Джанибекъ.

Такимъ вотъ путемъ удалось Джанибеку привить къ своему народу чувства любви, боязни и уваженія къ хану и установить извѣстный порядокъ. Привѣтствіе же «Алдіаръ» до настоящаго времени сохранилось въ средѣ киргизовъ, и они обращаются съ таковымъ къ султанамъ и другимъ родовитымъ и высокоуважаемымъ лицамъ.

П а с т у х ъ и з м ѣ я.

Киргизская сказка.

Одинъ киргизъ, пася въ степи барановъ, увидѣлъ, что недалеко случился пожаръ, и что отъ огня бѣжитъ на него змѣя. Приблизясь къ пастуху, змѣя эта начала просить спасти ее. Пастухъ, не долго думая, спряталъ змѣю въ свой рукавъ. По окончаніи пожара, пастухъ просить змѣю выйти изъ рукава, но она упрямится и заявляетъ, что, по своему нраву, она не можетъ этого сдѣлать, не укусивъ пастуха. Пастухъ взмолился къ змѣѣ, говоря, что за добро не платятъ де зломъ. Змѣя оставалась не умолима. Тогда пастухъ съ змѣею въ рукавѣ отправился судиться къ быку. Быкъ выслушалъ стороны и говоритъ: «человѣкъ—врагъ мнѣ—сколько работалъ я для него, а онъ, неблагодарный, за все это го-

товить меня на «согумъ». ¹⁾ Поэтому надо отомстить — укусить пастуха. Пастухъ, однако, остался недоволенъ рѣшеніемъ и отправился съ змѣею судиться къ коню (маштаку). Конь, усталый отъ человѣческой ѣзды, рѣшеніе быка утвердилъ. Но пастухъ на этотъ разъ не согласился и отправился съ змѣею къ коту. Этотъ послѣдній, разслѣдовавъ дѣло, сказала змѣѣ, что ей нужно оставить рукавъ, такъ какъ за добро зломъ не платятъ. Змѣя не слушалась и приводила свои доводы въ оправданіе. Тогда котъ говорить: «не слышу, змѣя, стань-ко поближе да подними голову»!

Змѣя подняла голову и встала поближе. Котъ мигомъ схватилъ змѣю за голову и, вытянувъ ее изъ рукава, убилъ ее.

Наблюдательность киргиза.

У киргиза затерялся верблюдъ. Хозяинъ ищетъ животное. Попадаются на встрѣчу трое незнакомцевъ.

«Не видали верблюда?»

— Да видѣть то мы видали одного. Да, постой—говоритъ первый изъ киргизъ: твой верблюдъ кривой?—

«Да».

Второй добавляетъ: «и хромой на правую заднюю ногу?»

— Да.—

«И куцехвостый?» спрашиваетъ третій.

— Да, да. Значитъ вы украли моего верблюда. По-давайте его мнѣ сейчасъ, не то...

Дѣло дошло до суда: потерпѣвшій обвинялъ попавшихся ему на встрѣчу киргизъ въ кражѣ верблюда. Ханъ зоветъ обвиняемыхъ.

Первый изъ обвиняемыхъ говорить:

¹⁾ На мясо (на закоѣ).

«Да я и не краль верблюда, но что верблюдь этотъ былъ одноглазый,—это я заключаю изъ того, что онъ рвалъ траву съ одной стороны дороги, другая же сторона—съ травою.

Второй киргизъ дополняетъ: «Что верблюдь хромой,—видно изъ того, что на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, имѣется лишь отпечатокъ 3-хъ ногъ, а четвертую, болѣзную, онъ держалъ на воздухѣ.

Третій киргизъ докладываетъ: «верблюдь былъ безъ хвоста. Это я заключаю по слѣду помета по дорогѣ: верблюдь съ хвостомъ разбрасываетъ пометъ далеко не такъ.

Ханъ отпустилъ обвиняемыхъ, а доносчика, за глупый и неосновательный доносъ, наказалъ.

Оглавление.

Предисловіе.

Часть 1-я. Статьи историческаго содержанія.

Матеріалы къ исторіи возникновенія городовъ въ Тургайской области	1.
---	----

Именные указы Государыни Императрицы Екатерины II	13.
---	-----

О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи	70.
--	-----

Султаны, тарханы и бій	80.
----------------------------------	-----

«Вдохновенный» киргизъ Мараль Курмановъ	83.
---	-----

Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи	90.
--	-----

Уничтоженіе рабства въ киргизской степи	94.
---	-----

Часть 2-я. Киргизскія легенды, сказки и басни.

Иванъ Калита	110.
------------------------	------

Мудрый Аязъ	113.
-----------------------	------

Предсказаніе кудесника	118.
----------------------------------	------

Легенда о св. пророкѣ Ильѣ	122.
--------------------------------------	------

Благоразумный совѣтъ	124.
--------------------------------	------

Мышь и змѣя	126.
-----------------------	------

Воръ и блоха	127.
------------------------	------

Справедливый судья	128.
------------------------------	------

Осель и сусликъ	132.
---------------------------	------

Лягушка и муравей	134.
-----------------------------	------

Киргизскіе охотничьи анекдоты	135.
---	------

Злая женщина и нечистая сила	136.
--	------

Наказанный хитрецъ	141.
------------------------------	------

Хорошій чоловікъ	144.
Добро — залогъ будущаго блаженства	150.
Завѣщаніе отца	—
Алдіаръ	153.
Пастухъ и змѣя	155.
Наблюдательность киргиза	156.

